

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

***Уязвимость стран
глобального Юга***

***Vulnerabilities
in the Global South***

ТОМ 18 • НОМЕР 1 • 2025

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 18 • NUMBER 1 • 2025

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2025

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.00

Содержание

От главного редактора 6–8

Письмо в редакцию

КАБЫШЕВ С.В. О стратегических вопросах развития российского образования: точка зрения 9–17

Особенности современного экономического развития

КАНАЕВ Е.А. Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН 2025 18–34

РЕВЕНКО Л.С., СОЛДАТЕНКОВА О.И., РЕВЕНКО Н.С.

Продовольственная проблема в малых островных развивающихся государствах Азии и Океании 35–49

Азия: вызовы и перспективы

ВОЛОДИН А.Г. Южная и Юго-Восточная Азия в формирующемся полицентрическом мире: сопряжение политики и экономики 50–71

РОГОЖИНА Н.Г. Особенности расширения БРИКС в Юго-Восточной Азии 72–89

Панорама Африки и Ближнего Востока

ВОЛОДИНА М.А. Кабийская проблема в Алжире: история и современность 90–106

АТАМАЛИ К.Е. Иностранцы рабочие в странах Персидского залива: система кафаля 107–123

В национальном разрезе

ГЛУХОВ И.Д. Региональная экономическая политика Бразилии: опыт экономического подъема периферийных штатов 124–145

КИСЕЛЕВА В.И. Проблема источников статистической информации об экономике КНДР 146–162

Актуальные вопросы безопасности

СТРИГУНОВ К.С. Милитаризация преступных организаций как фактор криминального мятежа (на примере латиноамериканских банд и картелей) 163–182

Вокруг книг

КИЧА М.В. Читая книгу Якова Мироновича Рабкина «Израиль: война и мир» 183–192

DOI: 10.31249/kg/2025.01.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Dehli, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.00

Contents

Letter to the Editor

KABYSHEV S.V. Shaping the Development of Russian Education: Critical Reflections	9–17
--	------

Specifics of Modern Economic Development

KANAEV E.A. Artificial Intelligence and Emerging Vulnerabilities in the ASEAN Economic Community 2025	18–34
REVENKO L.S., SOLDATENKOVA O.I., REVENKO N.S. Food Problem in Small Island Developing States of Asia and Oceania	35–49

Asia: Challenges and Perspectives

VOLODIN A.G. South and Southeast Asia in the Emerging Polycentric World: Political and Economic Crossroads	50–71
ROGOZHINA N.G. Specifics of BRICS Expansion into Southeast Asia	72–89

Africa and the Middle East: the Changing Landscapes

VOLODINA M.A. The Kabyle Issue in Algeria: From History to the Present	90–106
ATAMALI K.E. Foreign Labor in the Gulf Countries: Examining the Kafala System	107–123

National Peculiarities

GLUKHOV I.D. Regional Economic Policy of Brazil: The Experiences of Peripheral Regions' Economic Uplift	124–145
KISELEVA V.I. The Problem of Economic Data Sources on the DPRK	146–162

Current Security Issues

STRIGUNOV K.S. Militarization of Criminal Organizations as a Factor of Criminal Insurgency: The Case of Latin American Gangs and Cartels	163–182
--	---------

Spotlight on New Academic Arrivals

KICHA M.V. Reading the Book “Israel: The War and the World” by Yakov Mironovich Rabkin	183–192
--	---------

От главного редактора

Восемь лет назад, когда я возглавил журнал «Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право», это издание проходило процесс глубокой реорганизации: были изменены не только обложка, интернет-сайт и даже название, но и принципы формирования редакционного портфеля. Придерживаясь принципа двойного слепого рецензирования даже для приглашенных авторов при доминировании статей, поступающих свободным потоком через интернет-сайт, мы каждый выпуск посвящаем определенной теме (причем публикации всех рубрик, а не только первые 3–5 статей, как это часто бывает у другой научной периодики).

В первые годы некоторые коллеги сомневались, что команда журнала «Контурь глобальных трансформаций» сможет реализовывать такой подход долго, выпуская по 6 номеров в год, находя каждый раз новый ракурс происходящим в мире изменениям, поскольку даже название нашего периодического издания казалось немногим вычурным. С тех пор, однако, мир действительно радикально изменился: пандемия *COVID-19* и связанные с нею изменения в экономике и других сферах общественной жизни переформатировали привычный уклад, а затем резкое обострение геополитической напряженности (прежде всего вокруг Украины и на Ближнем Востоке) заста-

вили говорить о подлинном переходе от однополярного к полицентричному мироустройству. В итоге набор обсуждаемых в наших выпусках магистральных аспектов глобальных трансформаций оказался более чем достаточным для поддержания комплектования номеров журнала по тематическому принципу.

2025 год мы начинаем с номера, который посвящен уязвимости стран Глобального Юга. К сожалению, следует признать, что государства «мирового большинства», несмотря на повышение своей роли в мирохозяйственных связях и международных отношениях, по-прежнему сталкиваются с многочисленными проблемами, в том числе обусловленными как колониальным прошлым, так и проявлениями современного неокOLONиализма, который даже иногда в должной мере не осознается ни всем обществом, ни правящими слоями. При этом в России традиционно считалось, что большинство проблем развивающихся стран для нас уже не актуальны, однако последние десятилетия показали, что недалековидная политика может вновь обострять, казалось бы, давно ушедшие угрозы национальной безопасности. Яркой иллюстрацией служит ориентация системы образования – от начальной школы до аспирантуры – на зарубежные установки. Изначально

проблема суверенизация национальной системы образования была характерна в основном для освободившихся от колониальной зависимости стран, причем нередко не имевших богатого культурного багажа, сопоставимого с предлагавшимся метрополиями. Однако в условиях глобализации, особенно в период американоцентричной однополярности, потеря бесспорных достижений национальных систем образования, являющихся фундаментом технологического развития и научного прогресса, стала характерна и для России, других европейских государств, заставляя задуматься об универсальности проявлений неокOLONиализма. Именно поэтому номер открывается новой для журнала «Контуры глобальных трансформаций» рубрикой «Письмо в редакцию», в которой председатель Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.В. Кабышев поднимает стратегические вопросы развития отечественного образования.

Нельзя не согласиться с автором письма, что система образования играет решающую роль в создании условий для реализации потенциала человека в интересах суверенного развития страны. В России с конца 1990-х годов был выбран явно не самый оптимальный вектор трансформации отечественной системы образования и научной сферы. На примере собственного журнала мы убедились в двойных стандартах пресловутых «западных ориентиров» типа американской базы *Web of Science*. Так, в 2021 г. журнал «Контуры глобальных трансформаций» дважды столкнулся с предвзятой антироссийской экспертизой: сначала после нескольких месяцев проверки вдруг была «потеряна» наша заявка, а потом решение вопроса об индексации журнала по существу

оттягивалось до начала обострения вооруженного конфликта в Донбассе под предлогом необходимости соблюдения этических норм при проведении стандартного социологического опроса студентов одним из наших авторов. Еще большую озабоченность вызывают ставка в научно-образовательной среде на шаблонность мышления и ориентация на тесты и другие рутины, а не творческое начало и способность критического восприятия действительности с выработкой конкретных прикладных рецептов. При этом мир вокруг нас стремительно меняется, и повсеместное внедрение, например, технологий так называемого искусственного интеллекта при неподготовленности большинства представителей российской молодежи несомненно создаст угрозу национальной безопасности. Как человек, два десятилетия преподающий в российских вузах, я с тревогой наблюдаю, что «оболванивание» студентов с помощью инструментов искусственного интеллекта оказывается более опасным, нежели ставший уже таким привычным плагиат (с которым в целом научились бороться, по крайней мере, при выпуске научных журналов).

Далее в текущем номере журнала «Контуры глобальных трансформаций» статьи сгруппированы в рамках традиционных для журнала рубрик (лишь рубрика «Актуальные вопросы безопасности» впервые вводится в нашем издании). Первая научная статья, написанная нашим новым членом редколлегии, профессором НИУ ВШЭ Е.А. Канаевым, посвящена анализу адаптации инструментов искусственного интеллекта в странах Юго-Восточной Азии. Автором показано, что периферийный статус стран АСЕАН по отношению к лидерам в новой области цифровизации человеческой жизни создает угрозы для экономического развития одной

из самых успешных на Глобальном Юге региональной интеграционной группировки. Вторая статья рубрики – про современное экономическое развитие, – которую подготовил коллектив столичных экономистов из нескольких известных организаций, возвращает нас к пониманию того, что даже на фоне всех новинок технического прогресса сохраняется уязвимость и со стороны базовых потребностей человечества, например, в области продовольственной безопасности.

В следующих рубриках мозаика анализа самых разных проблем Глобального Юга покрывает и Южную и Восточную Азию, и Ближний Восток и Северную Африку, и Латинскую Аме-

рику. Среди прочего рассматриваются довольно редкие в современных российских журналах темы, посвященные, например, Алжиру и КНДР. Внимание к проблемам стран «мирового большинства» отражает общую установку журнала «Контуры глобальных трансформаций» на освещение вопросов развития Азии, Африки и Латинской Америки. Мы, однако, не замыкаемся на формате «регионоведческих» научных исследований. Более того, наш журнал открыт для авторов, готовых исследовать проблемы стран «исторического Севера». Так, следующий номер в 2025 году будет объединен темой «Вызовы прогресса для экономически развитых стран».

член-корреспондент РАН А.В. Кузнецов

Письмо в редакцию

УДК 37+323(1*RU)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.01

О стратегических вопросах развития российского образования: точка зрения

Сергей Владимирович КАБЫШЕВ

кандидат юридических наук, председатель Комитета по науке и высшему образованию

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
ул. Охотный ряд, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 109012

E-mail: svkabyшев@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6790-954X

ЦИТИРОВАНИЕ: Кабышев С.В. О стратегических вопросах развития российского образования: точка зрения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 9–17.

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.01

Письмо поступило в редакцию 19.02.2025.

Решение о печати принято 03.03.2025.

АННОТАЦИЯ. Система образования играет решающую роль в создании условий для реализации потенциала человека в интересах суверенного развития страны, формирует нравственные императивы и глубокую связь с Отечеством. В условиях стоящих перед страной исторических вызовов остро стоит вопрос о формировании стратегии развития образования на долгосрочный период, которая должна отражать приоритеты, цели, принципы государственной политики в этой сфере, способствовать раскрытию потенциала образования как общественного блага. В статье изложена авторская точка зрения на некоторые основные проблемы, связанные с формированием такой стратегии, высказаны оценки и предложения, которые могут способствовать тому, чтобы найти более взвешенные и эффективные подходы и решения для достижения необходимого качества образования в нашей стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия развития образования, педагогический тризм, непрерывное образование, качество образования.

Мы находимся на переломном историческом этапе, когда определяются и затвердевают ценности, принципы и цели суверенного развития страны, создаются предпосылки и условия для национального лидерства России, которая, сохраняя самобытность, должна служить центром глобального притяжения. Ключ к успеху в преодолении стоящих перед нами исторических вызовов – в создании условий для наиболее полной реализации потенциала человека в целях технологического лидерства России.

Система образования играет здесь решающую роль, поскольку формирует нравственные императивы человека, его глубокую и осознанную связь с Отечеством, рациональные способы

познания и преобразования мира, овладев которыми, человек может лучшим образом осуществить свой талант и способности в профессиональной сфере для себя, своих близких, государства и общества в целом. Именно в образовании сплетается единое полотно времен и поколений, рождается чувство и понимание национальной идентичности, образ будущего страны.

Образование не имеет ничего общего со сферой услуг. В 2022 г. в Закон об образовании были внесены изменения, призванные исключить отождествление образования, реализуемого на основе бюджетного финансирования, и осуществления услуг. Вместе с тем эта порочная идея не преодолена окончательно, в частности, применительно к платному образованию. Куда важнее переосмысление сути образования на практике, включая выработку самой методологии развития образования, организация которого должна строиться на основе понимания образования в ряду важнейших общественных благ, которые должно обеспечить государство.

Конституция Российской Федерации, закрепляя право на образование в системе основ правового статуса личности (ст. 43), исходит из того, что обеспечение его реализации возложено прежде всего на государственные и муниципальные организации, и при этом рассматривает образование как одно из важнейших направлений государственной политики (п. «е» ст. 71, п. «е» ч. 1 ст. 72, п. «в» ч. 1 ст. 114). Важно сделать акцент на том, что право на получение образования воплощает в себе как субъективно-личностную заинтересованность в освоении знаний и навыков, необходимых для наиболее полной самореализации, так и общественную потребность в воспитании зрелой в интеллектуальном, гражданском, культурно-нравственном отношении личности.

Высшее образование ориентировано на подготовку в конечном итоге таких квалифицированных кадров для реализации целей и задач государства и общества, которые в силу приобретенной квалификации могут быть так или иначе вовлечены в организационно-управленческую деятельность в рамках своего профессионального профиля и, соответственно, должны в достаточной высокой степени осознавать общность конституционных идеалов, определяющих государственное и общественное развитие. Целевые и содержательные характеристики права на образование объективно связаны с формированием социальной основы народовластия и, соответственно, должны быть ориентированы публично-политическими ценностями и интересами. Всё это говорит о том, что образование в его конституционном понимании должно рассматриваться в системе функций государства, а его развитие должно определяться на основе стратегического планирования.

Разработка стратегии развития образования – один из ключевых элементов реализации национальных целей. Государственная Дума не раз подчеркивала важность ее подготовки (в частности, в рекомендациях парламентских слушаний на тему «О мерах по повышению качества образования в Российской Федерации», утвержденных постановлением Государственной Думы от 23 июля 2019 г. № 6683–7 ГД, рекомендациях парламентских слушаний на тему «Развитие системы высшего образования в Российской Федерации», утвержденных постановлением Государственной Думы от 24 ноября 2022 г. № 2485–8 ГД, в постановлении Государственной Думы от 27 октября 2020 г. № 8980–7 ГД по итогам «правительственного часа» с участием министра науки и высшего образования Российской Федерации). В соответствии

с распоряжением Президента Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 426-рп создана межведомственная рабочая группа по вопросам развития системы образования, к основным задачам которой отнесены организация разработки и рассмотрение стратегии развития образования в России.

В рамках работы по формированию стратегии развития образования прежде всего необходимо определить суть данного документа.

Полагаю, стратегия развития образования – не сводный перечень ведомственно-отраслевых проблем и задач, а особый инструмент стратегического государственного планирования. Из этого, казалось бы, очевидного замечания следует, что смысл стратегии не может сводиться только к обслуживанию экономики. Стратегия – одна из форм государственного управления, должна определять роль и способы воздействия системы образования на формирование необходимых государству социально-экономических институтов, на преобразование экономики. Поэтому важно задать систему целеполагания, идеологию государственной политики в сфере образования, четко расставить приоритеты, определить принципы и ценности, на которых должны базироваться образование, стоящие перед ним основные вызовы, а также ответы на них, причем в разрезе всех уровней образования. Кроме того, стратегия должна играть дисциплинирующую и стабилизирующую роль в развитии законодательства, обеспечивать его понятность, последовательность и планомерность.

Далее сосредоточусь на некоторых основных проблемах, которые требуют внимания при выборе направлений развития, прежде всего высшего образования.

Три кита национальной модели образования – знание, воспитание, дис-

циплина. Поэтому высшее образование должно быть ориентировано на подготовку квалифицированных и преданных Родине специалистов, создающих будущее нашей государственности.

В связи с этим стержневая идея стратегии развития образования должна состоять в приоритетной роли учителя и наставника. Это принцип, который можно назвать педагогическим тризмом. Именно педагог – источник, носитель образования. От его таланта, профессионального уровня, мировоззренческих установок и системы мотивации зависит реальное качество образования.

Эта важнейшая принципиальная, ценностная установка должна быть наполнена в стратегии реальным содержанием. Что имею в виду?

Во-первых, нужно существенно, на деле повысить реальный уровень оплаты труда педагогов. Замечу, уровень, определенный Президентом Российской Федерации как двукратная величина средней зарплаты в регионе, причем в расчете на одну ставку, далеко не везде обеспечивается.

Кого обманываем накруткой ставок в статистике? Педагог должен учить и еще сам учиться, а не сводить концы с концами.

Хочу подчеркнуть: педагогическая ставка отражает уровень научно обоснованной трудовой нагрузки с учетом специфики профессиональной деятельности. Ее превышение, допускаемое педагогом вынужденно, не может рассматриваться как норма, тем более поощряться. Это путь к психологическому и профессиональному выгоранию, которое несовместимо с качеством образования.

При этом требует сдержанной оценки предложение увязать повышение оплаты труда педагогическим работникам с результативностью их деятельности, выраженной через успехи вы-

пускников в профессиональной жизни (по аналогии с профессиональным спортом). Образование носит коллективный характер и в своих итогах определяется не только качеством работы и ответственностью педагога, но и усердием обучающегося, ролью и возможностями семьи в использовании дополнительных инструментов повышения образовательного уровня ребенка. Воздействие педагогической работы касается личности в целом, не сфокусировано на отдельных физических параметрах. В свою очередь, профессиональная результативность человека может определяться не только образованием, но и лежащими за пределами этой сферы параметрами, характеризующими, например, социальный статус семьи. Причинная обусловленность профессионального успеха выпускника качеством образования, во всяком случае, не является прямой и непосредственной, что ставит вопрос о справедливости такого подхода, соблюдении принципа равной оплаты за равный труд.

Повышение зарплат связано с изменением механизма подушевого финансирования в образовании, которая явно вредит качеству. Сначала вузы принимают абитуриентов, не имеющих должного уровня подготовки, а потом держатся за них, даже при неуклонности, стремясь сохранить финансирование. Куда это годится?

Во-вторых, вузовские преподаватели должны иметь стабильную занятость, уверенность в завтрашнем дне. Однако практика заключения краткосрочных трудовых договоров в высшей школе сохраняется, несмотря на позицию Конституционного Суда Российской Федерации (постановление от 15 июля 2022 г. № 32-П) и изменения в законодательстве (Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 471-ФЗ). Нужно более решительно двигаться к бессрочному контракту.

В-третьих, сохраняется проблема жилищных гарантий для педагогических работников.

Уровень и условия предоставляемых педагогическим работникам государственных гарантий и мер поддержки должны способствовать привлечению и закреплению педагогических кадров, формированию почта и уважения к ним в обществе, обеспечивать педагогам достойную жизнь и уверенность в завтрашнем дне, реальную возможность посвятить себя исполнению общественно значимой профессиональной миссии. Предоставляемые педагогическим работникам гарантии не могут приобретать формальный характер, быть фактически исполнимыми и действенными, чтобы не подрывалось доверие к действиям государства. В особой степени это касается гарантий, относящихся к удовлетворению потребностей педагогов в жилье, которые имеют основополагающее значение для достойной жизни.

Закон об образовании (п. 6 ч. 5 ст. 47) предусматривает право на предоставление педагогическим работникам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, вне очереди жилых помещений по договорам социального найма, право на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда. Вместе с тем реализация указанного права на получение жилья по договорам социального найма предполагает обращение к нормам и институтам жилищного законодательства, которое, однако, предусматривает внеочередное предоставление жилых помещений по договорам социального найма как дополнительную гарантию права на жилище для отдельных категорий граждан и не предполагает распространение такого порядка на лиц по профессиональному признаку (ч. 2 ст. 57 Жилищного кодекса Российской Феде-

рации). В связи с этим признанное государством соответствующее право педагогических работников приобретает эфемерные черты.

Обращаясь к данной проблеме, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 9 февраля 2017 г. № 215-О указал на то, что, хотя наделение отдельных категорий граждан правом на внеочередное предоставление им жилых помещений относится к дискреционным полномочиям законодателя, установление этого права в федеральном законе обязывает и к своевременному закреплению гарантий его реализации, прежде всего к созданию надлежащей нормативной основы деятельности органов публичной власти, иных субъектов, направленной на обеспечение осуществления данного права указанными гражданами, в том числе в части необходимых для этого материальных и финансовых средств.

В целях устранения коллизии в законодательном регулировании и эффективного обеспечения потребностей педагогических работников, нуждающихся в жилых помещениях, законопроектом необходимо конкретизировать правовой механизм дополнительного гарантирования жилищных прав педагогических работников, положив в его основу сочетание принципиально единого общефедерального социального стандарта с возможностью применения разумно дифференцированного подхода при выборе наиболее оптимальных (с учетом широкого территориального разнообразия) способов обеспечения доступности жилья для этой категории граждан. Организационно-процедурный механизм обеспечения педагогов жильем должно определить Правительство Российской Федерации.

В-четвертых, крайне острым и болезненным остается вопрос сокращения бюрократической нагрузки на пре-

подавателей. Существующий объем отчетности воспринимается педагогическим сообществом как признак недоверия к нему, более того, дает поводы для придинок, не имеющих к сути образовательного процесса никакого отношения. Нужно принципиально исправлять ситуацию. Лицо, допущенное к педагогической, преподавательской деятельности, должно пользоваться доверием и быть избавлено от мелочного надзора. Нужно, наконец, оставить педагогов в покое и дать им заниматься своим основным делом.

Говоря о приоритетной роли педагога, нельзя обойти вниманием цифровизацию образования. Убежден, подлинное образование происходит в межличностном общении, не может быть бездушным и бездуховным. Педагог учит думать, воспитывает своим примером. Профессиональный опыт, знания, авторитет не заменить самыми совершенными артефактами.

Не надо бежать от реальности. Но давайте четко определим риски и не будем действовать наскоком, особенно в части искусственного интеллекта. Машина не может привить совесть. Бездушная прагматика и рационализм – надо ли ставить это во главу угла? Готовы ли мы доверить алгоритмам выбор траектории обучения и карьеры? Стоит задуматься.

Хочу подчеркнуть, что сам термин «искусственный интеллект» отсутствует в Законе об образовании. Не сложились и общие подходы, касающиеся обучения использованию данной технологии как самих педагогов, так и студентов, в том числе в качестве элемента будущей профессиональной деятельности. Изучение так называемого промтинга нейросетей осуществляется в основном в неформальном порядке, и его качество оставляет много вопросов. Нет единых этических правил, касающихся оснований, усло-

вий, пределов применения этой технологии в образовательном процессе. Ставка на своего рода опережающую позицию вузов, на естественное формирование лучших практик вряд ли оправдана, не соотносится с реальной и всё возрастающей ролью этой технологии в современном мире и теми рисками, которые она в себе несет. Все эти вопросы должны найти отражение в стратегии.

Главная стратегическая цель в сфере высшего образования – его качество, важнейшим показателем которого, на мой взгляд, является способность выпускника университета самостоятельно вырабатывать и принимать ответственные профессиональные решения, эффективно действовать в профессиональной и бытовой сфере в меняющихся обстоятельствах, следуя при этом принятым в российском обществе духовно-нравственным идеалам.

Достижение такого качества невозможно без реализации концепции непрерывного образования в течение всей жизни, которая прямо закреплена в ст. 71 Конституции Российской Федерации. Это предполагает системную связь всех уровней образования и налаженную воспитательную работу.

В этом плане нам не уйти от проблемы судьбы ЕГЭ. Известно, что главные аргументы в пользу ЕГЭ состоят в том, что он позволяет устранить коррупционный фактор при поступлении в вуз и обеспечивает равенство в возможности получения высшего образования независимо от места жительства. Однако общество всё более настойчиво обозначает проблему влияния ЕГЭ на качество образования, которое фокусируется вокруг перечня относящихся к этому экзамену дисциплин. Необходимо решить, готовы ли мы жертвовать качеством образования в пользу равенства. И действительно ли антикоррупционный фак-

тор столь реален, учитывая, что вузы правомочны проводить вступительные испытания.

Что касается среднего профессионального образования, то его потенциал еще не раскрыт. Замечу, например, что в ч. 2 ст. 43 Конституции Российской Федерации прямо гарантируется общедоступность и бесплатность не только дошкольного и основного общего, но и среднего профессионального образования (СПО). При этом общедоступность – это не конкурс, который в Конституции Российской Федерации предусмотрен для высшего образования. Однако действующая модель СПО строится на иных условиях.

Важно обеспечить преемственность общего и профессионального образования. В системе среднего образования, как известно, допускается профильное обучение, что особенно перспективно для становления инженерных кадров. Но эффективно ли используется этот институт? Созданы ли условия для его широкого применения с участием работодателей?

Известно, что ряд организаций в инициативном порядке стремятся активизировать профильное обучение. К примеру, ПАО «Челябинский кузнечно-прессовый завод» за счет собственных средств сформировало систему инженерных классов и политехническое отделение многопрофильного колледжа Южно-Уральского государственного университета. К сожалению, это редкая практика. Нет необходимых налоговых и других стимулов. Социальное партнерство в образовании, где работодатель как квалифицированный заказчик участвует в формировании образовательных программ, организует практическую подготовку и финансирует обучение, должно приветствоваться и поощряться государством через понятную систему мер поддержки, которую еще только предстоит наладить.

Важно обеспечить принципиальное единство образовательного пространства, в том числе для сферы высшего образования. Это предполагает увязывание развития образования с пространственным развитием страны, создание условий для получения качественного высшего образования на основе разумно соотносимых между собой программ во всех субъектах Федерации. Стягивание образовательных ресурсов в отдельные центры – угроза устойчивому развитию страны. Решению этой задачи может способствовать «перезапуск» системы ФУМО, в том числе с участием работодателей. Стоит отметить: их участие не исключено и сейчас, но не всегда они с охотой идут. Полагаю, проблема не сводится к социальной пассивности, а связана в том числе с функционалом ФУМО, действенностью этого института.

Подчеркну: равная территориальная доступность высшего образования не может оплачиваться ценой его качества. Когда речь идет об образовательных программах, не профильных для вуза, – это всегда риск. Здесь нужно навести порядок. Не только в сфере медицинского образования, но и по другим направлениям, включая юриспруденцию.

С позиции качества нужно подходить к определению сроков обучения и соотношению уровней высшего образования. Переходя к новой модели высшего образования, нельзя создавать неоправданных затруднений и задержек в возможности получить образование на более высоком уровне, тем более по сугубо формальным поводам сокращать возможности формирования научных кадров. Если предположить, что в рамках новой модели высшего образования поступление в магистратуру будет обусловлено необходимостью наличия практического опыта, а в аспирантуру – освоением программы

высшего образования не менее установленного срока, который при этом будет отличаться (превышать) минимальный срок обучения для высшего образования в целом, это создаст препятствия для подготовки научных кадров по соответствующим направлениям высшего образования.

При этом следует предметно подойти к вопросу кадровой асимметрии и дефицита, что характерно не только для того, что на слуху: педагогической, инженерной, медицинской сферы, но и, например, для сферы культуры, где нередко примадонны театров вынуждены играть джоймочек. От проблемы обеспечения территориального выравнивания занятости нам не уйти.

Есть разные подходы: и реанимировать командно-административное прошлое с известным распределением, и надеяться на личную сознательность и целевой набор в совокупности с мерами стимулирования и поддержки. Думаю, как и во многих других случаях, правильное решение где-то посередине. Если человек сам связывает профессиональное будущее с ключевыми социально значимыми отраслями, такими как образование, здравоохранение, оборона и безопасность, а государство, полагаясь на этот выбор, расходует средства налогоплательщиков на его обучение, создавая тем самым условия для реализации важнейших интересов других лиц, государства и общества в целом, то должны быть и справедливые механизмы регулируемой занятости в подобных стратегических сферах, исключая произвольный, вопреки законным общественным ожиданиям, отказ выпускника от работы по профилю. Важно при этом иметь четко и заблаговременно определенный перечень таких стратегических отраслей и не лишать выпускника некоторого усмотрения в выборе конкретного места работы по профилю.

Необходимо развивать систему воспитания в высшей школе в единстве с образованием. Важным шагом стало включение в программы курса основ российской государственности. Однако он весьма скоротечен, реализуется только в рамках первого семестра первого курса обучения. При этом такой ключевой вопрос, как освоение конституционной культуры, не получает должного внимания. Стоит подумать над расширением и углублением этого курса за счет включения в него раздела, посвященного основам конституционного строя Российской Федерации и системе конституционных обязанностей гражданина, обеспечив при этом привлечение к подготовке учебно-методических материалов и рекомендаций по преподаванию данного раздела ведущих ученых в сфере конституционного права. Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности введения по этому курсу обязательного государственно-го экзамена.

В качестве отдельного направления выделяю создание понятных инструментов, обеспечивающих влияние современных научных достижений на со-

держание образовательных программ, а также формирование научных, академических фильтров учебной литературы для высшей школы.

При выстраивании новой модели высшей школы очень важно преодолеть вредные чужеродные заимствования и шаблоны, которые препятствуют уверенной реализации наших собственных национальных интересов. Поэтому, прощаясь с бакалаврами, не раствориться бы в микростепенях и микроквалификациях, не девальвировать высшее образование, не обманывать наших граждан. При этом в целом важно придерживаться принципа «обновляя систему, не обнуляем права». Любые меры не должны приводить к ухудшению правового положения граждан, получивших высшее образование в рамках прежних условий.

Решение обозначенных проблем и задач, как и в целом развитие системы высшего образования, – общая совместная ответственность правительства и парламента, работодателей и преподавателей, а также научного (академического) сообщества. В этом залог нашей исторической победы, нашего цивилизационного лидерства.

Letter to the Editor

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.01

Shaping the Development of Russian Education: Critical Reflections

Sergei V. Kabyshev

PhD (Law), Chairman of the Committee for Science and Higher Education

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Okhotny Ryad Street, 1, Moscow, Russian Federation, 109012

E-mail: svkabyshev@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6790-954X

CITATION: Kabyshev S.V. (2025). Shaping the Development of Russian Education: Critical Reflections. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 9–17 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.01

Received: 19.02.2025.

Revised: 03.03.2025.

ABSTRACT. *The education system plays a pivotal role in creating the conditions necessary for the realization of human potential in the interests of sovereign national development. It shapes moral imperatives and cultivates a profound connection with the Fatherland. In the context of the historical challenges currently confronting the nation, the formulation of a long-term strategy for the development of education has become a pressing imperative. Such a strategy should articulate the priorities, objectives, and guiding principles of state poli-*

cy in this domain and promote the recognition of education as a fundamental public good. This article presents the author's perspective on several key issues related to the formulation of this strategic vision. It offers evaluations and proposals intended to support the development of more balanced and effective approaches for ensuring the requisite quality of education in the country.

KEYWORDS: *education development strategy, pedagogy, lifelong education, quality of education.*

Особенности современного экономического развития

УДК 339.9+004.8(5-12)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.02

Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН 2025

Евгений Александрович КАНАЕВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: e.a.kanaev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7988-4210

ЦИТИРОВАНИЕ: Канаев Е.А. Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН 2025 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 18–34.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.02

Статья поступила в редакцию 12.02.2025.

Исправленный текст представлен 03.03.2025.

АННОТАЦИЯ. В работе проведен анализ политики Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по адаптации инструментов искусственного интеллекта (ИИ) к своему основному перспективному проекту – формированию Экономического сообщества (ЭС) АСЕАН. Рассмотрены особенности интеграционной модели АСЕАН, частью которой стал проект ЭС, раскрыта эволюция цифровых инициатив АСЕАН, дана оценка итогам их реализации. Определены направления политики Ассоциации и входящих в нее стран в отношении искусственного интеллекта в ее увязке с потребностями формирования ЭС АСЕАН. Особое внимание уделено выявлению факторов уязвимости этого проекта в контексте развития его ИИ-повестки. Сделан вывод, что успешное внедрение ИИ-практик

в сотрудничество государств Ассоциации в контексте формирования Экономического сообщества затруднено взаимным влиянием пробелов нецифровой и цифровой интеграции АСЕАН с мультиплицирующим эффектом, усугубленным быстрым развитием ИИ-систем и ИИ-технологий, а также неспособностью Ассоциации развивать ИИ-повестку ЭС АСЕАН в условиях неготовности к этому ее стран-участниц. По мнению автора, АСЕАН находится в состоянии стратегического цугцванга, поскольку как форсированное развитие ИИ-повестки, так и попытка поставить это направление на паузу приведет к нарастанию ее зависимости от внерегиональных партнеров. Исследование базируется на междисциплинарном подходе с интеграцией общенаучных, частно-научных

и дисциплинарных методов. Поскольку данная тема именно в таком исследовательском ракурсе не была предметом специального рассмотрения в отечественном и зарубежном научном сообществе, а обращение к ее отдельным аспектам носит спорадический и фрагментарный характер, статья имеет очевидную научную новизну, актуальность и практическую значимость.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, интеграция, Экономическое сообщество АСЕАН 2025, глобальные цепочки стоимости, цифровые инициативы АСЕАН, искусственный интеллект.

Развитие искусственного интеллекта стало одной из самых обсуждаемых тем в глобальном интеллектуальном пространстве применительно к самым разным сферам деятельности. Не обошла она и Юго-Восточную Азию (ЮВА), государства которой и объединяющая их Ассоциация стран Юго-Восточной Азии рассматривают возможности адаптировать инструменты ИИ к собственным перспективным планам, а также к многосторонним инициативам и проектам Ассоциации. В числе последних – Экономическое сообщество АСЕАН 2025 г., завершить который, как следует из его названия, Ассоциация планирует в наступившем году.

Однако форсированное внедрение инструментов ИИ в ткань Экономического сообщества АСЕАН может привести к утрате Ассоциацией возможности самостоятельно определять повестку развития ИИ на пространстве ЮВА и нарастанию ее зависимости от внешних игроков. К такому выводу подталкивает анализ структурных пробелов асеановской интеграции в нецифровой и цифровой сферах в их увязке с политикой АСЕАН и входя-

щих в нее стран в отношении собственно искусственного интеллекта. Соответственно, исследовательский вопрос статьи состоит в следующем: почему Ассоциация находится в стратегической ловушке применительно к развитию ИИ-повестки в контексте формирования Экономического сообщества АСЕАН?

Достижения и ограничения Экономического сообщества АСЕАН 2025

Ассоциация приступила к формированию Экономического сообщества в 2003 г. Экономическое сообщество является одной из трех составляющих Сообщества АСЕАН (остальные два – Сообщество в сфере политики и безопасности и Социокультурное сообщество). Первоначально АСЕАН планировала создать ЭС в 2020 г., впоследствии срок был сокращен на пять лет. В 2015 г. АСЕАН заявила о частичном достижении поставленных целей и продлила реализацию проекта до 2025 г. В конце нынешнего года Ассоциация планирует представить План по формированию Сообщества АСЕАН до 2045 г. [Seah, 2025].

Актуальная версия Экономического сообщества АСЕАН (ЭС АСЕАН 2025) включает пять направлений. Это 1) развитие высокоинтегрированной и целостной (*cohesive*) экономики, 2) формирование конкурентоспособной АСЕАН, динамично развивающейся на основе инноваций, 3) наращивание взаимосвязанности и секторального сотрудничества между странами АСЕАН, 4) формирование стрессоустойчивой (*resilient*), инклюзивной и человекоориентированной АСЕАН и 5) повышение влияния АСЕАН на глобальное развитие [ASEAN..., 2015]. Конечная цель усилий Ассоциации состоит в том, что-

бы превратить Юго-Восточную Азию в унифицированное пространство ведения экономической и коммерческой деятельности, интегрированное в глобальные процессы и привлекательное для корпоративного сектора стран АСЕАН и ее партнеров.

Оценивая степень успешности усилий АСЕАН по развитию этих направлений, отметим ряд моментов.

С одной стороны, проведенные Ассоциацией мероприятия, безусловно, способствуют выравниванию условий осуществления экономической и коммерческой деятельности в ЮВА и ее интеграции в глобальную экономику. Из основных можно отметить запуск Службы единого окна АСЕАН, Системы таможенного транзита стран АСЕАН, подписание и реализацию Рамочного соглашения АСЕАН по вопросам интеграции банковских услуг, а также переговоры о Рамочном соглашении стран АСЕАН по вопросам конкуренции. К заслугам Ассоциации можно обоснованно отнести создание Академии АСЕАН по вопросам интеллектуальной собственности и Справочной системы стран АСЕАН по вопросам профессиональных квалификаций для облегчения трансграничного перемещения специалистов. Но главное – в 2020 г. и 2022 г. соответственно подписано и вступило в силу Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), способное не только влиять на глобальное торговое, инвестиционное, технологическое, экологическое и цифровое сотрудничество, но и задавать параметры его развития.

С другой стороны, основа ЭС АСЕАН была и остается шаткой. Выделим наиболее важные причины.

Во-первых, многосторонним экономическим инициативам Ассоциации

(если не считать неудачные фальстарты 1970–1980-х годов), на которых впоследствии стало происходить формирование Экономического сообщества, предшествовало участие асеановской «первой пятерки» в японоцентричной системе «гусиного клина». Иными словами, торгово-инвестиционное и технологическое сотрудничество между странами АСЕАН стало выстраиваться на глобальных цепочках стоимости (ГЦС), созданных предприятиями не государств АСЕАН, а ее внерегиональных партнеров¹. Результат закономерен: в основе решения Сингапурского саммита стран Ассоциации о формировании Зоны свободной торговли АСЕАН лежала японская инициатива «взаимодополнения брендов» (*Brand to Brand Complementation*). Она была нацелена на поощрение трансграничных обменов промежуточными товарами и услугами между созданными японскими автомобильными компаниями сборочными производствами, размещенными на территории государств Ассоциации [Ishikawa, 2021]. Впоследствии асеановские предприятия включились в южнокорейские и американские ГЦС, а в последнее время – в китайские, которые выстраивают цепочки, ориентированные не только на производителя (приборостроение, станкостроение, бытовая техника и иные), но и на потребителя. Основой последних выступают крупные торговые сети, владельцами которых являются состоятельные этнические китайцы, проживающие в странах ЮВА и развивающие деловые связи с соотечественниками из КНР. В таких ГЦС предприятия стран ЮВА выступают в качестве партнеров, не способных влиять на ключевые производственные процессы и управленческие решения,

1 В политическом лексиконе АСЕАН термином «внерегиональные (внешние) партнеры» (*external partners*) обозначаются международные акторы, расположенные за пределами Юго-Восточной Азии (Китай, Япония, ЕС и прочие).

трансферы технологий и иные факторы конкурентоспособности цепочки, формируя ее в соответствии со своими приоритетами.

То обстоятельство, что корпоративный сектор стран «десятки» не создал собственные ГЦС, имеет большое значение для асеановской интеграции. Развитие ГЦС ведет не только к расширению самих производственных сетей, но и поощряет внутриотраслевые и межотраслевые хозяйственные связи (например, производство полупроводников естественным образом стимулирует модернизацию приборостроения), ведет к созданию вспомогательных отраслей, содействует росту производительности труда, обменам лучшими производственными и управленческими практиками. Поскольку предприятия стран ЮВА играют в таком сотрудничестве роль «ведомых», они не могут определять его развитие. Тем более что сборочные производства (а асеановские предприятия преимущественно заняты именно этим) обладают низкой добавленной стоимостью по сравнению с другими составляющими ГЦС: исследованиями, маркетингом или послепродажным обслуживанием.

Во-вторых, основой инициатив и проектов экономического регионализма АСЕАН, в числе которых Экономическое сообщество, была и остается негативная интеграция. Асеановская стилистика сотрудничества не предполагает создания эффективных национальных институтов наподобие тех, которые характерны европейской интеграционной модели. По этой причине асеановская интеграция не вышла за рамки зоны свободной торговли, дополненной так называемой повесткой наращивания региональной взаимосвязанности. Последняя предполагает совместное строительство объектов трансграничной ин-

фраструктуры (примерами служат Единая энергосистема АСЕАН и Транс-аеановский газопровод), развитие процедур, облегчающих международные операции (Служба одного окна АСЕАН), упрощение визитов из одной страны АСЕАН в другую. Однако нет предпосылок для создания, например, единого рынка ценных бумаг АСЕАН или единой валюты АСЕАН наподобие евро.

В-третьих, хотя положение об усилении влияния корпоративного сектора стран ЮВА на их экономические и деловые связи содержится в Дорожной карте формирования ЭС АСЕАН 2025 [ASEAN..., 2015, р. 32–33], нет достаточных оснований утверждать, что Ассоциации удалось это осуществить. К такой оценке подталкивают промежуточные итоги деятельности Делового консультативного совета (ДКС) АСЕАН.

Созданный как площадка для выстраивания диалога между государственными структурами и корпоративным сектором стран «десятки», ДКС АСЕАН регулярно проводит мероприятия по обмену опытом и лучшими практиками, готовит аналитические материалы для лиц, принимающих решения, реализует информационно-просветительские инициативы. Из последних можно выделить Премию АСЕАН в области бизнеса (*ASEAN Business Awards*), Программу глобального лидерства АСЕАН, Деловой и инвестиционный саммит АСЕАН. Во время таких встреч компании стран ЮВА, в том числе малый и средний бизнес, завязывают перспективные контакты, рассматривают возможности и направления совместной деловой активности, в том числе путем формирования межфирменных альянсов, обсуждают принимаемые законодательные инициативы и их последствия для рынков и отраслей.

Для компаний это имеет очевидные положительные стороны: сокращаются издержки при выходе на новые рынки, формируются и расширяются базы данных о потенциальных партнерах и конкурентах, отлаживаются каналы донесения своих интересов до профильных ведомств.

Вместе с тем заседания ДКС АСЕАН не привели к качественному росту масштабов и диверсификации направлений деловой активности на пространстве ЮВА. Несмотря на присутствие в ДКС АСЕАН представителей крупного бизнеса стран ЮВА, эта площадка сталкивается с постоянным недостатком финансирования. Причина очевидна: асеановский корпоративный сектор не видит немедленной коммерческой отдачи от своего участия в работе этой диалоговой площадки и не спешит выделять деньги на реализуемые ДКС АСЕАН проекты. Но главное – крупные компании стран ЮВА имеют прямой доступ к лицам, принимающим политические решения, и не видят необходимости в дублирующей структуре, а малый и средний бизнес практически не представлен в ДКС АСЕАН. Ограничены и административные возможности ДКС АСЕАН: согласно информации, размещенной на его интернет-сайте, в начале 2025 г. в его Секретариате работали три сотрудника: исполнительный директор (*Executive Director*), старший специалист по программам (*Senior Program Officer*) и специалист по программам (*Program Officer*).

В обозримой перспективе реализация планов АСЕАН, в том числе в отношении Экономического сообщества, будет сопряжена со значительными трудностями. Основная причина связана с эволюцией международной среды, в которой Ассоциация осуществляет свою политику: на глобальные экономические процессы в возрастающей

степени влияют проблемы безопасности. Это относится к институтам управления и регулирования, цифровой трансформации социума, климатическим изменениям и множеству иных глобальных процессов. Поскольку нынешняя американская администрация придерживается протекционистского подхода к вопросам международной торговли, благоприятная для АСЕАН ситуация, при которой у нее многие годы был значительный (а главное, практически постоянно растущий) профицит в торговле с США, может измениться уже в ближайшее время. Не меньшие опасения стран Ассоциации вызывает перспектива роста нетарифных барьеров в торговле с ЕС (так называемые зеленый протекционизм и цифровой протекционизм). Тем более что у АСЕАН нет соглашений о свободной торговле с США и ЕС, в которых были бы прописаны механизмы разрешения возникающих противоречий. В итоге странам АСЕАН будет сложнее компенсировать проблемы на китайском направлении, где устойчиво растет торговый дефицит Ассоциации, за счет наращивания сотрудничества на американском и европейском треках.

Не менее важно и то, что отлаживать функционирование Экономического сообщества Ассоциации придется в условиях фрагментации мирового экономического порядка. Последнее означает ограничение предложения асеановских товаров и услуг (как естественный результат удорожания импорта), сокращение спроса в странах АСЕАН (из-за снижения доходов населения) и падение совокупной факторной производительности в экономиках государств АСЕАН (из-за переформатирования хозяйственных связей). Если к этому добавить неэффективность глобальных институтов экономического управления и регулирова-

ния, усугубляемую волатильностью мировых рынков вследствие локальных конфликтов, равно как непредсказуемость мировых политических процессов, то вывод очевиден: долгосрочное прогнозирование становится невозможным в принципе. В итоге Ассоциация будет выстраивать свою политику преимущественно на импровизационно-ситуативной основе, что едва ли благоприятно скажется на ее проектах, в том числе на перспективах Экономического сообщества.

Эти факторы тем более значимы, что пространство ЮВА находится на пересечении множества инициатив экономического регионализма, реализуемых внешними игроками. Основными являются китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ИПП) и американоцентричное Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное сотрудничество (ИТЭРС). Поскольку в силу географического фактора торговые, инвестиционные и технологические связи стран АСЕАН ориентированы преимущественно на Китай (чему способствовали Зона свободной торговли АСЕАН – Китай и впоследствии ИПП), а основатели ИТЭРС, в которой участвуют семь из десяти государств Ассоциации, изначально не скрывали антикитайской направленности этой инициативы, внутренняя консолидация АСЕАН размывается. Это негативно сказывается на перспективных планах Ассоциации, в том числе связанных с формированием Экономического сообщества.

В общем и целом Экономическое сообщество изначально было проектом, не подкрепленным собственными ресурсами Ассоциации. Поэтому меры по его реализации носят половинчатый характер, отрицательно сказываясь на ее эффективности. Проблемы асеановской интеграции, частью которой стал проект ЭС АСЕАН, накаплива-

лись десятилетиями и дали о себе знать в неподходящее время, когда Ассоциация разрабатывает новое направление. Речь идет о сотрудничестве в цифровой сфере.

Промежуточные итоги цифровых инициатив АСЕАН

Осознавая значимость и потенциал цифровой трансформации, АСЕАН стремится обеспечить цифровыми инструментами свои проекты, а также реализует собственные цифровые инициативы. Не перечисляя их все и напрямую отсылая заинтересованного читателя к наиболее содержательному обзору этого направления политики Ассоциации [Isono, Prilliadi, 2023, p. 11–24], отметим, что она приступила к разработке этой ниши во второй половине 1990-х годов, в то время по линии интеграции инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий. Впоследствии цифровой трек асеановского сотрудничества приобрел самостоятельный характер. Инициативами, вокруг которых выстраивается диалог государств Ассоциации в настоящее время, стали Рамочный план действий АСЕАН по развитию цифровой интеграции с 2019 по 2025 г., Соглашение АСЕАН об электронной коммерции, Консолидированная стратегия АСЕАН в отношении Четвертой промышленной революции, Генеральный план АСЕАН по вопросам цифровой трансформации до 2025 г. и некоторые другие.

Однако основным цифровым проектом Ассоциации можно считать Рамочное соглашение по развитию цифровой экономики, которое находится в процессе обсуждения. Предполагается развитие следующих направлений: облегчение торговли посредством цифрового сопровождения документооборота, развитие «более честной и эффективной» электрон-

ной торговли, поощрение цифровых платежей, развитие инструментов цифровой идентификации, повышение уровня онлайн- и кибербезопасности, поощрение трансграничной передачи данных и защиты данных, сотрудничество по так называемым возникающим проблемам, в частности связанным с искусственным интеллектом, поощрение мобильности кадров в цифровой сфере². Таким образом, Рамочное соглашение предполагает не узкоспециализированное или нишевое сотрудничество, а всеобъемлющую цифровую трансформацию экономических практик на пространстве Юго-Восточной Азии. В немалой степени это обусловлено если не глубокой проработанностью, то как минимум началом реализации многих из представленных выше направлений после принятия Ассоциацией Генерального плана АСЕАН по вопросам цифровой трансформации до 2025 г., для которого характерен столь же «расширительный» подход.

Отдавая должное наличию визионерства в политике Ассоциации применительно к налаживанию цифрового сотрудничества, подчеркнем главное. Его благоприятный исход зависит от способности стран АСЕАН обеспечить цифровыми инструментами инициативы организации, координируя собственные перспективные планы в интересах общего дела. Пока до этого далеко в силу ряда причин.

Применительно к первой составляющей этой задачи отметим, что ее успешная реализация предполагает наличие более или менее равного уровня развития цифровой инфра-

структуры. Однако государства ЮВА отличаются с точки зрения доступности Интернета, в том числе пятого поколения. В 2023 г. (последние данные, предоставленные Секретариатом АСЕАН) такой показатель, как количество интернет-подписчиков на 100 чел. в странах Ассоциации, варьировался от 99,0 и 94,3 в Брунее и Сингапуре до 66,2 и 56,7 в Лаосе и Камбодже³. Что касается средней и пиковой скорости скачивания в 5G-формате, то здесь контраст еще более разителен [Kanaev, Fedorenko, 2024, р. 92]. Такая ситуация подрывает успешную реализацию множества трансграничных инициатив АСЕАН (включая, например, цифровое сопровождение уже упомянутых Единой энергосистемы АСЕАН и Трансасеановского газопровода), равно как и развитие трансграничного коммерческого сотрудничества в таких сферах, как финтех, цифровая трансформация медицины (медтех), сельского хозяйства (агритех), маркетинга (мартех) и других. Нецифровые инфраструктурные разрывы между ее странами, в том числе в сфере логистики, усугубляют стоящие перед Ассоциацией трудности.

Говоря о трансграничных коммерческих практиках, уместно отметить, что потребительский бум в государствах Юго-Восточной Азии привел к росту ожиданий покупателей в отношении не только качества товара, но и своевременности его доставки, возможности отслеживать его статус в режиме реального времени и иных составляющих покупки, считающихся в ЮВА не менее значимыми, чем собственно качество приобретенной вещи.

2 Framework for Negotiating ASEAN Digital Economy Framework Agreement // The ASEAN Secretariat. – 2023. – September 3. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/Framework-for-Negotiating-DEFA_ENDORSED_23rd-AECC-for-uploading.pdf (дата обращения: 30.01.2025).

3 Figure 3.3.1. Number of Internet Subscribers per 100 Persons by ASEAN Member States, 2019 and 2023 // ASEAN Key Figures 2024. – Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2024. – P. 68. – URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2024/12/AKF2024_v1.pdf (дата обращения: 30.01.2025).

В связи с этим разрывы между государствами АСЕАН в уровне оснащенности интернет-связью пятого поколения могут привести к снижению удовлетворенности потребителей, негативно сказавшись на трансграничной коммерческой деятельности на пространстве ЮВА, а следовательно, и унификации условий ведения там бизнеса.

Много вопросов вызывает то, каким образом Ассоциация намерена обеспечить ВРЭП эффективной цифровой поддержкой, что является неотъемлемой частью его координации усилиями АСЕАН. В числе таких вопросов – как отслеживать внедрение цифровых инструментов в ГЦС на пространстве ВРЭП (о том, что асеновские предприятия не имеют такой возможности, было сказано выше), осуществлять регулирование тарифов и послепродажного сервиса (в условиях стирания грани между товаром и услугой, как быть, например, с продажей онлайн-игр?), различных аспектов электронной торговли. Не вполне понятно, как осуществлять расчеты в цифровых валютах и взимать налоги с онлайн-рекламы. Для того, чтобы АСЕАН оставалась эффективным координатором ВРЭП, предприятия ее стран-участниц должны не только апробировать эти практики, но и быть на порядок более конкурентоспособными по сравнению с компаниями ее партнеров. В настоящее время этого нет и в обозримой перспективе, скорее всего, не появится.

Безотносительно ВРЭП, выстраивая диалог с внешними партнерами по вопросам цифровой трансформации, АСЕАН выступает в роли «ведомого». Достаточно упомянуть, что строительством инфраструктуры 5G-Интернета на пространстве ЮВА занимается пре-

имущественно корпоративный сектор США, КНР, Южной Кореи и европейских государств [Martinus, 2020, р. 4]. Наиболее популярными социальными сетями и контент-платформами в странах ЮВА в 2024 г. были *YouTube* (заблокирован на территории Российской Федерации), *Facebook* (запрещен в Российской Федерации), *Tik Tok* (работает с ограничениями в Российской Федерации), *Instagram* (запрещен в Российской Федерации), *Twitter X* (заблокирован на территории Российской Федерации) и *Linkedin* (заблокирован на территории Российской Федерации)⁴. Компании *Amazon*, *Google*, *Microsoft* и *Huawei* проводят масштабные цифровые образовательные проекты в государствах ЮВА, попутно расширяя там клиентскую базу посредством повышения лояльности к своим брендам и продвижения собственных технологических наработок. Сопоставимых ресурсов у стран азиатского Юго-Востока нет и, скорее всего, в обозримом будущем не появится.

Говоря о второй составляющей задачи, отметим, что ее решению препятствуют различные подходы государств АСЕАН к локализации данных, в то время как свободные трансграничные обмены ими являются одним из основных условий эффективной реализации многосторонних экономических и коммерческих проектов (причем необязательно собственно цифровых). Позиции Индонезии и Вьетнама таковы, что данные должны храниться и обрабатываться в пределах их национальных границ. Малайзия и Таиланд руководствуются законами о защите персональных данных, не разрешающими (за небольшими исключениями) трансграничную передачу данных. Сингапур, стремящийся наладить

4 E-Commerce Influencer Marketing in Southeast Asia // Cube Asia Sector Report. – 2024. – October 8. – P. 11. – URL: <https://cube.asia/eccommerce-influencer-marketing-sea-2024/> (дата обращения: 03.02.2025).

сотрудничество с максимальным количеством внешних партнеров, придерживается существенно более либерального подхода к локализации данных и возможности их трансграничных перетоков. Остальные страны АСЕАН находятся в процессе выработки своих подходов к этому вопросу [Капаев, 2024].

Наконец, ассоциированные государства существенно отличаются с точки зрения цифровых компетенций. Не перечисляя их позиции во всех существующих рейтингах, отметим данные, ежегодно публикуемые одной из наиболее авторитетных организаций в оценке цифровой трансформации различных государств – Швейцарским институтом развития менеджмента. В этом рейтинге представлены 67 стран, из них лишь некоторые являются членами АСЕАН. В 2024 г. по такому критерию, как «обучение и образование» (*training and education*), являющемуся одной из подкатегорий фактора «знания», показатели Сингапура, Малайзии, Таиланда, Филиппин и Индонезии составили 14, 22, 40, 62 и 63 соответственно⁵. Вкупе с отсутствием специального Соглашения АСЕАН о взаимном признании квалификаций в цифровой сфере (его наличие позволило бы наладить трансграничное сотрудничество стран «десятки» и хотя бы частично нивелировать разрывы между ними) это обстоятельство затрудняет реализацию многосторонних инициатив и проектов Ассоциации.

В общем и целом у цифровой повестки сотрудничества АСЕАН отсутствует прочная основа в виде нецифровых активов, на которой Ассоциация могла бы выстраивать свою политику. В свою очередь, подход АСЕАН к многостороннему диалогу по цифровым

вопросам в очередной раз продемонстрировал системную проблему АСЕАН, а именно слабость ее наднациональных структур.

Повестка искусственного интеллекта в формировании Экономического сообщества АСЕАН

Поскольку общепринятой трактовки того, что собой представляет ИИ, к настоящему времени не появилось, хотя предложения представляются регулярно, обратимся к ее асеановской версии. Согласно последней, искусственный интеллект представляет собой «инженерную или машинную (*machine-based*) систему, результатом деятельности которой, при условии заданных целей, становятся прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальный и виртуальный мир». В свою очередь, система искусственного интеллекта в интерпретации АСЕАН – это «машинная система, способная воздействовать на окружающее пространство посредством подготовки прогнозов, рекомендаций или решений для достижения определенных целей» [ASEAN..., 2024, p. 9].

Ассоциация и входящие в нее страны рассматривают возможность превратить Юго-Восточную Азию в один из глобальных центров развития ИИ. Выделим основные причины такой заинтересованности.

Развитие ИИ на пространстве ЮВА отвечает задаче Экономического сообщества АСЕАН (как до 2015 г., так и до 2025 г.) по усилению влияния Ассоциации на глобальное развитие. Мотив АСЕАН состоит даже не в стремлении АСЕАН стать участницей процесса с огромной экономической и коммер-

5 IMD World Digital Competitiveness Ranking 2024. – Lausanne: Institute for Management Development, 2024. – URL: <https://imd.widen.net/s/xvhldkrkw/20241111-wcc-digital-report-2024-wip> (дата обращения: 04.02.2025).

ческой отдачей, хотя перспектива роста капитализации глобального рынка ИИ с 197 млрд долл. до 1,8 трлн долл. в 2023–2030 гг. с совокупным ежегодным темпом прироста 37,3%⁶ сама по себе является сильным аргументом. Главное – страны АСЕАН намерены получить те бонусы, которые влечет за собой развитие ИИ и которые по степени влияния обоснованно приравниваются к изобретению электричества⁷. Соответственно, позиционировать Юго-Восточную Азию как привлекательное пространство ведения экономической и коммерческой деятельности, интегрированное в глобальные процессы и открытое для внерегионального бизнеса, без развития инструментов искусственного интеллекта (а это автоматизация производственных процессов, платформы машинного обучения, обработка естественного языка, улучшенная аналитика и структурирование данных и др.) бессмысленно.

Поскольку в современных условиях безусловным приоритетом корпоративного сектора стран АСЕАН и ее партнеров стало укрепление экономической безопасности, искусственный интеллект может оказаться полезным и тут. Для АСЕАН это имеет особое значение, поскольку она является координатором деятельности не только региональных многосторонних форматов экономического сотрудничества, но и диалоговых площадок по вопросам политики и безопасности. В повестке последних возрастающую значимость приобретает укрепление кибербезопасности, что при быстром прогрессе технологий едва ли возможно без применения ИИ-инструментов. Учитывая

колоссальное значение, которое Ассоциация придает сохранению, а в идеале укреплению своего статуса «движущей силы» азиатско-тихоокеанских структур многосторонней дипломатии, деятельность которых напрямую увязана с задачей формирования ЭС АСЕАН, развитие ИИ-повестки становится ее безусловным приоритетом.

Наконец, ИИ играет существенную роль как драйвер экономического развития самих ассоциированных государств. Согласно имеющимся оценкам, ИИ может способствовать приросту совокупного ВВП Ассоциации от 10 до 18%, составив 1 трлн долл. к 2030 г.⁸ ИИ незаменим для развития множества хозяйственных и коммерческих практик. В их числе – финтех, интернет медицинских вещей (онлайн-диагностика заболеваний, интерпретация рентгеновских снимков, разработка новых лекарств и дженериков, скрининг и глубокий анализ симптомов), сельское хозяйство (оценка состояния почв, прогнозирование урожайности и неблагоприятных стихийных воздействий, превентивная реакция на проблемы со здоровьем животных). Быстро набирает популярность так называемый мартех (сокращение затрат на производство рекламного контента, коммуникация с потребителями при помощи виртуальных помощников) и др. В целом ИИ-технологии уже сейчас стали одним из ключевых факторов экономической конкурентоспособности и коммерческой привлекательности, что осознают государства Юго-Восточной Азии.

Ассоциация и входящие в нее страны подкрепляют свою нацеленность

6 The Quest toward Developing an AI Governance in ASEAN // ASEAN for Business Bulletin. – Special Edition. – 2024. – P. 1. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/07/ASEAN-for-Business-Bulletin-Special-Edition.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

7 «Like Electricity, AI Can Bring Incredible Benefits» // HSE University News. – 2024. – May 13. – URL: <https://www.hse.ru/en/en/news/922814783.html> (дата обращения: 07.02.2025).

8 Muhammad S.M. Is Southeast Asia the Next Frontier for AI? // The Jakarta Post. – 2024. – December 10. – URL: <https://asianews.network/is-southeast-asia-the-next-frontier-for-ai/> (дата обращения: 02.02.2025).

на развитие искусственного интеллекта практикой конкретных дел. Из заметных мер, принятых АСЕАН как международным актором, можно отметить разработку Руководящих принципов АСЕАН по управлению и этике ИИ и создание Рабочей группы по вопросам ИИ. Руководящие принципы разрабатывались с участием не только стран – членов АСЕАН, но и партнеров Ассоциации по диалогу. Также они учитывали Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ и Рекомендации ЕС по этике для надежного ИИ. Этот документ призван стать ориентиром, задающим параметры сотрудничества в разработке, совершенствовании и внедрении ИИ-технологий для невоенных и коммерческих целей на пространстве ЮВА.

Ассоциация намерена выстраивать сотрудничество между своими странами-участниками в регулировании искусственного интеллекта на рекомендательной, а не обязательной основе: Руководящие принципы не имеют приоритета над национальными законами стран «десятки». Причина очевидна: у АСЕАН не развиты наднациональные структуры исполнения принимаемых решений. Однако асеановские эксперты считают, что именно такой подход оптимально учитывает региональную специфику⁹.

На страновом уровне тоже проводится работа по развитию и совершенствованию нормативной базы ИИ, а также внедряются в практику перспективные решения. В первом случае речь идет о разработке государствами АСЕАН правовых документов, имеющих прямое или косвенное отношение к ИИ. Не перечисляя все принятые странами Ассоциации документы и отсылая читателя напрямую к обзору основных

[Fong, 2024], отметим их акцент, как и в случае с Руководящими принципами АСЕАН по управлению и этике ИИ, на добровольности выполнения принимаемых обязательств. Что касается второго, то дальше других государств «десятки» продвинулись Сингапур, Таиланд, Индонезия и Вьетнам. Республика Сингапур, первой в мире создавшая Систему тестирования управления искусственным интеллектом, делает акцент на совершенствовании ИИ-технологий «умного города». По пути развития городской инфраструктуры идет и Таиланд, главным образом в сфере регулирования городского движения. Индонезия концентрируется на внедрении ИИ-инструментов в сельском хозяйстве и медицине, а Вьетнам – в сфере налогообложения. Некоторые страны АСЕАН создали собственные системы больших языковых моделей, примерами чего служат сингапурская *SEA-LION*, индонезийская *Yellow.AI* и вьетнамская *PhoGPT*.

Ассоциация и отдельно некоторые из входящих в нее стран участвуют в различных соглашениях об экономическом сотрудничестве, в которых прямо или косвенно присутствуют положения, затрагивающие искусственный интеллект. Помимо уже упомянутого Рамочного соглашения АСЕАН о сотрудничестве в области цифровой экономики, это Меморандумы о взаимопонимании, подписанные Сингапуром с Австралией, Японией и Южной Кореей, о сотрудничестве в области ИИ и цифровой экономики, Соглашение о цифровом партнерстве между Сингапуром и Республикой Корея, Партнерство для роста и инноваций между Сингапуром и США. Особо следует отметить Меморандум о взаимопони-

9 Musaddique S. Southeast Asian Nations Battle to Become the Region's Top AI Hub // CNBC. – 2024. – December 14. – URL: <https://www.cnbc.com/2024/12/14/southeast-asian-nations-battle-to-become-the-regions-top-ai-hub.html> (дата обращения: 02.02.2025).

мании АСЕАН и Китая о сотрудничестве в сфере коммуникаций, цифровой трансформации и технологий на 2024–2029 гг. [Cheng, 2024, p. 5]. В этих документах определены наиболее перспективные направления практического взаимодействия, а также предпринята попытка выработать его регуляторную основу.

Внедряя ИИ-инструменты в свою экономическую и коммерческую практику, страны АСЕАН и Ассоциация как международный актор сталкиваются с рядом сложностей.

Во-первых, страны АСЕАН различаются с точки зрения возможностей адаптировать инструменты искусственного интеллекта к своим потребностям и поставить развитие этих инструментов на самовоспроизводящуюся основу. К такому выводу подталкивают данные издаваемого Оксфордским университетом Индекса готовности правительств к внедрению искусственного интеллекта (*Government AI Readiness Index*) с градацией такой готовности от 0 до 100. Хотя в нем представлены не все страны АСЕАН, показателен разрыв между Сингапуром, Малайзией и Таиландом, с одной стороны (84,25; 71,40; 66,17 соответственно), и Камбоджой, Лаосом и Мьянмой – с другой (36,63; 36,08; 34,26 соответственно)¹⁰. Это усугубляется разрывами между объемами венчурного инвестирования в ИИ в странах АСЕАН. По состоянию на май 2024 г. венчурные инвестиции в ИИ в Сингапуре, Индонезии, Малайзии, Таиланде, на Филиппинах и во Вьетнаме составили 8,4 млрд долл., 1,9 млрд долл., 371 млн долл., 255 млн долл., 126 млн долл. и 95 млн долл. соответственно. То есть порядка 75% сово-

купного объема инвестиций в упомянутых странах пришлось на Сингапур [Rapha, 2024]. В связи с этим уместно напомнить, что выравнивание условий сотрудничества, в том числе цифрового, является одним из ключевых приоритетов ЭС АСЕАН.

Во-вторых, Ассоциация не может полноценно внедрить ИИ-инструменты в ведомые ее усилиями форматы и инициативы экономического регионализма, поддерживающие ЭС АСЕАН, в том числе в сотрудничестве с партнерами по диалогу. Показательным примером служит инициатива ВРЭП. Для того, чтобы быть эффективным координатором ее ИИ-повестки, Ассоциация должна быть на несколько шагов впереди своих партнеров, а это Китай, Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия. Отставание стран АСЕАН от партнеров Ассоциации по ВРЭП по ряду ключевых показателей развития ИИ подрывает такую возможность. Чтобы хотя бы частично сократить существующий разрыв, Ассоциации необходимо убедить свои страны-участницыкратно нарастить усилия по ряду направлений. Это и строительство цифровой инфраструктуры, при том что центры хранения и обработки данных требуют не только продвинутых технологий, но и огромных объемов электроэнергии, 44% выработки которой в странах ЮВА в 2023 г. пришлось на экологически вредный уголь¹¹. Это не только создание, но и унификация нормативно-правовой базы сотрудничества в сфере ИИ, ускоренное развитие цифровых компетенций и ряд иных. К этому государства «десятки» не будут готовы даже в среднесрочной перспективе.

10 East Asia. Government AI Readiness Index 2024 // Oxford Insights. – 2024. – URL: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/ai-readiness-index/> (дата обращения: 06.02.2025).

11 ASEAN's Clean Power Pathways: 2023 Insights // Ember. – 2024. – October 22. – P. 13. – URL: <https://ember-energy.org/app/uploads/2024/10/Report-ASEANs-clean-power-pathways-2024.pdf> (дата обращения: 06.02.2025).

Еще сложнее адаптировать к ВРЭП уже упомянутые Руководящие принципы АСЕАН по управлению и этике ИИ, поскольку партнеры Ассоциации, обладающие более продвинутыми ИИ-технологиями, вряд ли согласятся на роль «ведомых» в сотрудничестве в столь стратегически важной сфере.

В-третьих, не лучшее влияние на асеановские проекты, в том числе на ЭС АСЕАН, равно как на развитие входящих в нее стран, оказывает растущая политизация темы ИИ. Учитывая, что Юго-Восточная Азия находится, образно говоря, между китайской и американской цифровыми экосистемами, на нее проецируются противоречия между Пекином и Вашингтоном по вопросам технологий. Судя по первым шагам администрации Д. Трампа в сфере ИИ [Кохтюлина, Смирнов, 2025], новый виток американо-китайской конфронтации ждать себя не заставит. Это влечет для Ассоциации и входящих в нее стран ряд последствий – от новых нетарифных барьеров в торговле с США и Китаем (связанных с регулированием контента, трансграничных потоков данных, прав интеллектуальной собственности на продукцию, созданную при помощи генеративного ИИ, а также со множеством иных вопросов) до переформатирования восточноазиатских ГЦС, в которых участвуют предприятия стран Ассоциации. Нельзя исключать развертывания «гонки цифровых вооружений», что естественным образом отвлечет внимание АСЕАН от развития экономических проектов, в том числе ЭС АСЕАН, на укрепление безопасности.

Осознавая высокий потенциал искусственного интеллекта и необходимость целенаправленно развивать его в интересах своих стран-участниц, Ассоциация не может адаптировать это направление к своим перспектив-

ным планам, в том числе связанным с формированием Экономического сообщества. Для этого у АСЕАН нет ресурсов, по степени эффективности и проработанности сопоставимых со стоящей перед ней задачей. К таким ресурсам относятся уже работающие инициативы, в которых лидерство АСЕАН в развитии ИИ-инструментов было бы бесспорным и которые послужили бы фундаментом для такой адаптации. Причина состоит в наложении ИИ-повестки на пробелы в реализации цифровых и нецифровых инициатив Ассоциации с негативным эффектом мультипликатора.

Выводы

Рассмотрение подхода АСЕАН в отношении искусственного интеллекта сквозь призму ее политики по формированию Экономического сообщества 2025 позволяет вынести ряд оценок.

Те вызовы, которые поставил перед Ассоциацией искусственный интеллект, едва ли можно считать неожиданным поворотом событий. Их появление обусловила логика асеановской интеграции с имеющимися в ее распоряжении инструментами. В итоге Ассоциация стоит перед дилеммой, связанной с целесообразностью форсировать развитие ИИ-повестки. Осознавая огромный потенциал ИИ, Ассоциация не может создать условия, в которых ИИ будет работать на ее интересы. Примером этого служит политика АСЕАН по формированию Экономического сообщества 2025.

Активизация политики АСЕАН в отношении ИИ путем адаптации его инструментов к Экономическому сообществу едва ли позитивно скажется на судьбе последнего. Для успешной реализации этой задачи у «десятки» отсутствуют необходимые ресурсы. С учетом скорости развития ИИ нарабаты-

вать их придется в условиях временного цейтнота. Но даже при самом благоприятном для АСЕАН сценарии эволюция ИИ, а следовательно, внедрение в экономическую и коммерческую практику асеановских проектов наиболее технологически продвинутых ИИ-решений и экосистем станет происходить быстрее, чем АСЕАН будет способна эти процессы контролировать и тем более их целенаправленно формировать. Соответственно, инициативу перехватят партнеры Ассоциации.

Попытка отложить решение этого вопроса на неопределенный срок и вернуться к нему, когда возникнут благоприятные условия, как это неоднократно происходило в практике АСЕАН, тоже вряд ли пойдет ей на пользу. Такой выбор означает пустить проблему на самотек, добровольно, а главное, осознанно, отдав инициативу в формировании цифровой среды в Юго-Восточной Азии (а в цифровом пространстве ИИ-инструменты присутствуют уже практически повсеместно) тем же внешним игрокам.

В этих условиях перед Ассоциацией стоит исключительно сложная задача. Но АСЕАН неоднократно доказывала, что справляться с подобными вызовами ей по силам. Тем интереснее посмотреть, что она предпримет на этот раз.

Список литературы

- Кохтюлина И., Смирнов А. Гонка ИИ: «Манхеттонский проект 2.0.» – прорыв или ловушка? // Международная жизнь. – 2025. – 26 января. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49893> (дата обращения: 01.02.2025).
- ASEAN Economic Community Blueprint 2025. – Jakarta : The ASEAN Secretariat, 2015. – 44 p. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/AECBP_2025r_FINAL.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
- ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. – Jakarta : The ASEAN Secretariat, 2024. – 86 p. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения: 03.02.2025).
- Cheng H.J. No Country Can Dominate Us, and None Is Dominated: Southeast Asia's Pragmatic Approach to Artificial Intelligence // Counterpoint Southeast Asia. – 2024. – N 10. – P. 4–7. – URL: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/default-document-library/csa10_jassiecheng.pdf?sfvrsn=c0ff380a_0 (дата обращения: 01.02.2025).
- Fong K. From Paper to Practice: Utilizing the ASEAN Guide on Artificial Intelligence (AI) Governance and Ethics // Trends in Southeast Asia. – 2024. – Issue 18. – 25 p. – URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/06/TRS18_24.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
- Ishikawa K. The ASEAN Economic Community and ASEAN Economic Integration // Journal of Contemporary East Asian Studies. – 2021. – Vol. 10, N 1. – P. 24–41. – DOI: 10.1080/24761028.2021.1891702.
- Isono I., Prilliadi H. ASEAN's Digital Integration: Evolution of Framework Documents. – Jakarta : ERIA, 2023. – 94 p. – URL: <https://www.eria.org/uploads/10-Oct-ASEAN-Digital-Integration-Evolution-of-Framework-Documents.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
- Kanaev E.A. The Approaches of ASEAN Countries to Data Localization: Implications for ASEAN Integration // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2024. – Т. 3, № 3 (64). – P. 11–23. – DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-011-023.
- Kanaev E., Fedorenko D. Digital Trans-Boundary Initiatives of the ASEAN Economic Community as a Tool for the Development of Singapore's Economy // Contemporary World Economy. – 2024. – Vol. 2, N 1. – P. 79–99. – DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-83-104.

Martinus M. The Intricacies of 5G Development in Southeast Asia // ISEAS Perspective. – 2020. – N 130. – P. 1–9. – URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/11/ISEAS_Perspective_2020_130.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

Rapha A.J. Charting the Future of Southeast Asian AI Governance // East Asia Forum. – 2024. – May 21. – URL: <https://eastasiaforum.org/2024/05/21/charting-the-future-of-southeast-asian-ai-governance/> (дата обращения: 07.02.2025).

Seah S. ASEAN Should Hope for the Best but Prepare for the Worst in 2025 // East Asia Forum. – 2025. – January 20. – URL: <https://eastasiaforum.org/2025/01/20/asean-should-hope-for-the-best-but-prepare-for-the-worst-in-2025/> (дата обращения: 07.02.2025).

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.02

Artificial Intelligence and Emerging Vulnerabilities in the ASEAN Economic Community 2025

Evgeny A. KANAEV

Dr. Sc. (History), Leading Researcher at the Center for Asia-Pacific Studies
Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS)
Profsoyuznaya Street 23, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: e.a.kanaev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7988-4210

CITATION: Kanaev E.A. (2025). Artificial Intelligence and Emerging Vulnerabilities in the ASEAN Economic Community 2025. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 18–34 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.02

Received: 12.02.2025.

Revised: 03.03.2025.

ABSTRACT. *This paper analyzes the policy of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) regarding the adaptation of artificial intelligence (AI) tools to its principal prospective project – the establishment of the ASEAN Economic Community (AEC). It examines the salient features of the ASEAN integration model, of which the AEC is a central component, traces the evolution of ASEAN's digital initiatives, and assesses their outcomes. The paper outlines the AI-related*

policy directions pursued by the Association and its member states in synergy with the AEC's development. Special attention is given to the vulnerability factors of the AEC in the context of its AI agenda. The author argues that the successful implementation of the AEC's AI-related initiatives is impeded by the mutually reinforcing shortcomings of ASEAN's digital and non-digital integration. This multiplier effect is further exacerbated by the rapid advancement of AI systems

and technologies, as well as by ASEAN's limited capacity to effectively formulate and implement an AI agenda amidst significant disparities in readiness among its member states. In the author's view, ASEAN faces a strategic zugzwang: both accelerating the development of its AI agenda and deferring it are likely to increase the region's dependence on extra-regional partners. The research is based on an interdisciplinary approach, incorporating general scientific, specialized scientific, and disciplinary methods. Given that this specific perspective has not been the subject of focused attention in Russian or international scholarship – and that related aspects have only been explored sporadically and in a fragmented manner – the article presents a clear contribution in terms of academic novelty, relevance, and practical significance.

KEYWORDS: Southeast Asia, ASEAN, integration, ASEAN Economic Community 2025, global value chains, ASEAN digital initiatives, artificial intelligence.

References

- ASEAN... (2015). *ASEAN Economic Community Blueprint 2025*. Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2015, 44 pp. Available at: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/AECBP_2025r_FINAL.pdf, accessed 05.02.2025.
- ASEAN... (2024). *ASEAN Guide on AI Governance and Ethics*. – Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2024, 86 pp. Available at: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf, accessed 03.02.2025.
- Cheng H.J. (2024). No Country Can Dominate Us, and None Is Dominated: Southeast Asia's Pragmatic Approach to Artificial Intelligence. *Counterpoint Southeast Asia*, no. 10, pp. 4–7. Available at: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/default-document-library/csa10_jassiecheng.pdf?sfvrsn=c0ff380a_0, accessed 01.02.2025.
- Fong K. (2024). From Paper to Practice: Utilizing the ASEAN Guide on Artificial Intelligence (AI) Governance and Ethics. *Trends in Southeast Asia*. Issue 18, 25 pp. Available at: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/06/TRS18_24.pdf, accessed 05.02.2025.
- Ishikawa K. (2021). The ASEAN Economic Community and ASEAN Economic Integration. *Journal of Contemporary East Asian Studies*. Vol. 10, no. 1, pp. 24–41. DOI: 10.1080/24761028.2021.1891702.
- Isono I., Prilliadi H. (2023). *ASEAN's Digital Integration: Evolution of Framework Documents*. Jakarta: ERIA, 94 p. Available at: <https://www.eria.org/uploads/10-Oct-ASEAN-Digital-Integration-Evolution-of-Framework-Documents.pdf>, accessed 05.02.2025.
- Kanaev E.A. (2024). The Approaches of ASEAN Countries to Data Localization: Implications for ASEAN Integration. *Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktual'nyye Problemy Razvitiya*. Vol. 3, no. 3 (64), pp. 11–23. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-011-023.
- Kanaev E., Fedorenko D. (2024). Digital Trans-Boundary Initiatives of the ASEAN Economic Community as a Tool for the Development of Singapore's Economy. *Contemporary World Economy*. Vol. 2, no. 1, pp. 79–99. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-83-104.
- Kokhtulina I., Smirnov A. (2025). The AI Race: “Manhattan Project 2.0.” – A Breakthrough or a Trap? *International Affairs*. January 26 (In Russian). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/49893>, accessed 01.02.2025.
- Martinus M. (2020). The Intricacies of 5G Development in Southeast Asia. *ISEAS Perspective*. No. 130, pp. 1–9. Available at: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/11/ISEAS_Perspective_2020_130.pdf, accessed 26.02.2025.

Rapha A.J. (2024). Charting the Future of Southeast Asian AI Governance. *East Asia Forum*. May 21. Available at: <https://eastasiaforum.org/2024/05/21/charting-the-future-of-southeast-asian-ai-governance/>, accessed 07.02.2025.

Seah S. (2025). ASEAN Should Hope for the Best but Prepare for the Worst in 2025. *East Asia Forum*. January 20. Available at: <https://eastasiaforum.org/2025/01/20/asean-should-hope-for-the-best-but-prepare-for-the-worst-in-2025/>, accessed 07.02.2025.

УДК 338.439+339.97(5+9)
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.03

Продовольственная проблема в малых островных развивающихся государствах Азии и Океании

Лилия Сергеевна РЕВЕНКО

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: l.revenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-1519-1183

Ольга Ивановна СОЛДАТЕНКОВА

доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник
Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН
Хлебный переулок, д. 2/3, г. Москва, Российская Федерация, 121069
E-mail: oisoldatenkova@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-3225-3080

Николай Сергеевич РЕВЕНКО

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект, д. 49, г. Москва, Российская Федерация, 125993
E-mail: reni100@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0359-5201

ЦИТИРОВАНИЕ: Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С.

Продовольственная проблема в малых островных развивающихся государствах Азии и Океании // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 35–49.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.03

Статья поступила в редакцию 18.02.2025.
Исправленный текст представлен 03.03.2025.

АННОТАЦИЯ. Продовольственная проблема является весьма насущной для малых островных развивающихся государств (МОСТРАГ). Согласно классификации ООН, к МОСТРАГ Азии отнесены Мальдивские острова, Сингапур и Тимор-Лешти, острова Океании – 12 островных государств, расположен-

ных в Меланезии, Микронезии и Полинезии. Они сталкиваются с такими проблемами, как нехватка пригодных для обработки земель и их деградация, сокращение сельскохозяйственного производства, ограниченные водные ресурсы, частые экстремальные погодные явления (штормы, наводнения), повыше-

ние уровня моря, снижение количества осадков, удлинение засушливых периодов. Эти страны зависимы от внешних источников продовольствия, а значит, и от колебания цен на мировых продовольственных рынках. Продовольственная проблема проявляется не только в повышенном уровне недоедания и дефиците физиологически необходимых элементов в пищевом рационе населения, но и в высокой доле людей, страдающих от ожирения из-за несбалансированного питания. МОСТРАГ Азии и Океании при международном содействии принимают меры для повышения уровня продовольственной безопасности посредством внедрения инноваций в производство сельскохозяйственного сырья и готовых продуктов питания, формирования национальных сбытовых цепей, а также наращивания усилий по встраиванию в глобальные производственно-сбытовые сети. Элементы технологического совершенствования продовольственных систем с упором на цифровизацию содержатся в государственных программах этих стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Азия, Океания, продовольственная проблема, продовольственная безопасность, инклюзивность, малые островные развивающиеся государства, обеспеченность ресурсами, распространенность недоедания.

Введение

Продовольственная проблема (ПП) представляет собой совокупность процессов, связанных с производством, распределением и потреблением продовольствия, которые зависят от экономических, социальных, технологических, исторических и других условий и предпосылок. В современной экономической литературе можно найти

многочисленные исследования и публикации международных организаций по различным направлениям ПП.

Одним из значимых элементов ПП является обеспечение продовольственной безопасности (ПБ) населения. Согласно определению Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) под термином «продовольственная безопасность» понимается обеспечение для всех людей «постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни» [Положение дел..., 2023, с. 248].

При этом зачастую происходит смешение понятий «продовольственная проблема», общепринятое определение которой отсутствует, и «продовольственная безопасность». Первое, однако, шире второго. Авторы понимают под ПП не только состояние ПБ населения, но и возможности реализации производственного потенциала сельскохозяйственного производства, состояние мирового и национальных рынков продовольствия, механизмы и инструменты государственной политики в этой сфере.

ПП связана с обеспечением населения продуктами питания, а такие факторы, как ограниченность мировых природных ресурсов для производства продовольствия, высокие темпы роста численности населения мира и его урбанизации, придают ей глобальный характер [Ревенко, Солдатенкова, Ревенко, 2022а, с. 55]. Самым тяжелым ее проявлением является голод, который зачастую сопровождается увеличением количества смертей, случаев временной миграции и инфекционных заболеваний.

Весьма остро ПП проявляется в малых островных развивающихся госу-

дарствах, которые в силу своих размеров, географического положения, природно-климатических условий и других обстоятельств более уязвимы к последствиям изменения климата, нарушению глобальных продовольственных цепочек, росту мировых цен на продукты питания и другим факторам.

Поскольку опубликованные перечни относящихся к МОСТРАГ стран несколько отличаются друг от друга, в данной работе авторы придерживаются общей классификации Организации Объединенных Наций (ООН)¹, а по отнесению МОСТРАГ к географическим регионам – классификации ФАО.

Проявления продовольственной проблемы в азиатских МОСТРАГ

По классификации ФАО, в число азиатских МОСТРАГ входят Мальдивские острова, Сингапур и Тимор-Лешти (Восточный Тимор).

Сингапур относится к группе стран с высоким уровнем дохода (в 2023 г. ВВП составил 501,4 млрд долл. США, ВВП на душу населения – 84,7 тыс. долл. в текущих ценах), Мальдивы – с уровнем дохода выше среднего (соответственно 6,6 млрд и 12,7 тыс. долл.), Тимор-Лешти – с уровнем дохода ниже среднего (2,2 млрд и 1,6 тыс. долл.), при этом Тимор-Лешти входит в список ООН наименее развитых стран. Доля сельского хозяйства в национальной экономике в том же году была больше всех в Тиморе-Лешти (10,2%), намного ниже на Мальдивах (4,9%) и в Сингапуре (всего 0,03%).

По состоянию на 15 февраля 2025 г. численность населения Сингапура составила 5,79 млн чел., Тимора-Лешти – 1,38 чел., Мальдивских островов – 0,53 млн чел.² Вследствие урбанизации в последних двух странах постоянно увеличивается численность городского населения, а в Сингапуре всё население относится к городскому.

По причине отсутствия всех значений показателей в официальной статистике ФАО сравнить их уровень ПБ достаточно сложно. Можно лишь констатировать высокий уровень распространённости недоедания среди населения в Тиморе-Лешти в среднем за 2021–2023 гг. по сравнению с низкой распространённостью недоедания, в том числе умеренной и острой нехватки ПБ в Сингапуре и на Мальдивах (таблица 1).

Мальдивская Республика – государство, состоящее примерно из 1190 коралловых островов, которые образуют цепь, простирающуюся на площади 90 тыс. кв. км. В столице страны Мале проживает более четверти всего населения, в то время как на каждом из 200 населённых островов – менее 1000 чел. Численность населения Мальдив с 2010 по 2024 г. увеличилась на 46,3%³, что в совокупности с ограниченностью ресурсов для производства сельскохозяйственной продукции создает существенную нагрузку на продовольственную систему страны.

Мальдивская экономика в значительной степени зависит от рыболовства и туризма, являющихся основными источниками государственных доходов и валютных поступлений, на которые в совокупности приходится

1 Малые островные развивающиеся государства. – URL: <https://sdgs.un.org/ru/node/75> (дата обращения: 15.01.2025).

2 World Population by Country 2025. – URL: <https://database.earth/population/by-country/2024> (дата обращения: 15.12.2024).

3 Historic Population of Maldives (1950–2024) // Earthly Data. – 2024. – URL: <https://database.earth/population/maldives> (дата обращения: 18.02.2025).

Таблица 1. Показатели продовольственной безопасности в азиатских МОСТРАГ, %
Table 1. Food security indicators for Asian SIDS, %

Государства	Распространенность недоедания среди населения в целом		Распространенность острой нехватки продовольственной безопасности населения в целом		Распространенность умеренного и острого отсутствия продовольственной безопасности населения в целом	
	2004–2006	2021–2023	2014–2016	2021–2023	2014–2016	2021–2023
Мальдивы	н/д	н/д	2,2	2,2	13,4	13,4
Сингапур	н/д	н/д	1,0	2,5	2,8	7,7
Тимор-Лешти	30,7	15,9	н/д	8,9	н/д	53,7
Азия в целом	13,6	8,2	6,7	9,9	17,8	24,9

Составлено авторами по: [Положение дел..., 2024, с. 156–158].

ся около 40% ВВП. Общая численность рабочей силы в стране составляет примерно 50% населения трудоспособного возраста, что в сочетании с его низким уровнем образованности привело к высокой доле иностранных работников в экономике⁴.

Мальдивы располагают примерно 5 900 га сельскохозяйственных угодий, но на них производятся лишь 10% общей потребности страны в продовольствии. Сельскохозяйственное производство, вклад которого в ВВП в 2023 г. составил всего 5,1%⁵, преимущественно ориентировано на выращивание садовых культур, овощей и тропических фруктов. Зерновые культуры и орехи не выращиваются, за исключением кокоса и тропического миндаля [Gasith, 2018, р. 12]. Основным источником белка в местной диете являются рыба и морепродукты, поэтому рыболовство играет существенную роль в обеспечении ПБ населения страны.

По данным ФАО, в 2021–2023 гг. 13,4% населения Мальдив проживали в домохозяйствах, в которых по крайней мере один взрослый человек страдал от умеренного или острого отсутствия ПБ [Положение дел..., 2024, с. 156–158]. Хотя в официальной статистике ФАО отсутствует информация о распространенности недоедания среди населения в целом, по некоторым оценкам, в 2020 г. 10,3% жителей испытывали голод.

Одной из причин отсутствия ПБ на Мальдивах в последние годы стала бедность, вызванная нехваткой туристов. Поскольку одна треть взрослых мужчин и четверть женщин заняты в сфере туризма, то вследствие закрытия границ во время пандемии COVID-19 тысячи людей потеряли работу. Сокращение экспорта продукции рыболовства также привело к тому, что многие семьи, для которых эта отрасль является основным источником дохода, столкнулись с серьезными финансовыми последствиями⁶.

4 Economic Profile. High Commission of the Republic of Maldives. – URL: <https://www.maldiveshighcommission.uk/index.php/business/economic-profile> (дата обращения: 12.12.2024).

5 Maldives: GDP Share of Agriculture. – URL: https://www.theglobaleconomy.com/Maldives/Share_of_agriculture/ (дата обращения: 11.12.2024).

6 Hunger in Maldives: the FAO assists. October 19, 2020 // The Borgen Project. – 2020. – 20 October. – URL: <https://borgenproject.org/hunger-in-maldives-the-fao-assists/> (дата обращения: 18.01.2025).

Мальдивы – одно из самых низкорасположенных государств в мире (в среднем на 1,5 м выше уровня океана), и, по оценке экспертов, при повышении уровня моря более половины суши может оказаться под водой. Высокая уязвимость к изменению климата и наводнениям, деградация окружающей среды (уже сегодня более 90% островов подвергнуты значительной эрозии почвы, 97% населения не имеют доступа к пресной грунтовой воде [Bansal, 2023]), ухудшение состояния океана, высокая зависимость экономики от туризма и рыболовства, как и от импорта ископаемого топлива для электроснабжения, а также другие факторы серьезно угрожают решению ПП.

Другими сдерживающими факторами для повышения уровня ПБ являются нехватка пригодных для обработки земель, низкое качество почвы, ограниченные водные ресурсы, частые экстремальные погодные явления (штормовые волны, наводнения), неразвитость инфраструктуры хранения выращенной продукции и т. д. [Bari, 2020, p. 13].

Мальдивы импортируют около 60% продовольствия, что делает их уязвимыми перед внешними потрясениями. Так, во время экономического кризиса в соседней Шри-Ланке на Мальдивах образовался дефицит продуктов питания, а сокращение поставок лука из Индии в 2023 г. имело следствием резкий рост цен на него.

Тимор-Лешти (или Восточный Тимор) в Юго-Восточной Азии – страна

преимущественно аграрная. На долю сельского хозяйства, в котором занято почти 40% рабочей силы, приходится около 16% ВВП страны. Его основная товарная культура – кофе, который приносит около 90% поступлений не-нефтяного экспорта⁷.

Тимор-Лешти находится на 104-м месте из 130 стран в Глобальном индексе голода 2024 г. с показателем 27,0⁸ и относится к странам с дефицитом продовольствия. Показатель задержки роста среди детей в возрасте до 5 лет (47%) – один из самых высоких в Юго-Восточной Азии⁹.

Основные причины острой нехватки продовольствия – засухи под воздействием изменения климата; вызываемые проливными дождями оползни и наводнения; недоступность для населения многих продуктов питания по причине бедности, неуклонного роста цен на продовольствие и топливо; сокращение сельскохозяйственного производства; снижение количества осадков; большие послеуборочные потери; высокие темпы инфляции¹⁰. Повышение урожайности сельскохозяйственных культур сдерживают низкое плодородие почвы, отсутствие рациональных методов ведения сельского хозяйства, учитывающих климатические условия.

Уникальным является Сингапур – город-государство, в состав которого входят более 60 небольших соседних островов. На июнь 2024 г. площадь Сингапура составила 735,6 кв. км, но она

7 Addressing Timor-Leste's Food Security and Nutrition // Development Asia. – 2024. – 23 February. – URL: <https://development.asia/insight/addressing-timor-lestes-food-security-and-nutrition> (дата обращения: 12.01.2025).

8 Timor-Leste // Global Hunger Index. – 2024. – URL: <https://www.globalhungerindex.org/timor-lesite.html> (дата обращения: 18.02.2025).

9 Addressing Timor-Leste's Food Security and Nutrition // Development Asia. – 2024. – 23 February. – URL: <https://development.asia/insight/addressing-timor-lestes-food-security-and-nutrition> (дата обращения: 12.01.2025).

10 Timore-Leste Faces Alarming Food Insecurity Levels, Latest Report Warns // World Food Programme. – 2024. – 29 February. – URL: <https://www.wfp.org/news/timore-lesite-faces-alarming-food-insecurity-levels-latest-report-warns> (дата обращения: 12.01.2025); Timor Leste: Acute Food Insecurity Situation November 2023 – April 2024 and Projection for May – September 2024 // Integrated Food Security Phase Classification. – 2024. – URL: <https://www.ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1156859/> (дата обращения: 14.01.2025).

постепенно увеличивается благодаря программе намыва территории¹¹.

В отличие от других азиатских МОСТРАГ, Сингапур относится к числу стран с развитой экономикой, а по ВВП на душу населения входит в число ведущих экономик мира, существенно опережая многие экономически развитые государства, включая США. При этом он располагает ограниченными природными ресурсами: только 1% земель доступен для сельскохозяйственного производства.

Обеспечение продовольствием 5,79 млн жителей страны зависит как от четкости функционирования сложных глобальных цепочек поставок, через которые осуществляется доставка более 90% потребляемых продуктов питания, так и от их местного производства. Государство весьма уязвимо к колебаниям в поставках продовольствия из-за волатильности цен, роста протекционизма в государствах – производителях продовольствия и т.д. [*Tortajada, Lim, 2021, p. 2*].

Специфика продовольственной проблемы в МОСТРАГ Океании

К МОСТРАГ в Океании из стран – членов ООН ФАО относят Вануату, Кирибати, Маршалловы Острова, Микронезию (Федеративные Штаты), Науру,

Палау, Папуа – Новую Гвинею, Самоа, Соломоновы Острова, Тонгу, Тувалу и Фиджи, расположенные в Меланезии, Микронезии и Полинезии. В этом же регионе есть МОСТРАГ, которые не являются членами ООН: Новая Каледония, Американское Самоа, Острова Кука, Французская Полинезия, Ниуэ. Совокупная численность населения всех МОСТРАГ составляет более 13 млн чел., из которых 10,3 млн (79%) проживают в Папуа – Новой Гвинее.

Самая большая по территории страна – Папуа – Новая Гвинея, площадь суши составляет почти 453 тыс. кв. км, самая маленькая – Науру – всего 20 кв. км (таблица 2).

ВВП стран региона невелик: в 2023 г. он колебался от 62,3 млн долл. США в Тувалу до 30,7 млрд долл. в Папуа – Новой Гвинее¹². Кирибати, Соломоновы Острова и Тувалу в настоящее время классифицируются как наименее развитые страны. По оценкам, за чертой бедности на Маршалловых Островах находятся 7,2% населения¹³, на Соломоновых – 12,7¹⁴, в Вануату – 15,9¹⁵, в Самоа – 18,8¹⁶, в Кирибати – около 22¹⁷, в Тувалу – 26,3%¹⁸.

Важной отраслью экономики некоторых МОСТРАГ Океании является туризм: в Фиджи и Вануату на его долю приходится до 47% ВВП, в Кирибати и Тонге – 22%. Все страны получают до-

11 Environment // Department of Statistics Singapore. – 2024. – URL: <https://www.singstat.gov.sg/find-data/search-by-theme/society/environment/latest-data> (дата обращения: 17.02.2025).

12 Databank. World Development Indicators // World Bank Group. – 2024. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 18.02.2025).

13 Republic of the Marshall Islands. Food Security Profile // FAO. – 2022. – URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/f5ada415-11ef-4f59-9ec2-043765c27793/content> (дата обращения: 10.02.2025).

14 Solomon Islands. Food Security Profile // FAO. – 2020. – URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/a0b61c4c-1dbb-4034-9d30-1b67029d986a/content> (дата обращения: 10.02.2025).

15 Vanuatu. Hand in Hand Initiative // FAO. – 2022. – URL: https://www.fao.org/docs/handinhandlibraries/countries/vanuatu/hi-hi-draft-presentation-14-oct.pdf?sfvrsn=5bb715f5_1 (дата обращения: 10.02.2025).

16 Samoa. Food Security Profile // FAO. – 2022. – URL: <https://openknowledge.fao.org/bitstreams/a11b8b2b-ae15-4bd4-8702-c976e8a52003/download> (дата обращения: 10.02.2025).

17 Kiribati. Food Security Profile // FAO. – 2021. – URL: <https://openknowledge.fao.org/bitstreams/64fb4da9-667f-482c-b213-1db-cbe862e1a/download> (дата обращения: 10.02.2025).

18 Tuvalu. Food Security Profile // FAO. – 2020. – URL: <https://openknowledge.fao.org/bitstreams/fe188ee4-455f-4b17-866a-3e49265c7fb9/download> (дата обращения: 10.02.2025).

Таблица 2. Площадь и численность населения МОСТРАГ Океании в 2024 г.
Table 2. Land and population of Oceanic SIDS in 2024

Государства	Общая земельная площадь, кв. км	Удельный вес сельхозугодий в общей земельной площади, %	Численность населения, тыс. чел.
Вануату	12 190	15,3	335,2
Кирибати	810	42,0	136,5
Маршалловы Острова	180	38,9	36,3
Микронезия	700	7,1	113,7
Науру	20	20,0	12,0
Палау	460	9,4	17,7
Папуа – Новая Гвинея	452 860	3,2	10 762,8
Самоа	2780	17,8	219,3
Соломоновы Острова	27 990	4,3	838,6
Тонга	720	48,6	103,7
Тувалу	30	60,0	9,5
Фиджи	18 270	17,1	933,2

Составлено авторами по: Databank. World Development Indicators // World Bank Group. – 2024. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; World Population by Country in 2025 // Earthly Data. – 2025. – 18 February. – URL: <https://database.earth/population/by-country/2025> (дата обращения: 18.02.2025).

ход от лицензионных сборов, уплачиваемых иностранными рыболовецкими судами, работающими в их территориальных водах. В Кирибати и Тувалу на эти поступления приходится до 40% ВВП [Barnett, 2020, p. 26]. Немаловажную роль в экономике играют сельское хозяйство и рыболовство, на долю которых в 2023 г. приходилось менее 30% ВВП почти во всех странах региона. В МОСТРАГ Океании традиционно выращиваются многие сельскохозяйственные культуры, прежде всего таро, ямс, саго, маниока, хлебное дерево, бананы, сладкий картофель, кокосы и манго. Попытки перейти на выращивание монокультурных сельскохозяйственных продуктов (кофе, сахарного тростника, копры), а также импорт более дешевых, но менее полезных для здоровья продуктов питания имели следствием сокращение местного производства, повышение за-

висимости от внешнего рынка, ухудшение уровня обеспечения ПБ и изменение рациона питания населения. Учитывая, что соотношение площади суши к площади моря в Тихоокеанском регионе составляет 1:300, неудивительно, что рыболовство играет решающую роль в обеспечении продовольствием и экономическом развитии МОСТРАГ Океании. Так, в Кирибати на его долю приходится 56% ВВП, на Маршалловых Островах – 26% [Barnett, 2020, p. 31]. В странах велико по сравнению с мировым уровнем потребление рыбы на душу населения. Пресноводное рыболовство во внутренних водоемах также является важным источником продовольствия в Папуа – Новой Гвинее, Фиджи и на Соломоновых Островах [Barnett, 2020, p. 30]. Однако зависимость многих стран региона от рыболовства в перспективе может негативно сказаться на уровне

ПБ населения, поскольку прибрежное рыболовство многих стран не сможет обеспечить постоянно увеличивающийся спрос на рыбу, и ее потребление будет сокращаться в сельских районах по мере роста населения [Planning the Use..., 2009, p. 71–72]. Кроме того, вылов тунца в прибрежных районах к 2050 г. может сократиться в среднем на 20% по причине увеличения доли рыбы, мигрирующей в открытом море под воздействием потепления океана [Pathways to..., 2021, p. 902].

Все МОСТРАГ Океании испытывают проблемы высокого темпа прироста населения и значительной миграции в города из сельской местности. Это приводит к тому, что городское население не может полностью обеспечить себя продовольствием, а плодородные земли в более отдаленных районах остаются неиспользуемыми. В целом регион сильно зависит от импорта, и в сочетании с последствиями изменения климата, демографическими изменениями и другими внешними факторами это приводит к существенному снижению уровня ПБ [Snowdon, Thow, 2013, p. 151].

МОСТРАГ региона сталкиваются со множеством экологических проблем, включая деградацию земель вследствие истощения почвенных питательных веществ и эрозии почвы; вырубку лесов на древесину; истощение ресурсов пресной воды из-за проникновения соленой воды и загрязнений из городских, сельскохозяйственных и промышленных источников [Barnett, 2020, p. 27]. Эти проблемы повышают уязвимость экосистем к последствиям изменения климата.

Большой ущерб сельскому хозяйству наносят циклоны, засуха и наводнения. Например, циклон Уинстон в 2016 г. привел к потере урожая на Фиджи на сумму более 100 млн долл. США, а наводнение в 2004 г. нанес-

ло ущерб более чем половине посевов [Barnett, 2020, p. 29]. Стихийные бедствия влекут за собой экономические потери, оцениваемые от 0,5 до 6,6% годового ВВП [Thomas, 2023].

Официальная статистика ФАО не содержит значения показателей распространенности недоедания и отсутствия ПБ населения по всем МОСТРАГ региона. На основе имеющихся данных можно отметить сложную ситуацию в Папуа – Новой Гвинее, где каждый 3-й житель недоедает, и ухудшение общей ситуации в 2021–2023 гг. по сравнению с 2004–2006 гг. в Вануату, Самоа, Фиджи и на Соломоновых Островах (таблица 3).

Масштабы такого последствия недостаточного питания у детей, как отставание в росте, в большинстве МОСТРАГ Океании, по которым доступна статистика, сокращаются, но в ряде стран вызывают серьезную озабоченность. Так, удельный вес детей в возрасте до 5 лет, отстающих в росте от своих сверстников, с 2012 по 2022 г. снизился в Кирибати, Науру, Тонге, Тувалу, Фиджи, на Маршалловых и Соломоновых Островах, но вырос в Вануату, Папуа – Новой Гвинее и Самоа [Положение дел..., 2024, с. 162–163]. Отставание в росте и другие последствия недостаточного питания могут создавать у детей предрасположенность к инфекционным заболеваниям в последующие годы жизни.

Одним из отличий малых островных развивающихся государств Океании от азиатских МОСТРАГ является распространенность избыточного веса и ожирения у населения, что в совокупности с недоеданием, дефицитом питательных микроэлементов (скрытый голод) формирует так называемое тройное бремя недоедания, широко затрагивающее современное общество [Ревенко, Солдатенкова, Ревенко, 2022b, с. 40]. Практически каждый второй жи-

Таблица 3. Показатели продовольственной безопасности отдельных МОСТРАГ Океании, %

Table 3. Food security indicators in some SIDS of Oceania, %

Государства	Распространенность недоедания среди населения в целом		Распространенность острой нехватки продовольственной безопасности населения в целом		Распространенность отставания в росте у детей в возрасте до 5 лет	
	в среднем за 2004–2006	в среднем за 2021–2023	в среднем за 2014–2016	в среднем за 2021–2023	2012	2022
Вануату	6,8	7,9	н/д	2,4	27,0	31,4
Папуа – Новая Гвинея	27,8	27,7	н/д	27,0	48,0	51,2
Самоа	2,8	5,4	н/д	3,4	5,0	7,4
Соломоновы Острова	12,0	19,4	н/д	н/д	31,8	29,8
Фиджи	3,5	7,8	н/д	8,5	8,5	7,1
Океания в целом (без Австралии и Новой Зеландии)	20,9	22,8	22,2	23,2	40,9	44,0

Составлено авторами по: [Положение дел..., 2024, с. 162–163].

тель Кирибати, Маршалловых Островов, Микронезии и Палау в 2016 г. страдал от ожирения. Еще сложнее ситуация в Самоа и Тонге, где более 60% населения страдают от ожирения, в Науру и Тувалу – около 70% [Положение дел..., 2023, с. 149–151]. Самый низкий показатель распространенности ожирения среди стран региона в Папуа – Новой Гвинее – 20,5% [Положение дел..., 2024, с. 162].

В качестве одного из существенных факторов, влияющих на распространенность избыточного веса и ожирения у населения МОСТРАГ Океании, называют импорт более дешевых и зачастую высококалорийных, но бедных полезными элементами продуктов [Солдатенкова, Акбаров, 2021, с. 54].

В целом продовольственная проблема в МОСТРАГ Океании менее острая, чем в отдельных африканских и южноазиатских странах, но ряд факторов может оказать весьма существенное негативное влияние на обеспечение продовольствием населения стран региона.

Пути решения продовольственной проблемы в МОСТРАГ Азии и Океании

МОСТРАГ Азиатско-Тихоокеанского региона при содействии международных организаций и отдельных стран принимают активные меры для повышения ПБ. Одно из направлений работы – развитие сельскохозяйственного производства и создание эффективных производственно-сбытовых цепочек в целях стабильного обеспечения населения продовольствием и снижения зависимости от его импорта. В этих целях начинают внедряться технологии точного земледелия начального уровня и системы капельного орошения, реализуются программы повышения профессиональной грамотности производителей сельскохозяйственной продукции.

Усилия также направлены на повышение биоразнообразия для адаптации сельского хозяйства к изменению климата и использование современных

средств борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур взамен опасных пестицидов. При содействии ФАО принимаются меры по продвижению в странах региона продукции сельского хозяйства с уникальными характеристиками, призванные повысить устойчивость их продовольственных систем к внешним факторам и улучшить качество питания населения (инициатива «Одна страна – один приоритетный продукт»). Первыми участниками этой инициативы стали Самоа и Фиджи, к которым позже присоединились Вануату, Соломоновы Острова и Тонга.

Важное направление работы – улучшение состояния окружающей среды посредством защиты, восстановления и рационального использования наземных и морских ресурсов, повторного использования и переработки отходов. В этих целях, в частности, проводится восстановление плодородия земли за счет использования методов управления почвенными ресурсами, таких как производство на уровне домохозяйств компоста по специальным рецептам для повышения содержания азота, фосфора, железа, меди и марганца, которых не хватает в почве Кирибати, Маршалловых Островов, Тувалу и других атоллов, внесение в почву удобрений, высадка деревьев [Krishnapillai, Velardi, Colonna, 2018, p. 100].

Практически все государства для повышения производительности продовольственных систем всё более активно внедряют информационно-коммуникационные технологии, но масштаб их использования пока небольшой. В результате фермеры, особенно проживающие в отдаленных

районах, испытывают трудности с доступом к основным производственно-сбытовым цепочкам и мировым рынкам.

Разумеется, в каждом государстве региона имеются свои особенности работы по решению продовольственной проблемы. Так, на Мальдивах для поддержания цен на доступном уровне правительство субсидирует импорт продовольствия, однако значительная часть субсидируемых товаров потребляется в туристическом секторе, а на домохозяйства с низким уровнем доходов приходится лишь их десятая часть. В Тиморе-Лешти внедряются устойчивые к климатическим изменениям технологии, осуществляется ирригация земель.

Правительство Сингапура уделяет особое внимание развитию национального производства и диверсификации источников импорта высококачественных продуктов питания. В 2019 г. был принят план «30 x 30», нацеленный на увеличение местного производства для удовлетворения 30% потребностей страны в питании к 2030 г.¹⁹ Для его выполнения принят ряд мер, направленных на повышение устойчивости производства продуктов питания к изменению климата в условиях ограниченности ресурсов посредством внедрения результатов исследований и новых разработок, технологий и инноваций. Увеличивается число фермеров, использующих экологически устойчивые и не требующие больших площадей методы, такие как выращивание в закрытых помещениях и вертикальное земледелие²⁰, использование ресурсосберегающих светодиодных технологий и солнечных панелей.

19 Levelling Up Singapore's Food Supply Resilience // Food for Thought. – 2020. – 14 April. – URL: <https://www.sfa.gov.sg/food-for-thought/article/detail/levelling-up-singapore-s-food-supply-resilience> (дата обращения: 11.01.2025).

20 Способ выращивания сельскохозяйственной продукции в вертикально уложенных слоях, включающий сельскохозяйственное производство с контролируемой средой для оптимизации роста растений, и его беспочвенные методы, такие как гидропоника.

Для обеспечения населения Папуа – Новой Гвинеи продовольствием внедряются сорта основных сельскохозяйственных культур (батата, маниоки, таро и бананов), адаптированных к засухе, высокой температуре, избыточной влажности, засоленности почвы и стойких к болезням и насекомым – вредителям сельского хозяйства [Ramakrishna, Bang, 2015, p. 84–90].

На Фиджи реализуется инициатива о послеуборочной обработке и переработке пищевых продуктов, нацеленная на оказание помощи производителям в продлении сроков их хранения.

В Тонге правительство приняло в 2014 г. закон о продовольствии, разработало стандарты на продукты питания и для повышения их качества и безопасности внедрило национальную систему регулирования пищевых продуктов, важным элементом которой является их сертификация.

Таким образом, пути решения продовольственной проблемы и обеспечения продовольствием населения МОСТРАГ Азии и Океании имеют ряд общих направлений, но различаются в зависимости от ключевых вызовов, влияющих на функционирование продовольственной системы каждой страны.

Заключение

Для МОСТРАГ Азии и Океании характерен высокий уровень инклюзивности агропродовольственных систем, что создает пеструю картину состояния ПП и ПБ этих стран. Инклюзивность ПП в целом проявляется в различном уровне обеспечения базовых ресурсов для ее решения и, соответственно, в особенностях восприимчивости к внешним факторам.

Государства предпринимают усилия для повышения степени самообеспечения продовольствием, оптимизации производственно-сбытовых цепочек,

упорядочения внешнеторговых потоков и выполнения других задач. Однако реальность такова, что в настоящее время достичь оптимальных показателей состояния ПБ без внедрения в агропродовольственные системы современных инновационных решений не представляется возможным. В свою очередь, повышение степени инновационности возможно лишь при наращивании инвестиций в продовольственный сектор с учетом индивидуальных особенностей и потребностей МОСТРАГ Азии и Океании при поддержке инициатив международных организаций.

Список литературы

Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2023. Урбанизация, преобразование агропродовольственных систем и здоровый рацион питания в сельско-городском континууме. – Рим: ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2023. – 316 с. – DOI: 10.4060/cc3017ru.

Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2024. Финансирование деятельности по ликвидации голода, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания во всех его формах. – Рим: ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2024. – 286 с. – DOI: 10.4060/cd1254ru.

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Глобальная продовольственная проблема: новые вызовы для мира и России // Экономика. Право. – 2022а. – Т. 15, № 4. – С. 54–65. – DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-54-65.

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Продовольственная безопасность Африки: недоедание и ожирение // Азия и Африка сегодня. – 2022b. – № 5. – С. 37–45. – DOI: 10.31857/S032150750020171-0.

Солдатенкова О.И., Акбаров А.М. Влияние международной торговли на эпидемию ожирения: методологический аспект // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 11. – С. 49–57. – DOI: 10.24412/2072-8042-2021-11-49-57.

Bansal A. Climate Change and Agri-Food System: Case of Maldives Explained // Project Statecraft. – 2023. – 23 September. – URL: <https://www.projectstatecraft.org/post/climate-change-and-agri-food-system-case-of-maldives-explained> (дата обращения: 10.12.2024).

Bari M.R. Delivering Food Security in the Maldives Agricultural Sector: Is the Business Case Embedded in the Social Solidarity Economy? // Maldives Economic Review. – 2020. – Vol. 1, issue 4. – P. 9–16.

Barnett J. Climate Change and Food Security in the Pacific Islands // Food Security in Small Island States / Ed.by J. Connell, K. Lowitt. – Singapore : Springer Nature, 2020. – P. 25–38. – DOI: 10.1007/978-981-13-8256-7_2.

Gasith M. Agroecological Analysis of Maldivian Agricultural System to Improve Nutrient Management. – Alnarp : SLU, Swedish University of Agricultural Sciences, 2018. – 66 p.

Krishnapillai M., Velardi M., Colonna N. Water and Food Security Under a Climate Change Scenario in the Pacific Small Island Developing States // Energia, ambiente e innovazione. – 2018. – N 3. – P. 96–101. – DOI: 0.12910/EAI2018-065.

Pathways to Sustaining Tuna-Dependent Pacific Island Economies During Climate Change / Bell J.D. [et al.]. // Nature Sustainability. – 2021. – Vol. 4. – P. 900–910. – DOI: 10.1038/s41893-021-00745-z.

Planning the Use of Fish for Food Security in the Pacific / Bell J.D. [et al.]. // Marine Policy. – 2009. – Vol. 33, N 1. – P. 64–76. – DOI: 10.1016/j.marpol.2008.04.002.

Ramakrishna A., Bang S. The Impacts of Climate Change on Food Security and Management in Papua New Guinea // The Impacts of Climate Change on Food Security in Small Island Developing States / Ed. by S. Ganpat, W.-N.P. Isaak. – Hershey, PA : Information Science Reference, 2015. – P. 67–95. – DOI: 10.4018/978-1-4666-6501-9.ch003.

Snowdon W., Thow A.M. Trade Policy and Obesity Prevention: Challenges and Innovation in the Pacific Islands // Obesity Reviews. – 2013. – Vol. 14, suppl. 2. – P. 150–158. – DOI: 10.1111/obr.12090.

Thomas L. Working Towards Inclusive and Resilient Agrifood Systems in the Pacific // Integrated Sustainable Development Goals. – 2023. – 8 March. – URL: <https://sdg.iisd.org/commentary/guest-articles/working-towards-inclusive-and-resilient-agrifood-systems-in-the-pacific/> (дата обращения: 26.05.2024).

Tortajada C., Lim N.S.W. Food Security and COVID-19: Impacts and Resilience in Singapore // Frontiers in Sustainable Food Systems. – 2021. – Vol. 5. – Article 740780. – P. 1–13. – DOI: 10.3389/fsufs.2021.740780.

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.03

Food Problem in Small Island Developing States of Asia and Oceania

Lilia S. REVENKO

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Professor of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs

MGIMO University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: l.revenko@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1519-1183

Olga I. SOLDATENKOVA

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Principal Researcher

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

Khlebny Lane, 2/3, Moscow, Russian Federation, 121069

E-mail: oisoldatenkova@hotmail.com

ORCID: 0000-0003-3225-3080

Nikolay S. REVENKO

PhD (Politics), Leading Researcher at the Institute for Research of International Economic Relations

Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradsky Avenue, 49, Moscow, Russian Federation, 125993

E-mail: reni100@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0359-5201

CITATION: Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. (2025). Food Problem in Small Island Developing States of Asia and Oceania. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 35–49 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.03

Received: 18.02.2025.

Revised: 03.03.2025.

ABSTRACT. *The food problem is particularly critical for Small Island Developing States (SIDS). According to the UN classification, the Maldives, Singapore, and Timor-Leste are categorized as Asian SIDS, while the SIDS of Oceania include 12 island states located in Melanesia, Micronesia, and Polynesia. These countries face numerous challenges, including the scarcity and degradation of arable land, declining agricultural output, limited fresh water resources, frequent extreme weather events (such as*

storms and floods), rising sea levels, reduced rainfall, and prolonged dry spells. Due to these constraints, SIDS are heavily reliant on food imports and thus vulnerable to fluctuations in global food prices. The food insecurity they experience is evident not only in increased levels of undernourishment and deficiencies in essential nutrients, but also in a high prevalence of obesity, driven by unbalanced diet. With support from the international community, Asian and Oceanian SIDS are striving to enhance food secu-

...rity through innovations in the production of agricultural raw materials and processed foods, the development of national distribution networks, and greater integration into global value chains. Their government programs increasingly emphasize the technological modernization of food systems, particularly through digitalization.

KEYWORDS: Asia, Oceania, food problem, food security, inclusiveness, SIDS, resources endowment, prevalence of malnutrition.

References

- Bansal A. (2023). Climate Change and Agri-Food System: Case of Maldives Explained. *Project Statecraft*. September 23. Available at: <https://www.projectstatecraft.org/post/climate-change-and-agri-food-system-case-of-maldives-explained>, accessed 10.12.2024.
- Bari M.R. (2020). Delivering Food Security in the Maldives Agricultural Sector: Is the Business Case Embedded in the Social Solidarity Economy? *Maldives Economic Review*. Vol. 1, issue 4, pp. 9–16.
- Barnett J. (2020). Climate Change and Food Security in the Pacific Islands. In: Connell J., Lowitt K. (eds.). *Food Security in Small Island States*. Singapore: Springer Nature, pp. 25–38. DOI: 10.1007/978-981-13-8256-7_2.
- Gasith M. (2018). *Agroecological Analysis of Maldivian Agricultural System to Improve Nutrient Management*. Alnarp: SLU, Swedish University of Agricultural Sciences, 66 pp.
- Krishnapillai M., Velardi M., Colonna N. (2018). Water and Food Security Under a Climate Change Scenario in the Pacific Small Island Developing States. *Energia, ambiente e innovazione*. No. 3, pp. 96–101. DOI: 0.12910/EAI2018-065.
- Pathways to... (2021). Bell J.D. et al. Pathways to Sustaining Tuna-Dependent Pacific Island Economies During Climate Change. *Nature Sustainability*. Vol. 4, pp. 900–910. DOI: 10.1038/s41893-021-00745-z.
- Planning the use... (2009). Bell J.D. et al. Planning the Use of Fish for Food Security in the Pacific. *Marine Policy*. Vol. 33, no. 1, pp. 64–76. DOI: 10.1016/j.marpol.2008.04.002.
- Polozheniye del... (2023). *The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Urbanization, Agrifood Systems Transformation and Healthy Diets Across the Rural-Urban Continuum*. Rome: FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO, 316 pp. (in Russian, there is also English version). DOI: 10.4060/cc3017ru.
- Polozheniye del... (2024). *The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. Financing to End Hunger, Food Insecurity and Malnutrition in All Its Forms*. Rome: FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO, 286 pp. (in Russian, there is also English version). DOI: 10.4060/cd1254ru.
- Ramakrishna A., Bang S. (2015). The Impacts of Climate Change on Food Security and Management in Papua New Guinea. In: Ganpat S., Isaak W.-N.P. (eds.). *The Impacts of Climate Change on Food Security in Small Island Developing States*. Hershey, PA: Information Science Reference, pp. 67–95. DOI: 10.4018/978-1-4666-6501-9.ch003.
- Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. (2022a). Global Food Problem: New Challenges for the World and Russia. *Economics, Taxes & Law*. No. 4, pp. 54–65 (in Russian). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-54-65.
- Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. (2022b). Africa's Food Security: Malnutrition and Obesity. *Asia and Africa Today*. No. 5, pp. 37–45 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750020171-0.
- Snowdon W., Thow A.M. (2013). Trade Policy and Obesity Prevention: Challenges and Innovation in the Pacific Islands. *Obesity Reviews*. Vol. 14, suppl. 2, pp. 150–158. DOI: 10.1111/obr.12090.

Soldatenkova O.I., Akbarov A.M. (2021). Impact of International Trade on Obesity: Methodological Aspect. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 11, pp. 49–57 (in Russian). DOI: 10.24412/2072-8042-2021-11-49-57.

Thomas L. (2023). Working Towards Inclusive and Resilient Agrifood Systems in the Pacific. *Integrated Sustainable Development Goals*. March 8. Available at:

<https://sdg.iisd.org/commentary/guest-articles/working-towards-inclusive-and-resilient-agrifood-systems-in-the-pacific/>, accessed 26.05.2024.

Tortajada C., Lim N.S.W. (2021). Food Security and COVID-19: Impacts and Resilience in Singapore. *Frontiers in Sustainable Food Systems*. Vol. 5, article 740780, pp. 1–13. DOI: 10.3389/fsufs.2021.740780.

Азия: вызовы и перспективы

УДК 339.9(5-013:5-014)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

Южная и Юго-Восточная Азия в формирующемся полицентрическом мире: сопряжение политики и экономики

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. Южная и Юго-Восточная Азия в формирующемся полицентрическом мире: сопряжение политики и экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 50–71.

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

Статья поступила в редакцию 27.01.2025.

Исправленный текст представлен 04.03.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье в историческом плане рассматривается процесс развития зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе и его влияние на динамику эволюции регионов Юго-Восточной и Южной Азии. Исторические истоки данного процесса имеют геополитический характер и напрямую связаны с желанием США удерживать под своим контролем обширный регион, который превратился в центр экономического роста и развития «постамериканского» мира. Проекты региональной экономической интеграции отражают, с одной стороны, естественное стремление стран двух регионов к более тесному горизонтальному взаимодействию и попытки неплатежеспособной американской экономики сохранить под сво-

им контролем пространство, которое руководствуется своими национальными интересами, всё чаще расходящимися с политическими устремлениями официального Вашингтона, – с другой. В сложившихся условиях претерпевает изменения роль Индии в мировой и региональной политике. Предпринята попытка на фоне тектонических глобальных изменений оценить возможности укрепления российско-индийских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Азиатско-Тихоокеанский регион, зона свободной торговли в Азии, Индия, Китай, Япония, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Северо-Восточная Азия, США, полицентрическое мировое устройство.

«Мир пришел в движение» – такова наиболее обобщающая характеристика современной международной жизни. Действительно, «закат» Запада и перемещение на восток оси мирового экономического и, через незначительный лаг, политического развития ставят вопрос о движущих силах данного процесса, об исторических истоках их формирования и о перспективах их развития в контексте эволюции мировой политики. Нынешнее состояние мировой экономики, характеризующееся наступающим «веком Азии», есть не что иное, как результат длительной истории экономического роста на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В правящих кругах Индии, например, полагают, что логическим продолжением проводимой официальным Дели политики «действуй на Востоке» (*Look East policy*) будет интеграция «крупнейшей демократии мира» в зону свободной торговли, формирующуюся на базе объединения АСЕАН.

Юго-Восточная Азия: обретение геополитической субъектности

События в Азии развиваются стремительно и подчас неожиданно для стороннего наблюдателя. Так, 6 января 2025 г. Индонезия стала десятым полноправным членом объединения БРИКС. Индонезия – одна из наиболее населенных стран мира (более 280 млн жителей), показывающая устойчивые (на уровне 5%) темпы экономического роста. Официальная Джакарта отмечает, что состоявшееся событие отражает растущую роль Индонезии в мировых делах и ее устойчивую приверженность «более инклюзивному и справедливому мировому порядку».

В Индонезии, как и в других странах ЮВА, длительный и форсированный экономический рост имел следствием

качественные изменения в социально-экономической структуре азиатских государств. Однако модели становления современного общества в регионе Юго-Восточной Азии имели свои особенности. Как известно, для государств Северо-Восточной Азии / Дальнего Востока успехи стратегии *экспортной ориентации* (*export-led growth*) в конечном счете определялись фактором *геополитики*, то есть заинтересованностью Соединённых Штатов в постоянном контроле пространства Дальнего Востока; после окончания Второй мировой войны в сознании специалистов по мировой политике и международным отношениям (среди которых явно выделялся Джордж Кеннан) возникла своеобразная «дуга безопасности», которая протянулась от Корейского полуострова и Японского архипелага на севере до Индонезии и других стран «южных морей» на юге и имела целью оградить этот обширный регион от «экспансионистской» деятельности Советского Союза и Китайской Народной Республики. Геополитический характер данного начинания подчеркивало открытие в знак благодарности наиболее емкого в мире внутреннего рынка США для Японии, Южной Кореи и острова Тайвань [Nayar, 2005, p. 75–86]. Подобную модель экономического развития в академической литературе обычно именуют *экспортно ориентированным ростом* (*export-led growth*).

Впрочем, наблюдаемое сегодня ущербное положение «коллективного Запада» имело под собой солидную историческую подоснову. Исходным рубежом данного процесса принято считать середину 1970-х годов, когда «золотой век капитализма» (как было принято изъясняться в англо-саксонской литературе), или «славное тридцатилетие» (*les trente glorieuses*, как предпочитали говорить франко-

язычные авторы), сменился *деиндустриализацией* экономик промышленно развитых стран; данный процесс приобрел дополнительное ускорение в 1980-е годы под влиянием глобализации. «Промышленно развитые страны, – полагает известный индийский экономист П.Ш. Джха, – столкнулись с реальностью <...>, для понимания которой у них отсутствовали внятные теоретические объяснения. Этой реальностью была деиндустриализация – постоянная потеря рабочих мест в обрабатывающей промышленности при одновременном снижении вдвое темпов роста производительности труда по экономике в целом, а также возникновение хронической, в отличие от временной, безработицы» [Jha, 2010, p. 5]. Ирония истории состоит в том, что глубокий кризис «западной модели развития» был купирован самоликвидацией «противоцентра» в международной системе – Советского Союза и социалистического сотрудничества. (Видимо, неслучайно некоторые аналитики на Западе тогда утверждали, что дезинтеграция СССР предшествовала аналогичным процессам в Америке примерно на 5–8 лет.)

Деиндустриализация как устойчивый процесс имеет и конкретное статистическое выражение. Так, например, в настоящее время доля промышленности в ВВП США составляет 11,1%, тогда как у Соединённого Королевства этот показатель составляет еще более скромные 8,8%. Из крупных развитых стран только в Германии и Японии доля промышленного производства оставалась (на конец 2019 г.) на относительно высоком уровне – 21% и 20,8% соответственно [China and the USA..., 2021, p. 13]. В Китае же доля реального сектора в ВВП в данное время составляла 40,7%. Деиндустриализация Запада не могла не иметь далеко идущих последствий

для мировой финансовой системы. Если в 1970-е и 1980-е годы основная задолженность приходилась на страны Глобального Юга, то в настоящее время 75,4% внешней задолженности падает на промышленно развитые страны [China and the USA..., 2021, p. 17]. Из вышесказанного следует, что «коллективный Запад» всеми силами и средствами стремится сохранить «порядок, основанный на правилах», поскольку только такая система отношений позволяет «золотому миллиарду» физически сохранять свое привилегированное существование.

Мысль о тупиковости развития «западного проекта» около 20 лет тому назад емко и лапидарно выразил видный индийский экономист А.К. Багчи. Согласно мнению ученого, международное право предназначено к исполнению для других стран, но никак не для Америки и ее союзников. Согласно мнению А.К. Багчи, идеологическая доктрина неоконсерваторов является «признаком слабости Америки в сфере экономики: Соединённые Штаты уже не могут платить за энергетические ресурсы, в которых они нуждаются, для осуществления ориентированного на военные методы и разрушительного для среды обитания курса накопления прибыли; поэтому милитаризм стал средством захвата за бесценок необходимых минерально-сырьевых ресурсов и увеличения доходов компаний – партнеров [государства] (*crony companies*) и создания рабочих мест в военных отраслях промышленности» [Bagchi, 2005, p. 335].

При ретроспективном анализе обнаруживается, что деградация хозяйственных систем Запада стала предметом внимания научной мысли в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Так, видный американский экономист М. Портер отмечал, что «пик эффективности» управления экономикой

в Америке пришелся на 1950–1960-е годы, тогда как Япония достигла выдающихся результатов в этой сфере деятельности в 1980-е годы [Porter, 1990, р. 4]. Продолжением поисков оптимальной модели соотношения общества и экономики стала серия работ по жизнеспособности/вitalности социальных систем, движущей силой которой стал Арман Клесс [Leading the World..., 2003]. Однако геополитические особенности международной жизни (прежде всего саморазрушение СССР) ведущей темой научных и «околонаучных» дискуссий сделали феномен «конца истории», закрыв тем самым возможности творческого осмысления причин экономической немощи западных обществ.

Нарастание «турбулентности» внутри западной финансовой системы подталкивает Вашингтон и его союзников к усилению начал политического принуждения в отстаивании своих экономических интересов. Юго-Восточная Азия выступает, как представляется, наиболее важным пространством приложения геополитических «новаций» официального Вашингтона. Как известно, Соединённые Штаты вступили в мировую политику в конце XIX в. практически синхронно на двух основных направлениях: восточном («североатлантическое пространство») и западном (Азиатско-Тихоокеанский регион). В Азиатско-Тихоокеанском регионе США с самого начала деятельности руководствовались известным имперским принципом «разделяй и властвуй» (Портсмутский мир 1905 г., подведший итоги русско-японской войны, например). Политика «сдерживания» Советского Союза после окончания Второй мировой войны на Дальнем Востоке подразумевала построение «дуги безопасности», протянувшейся от Южной Кореи и Японии до Индонезии и других стран «южных морей»

(Юго-Восточной Азии). «Политика сдерживания», таким образом, обозначила постоянное присутствие Америки в Юго-Восточной Азии.

Впоследствии политика США в ЮВА претерпела некоторые изменения. В конце 1960-х – начале 1970-х годов американская политика трансформировалась в «доктрину Никсона» (выдвинута в июле 1969 г., фактически введена в действие в феврале 1970 г.). Согласно «доктрине Никсона», США брали на себя ответственность за оборону своих союзников, определяя при этом масштабы, формы и сферы своего вмешательства в региональные события и процессы и исходя при этом из своих национальных интересов [Доктрина Никсона, 1972].

Мы должны, говорил тогда Р. Никсон, научиться жить по средствам, имея в виду ограниченные возможности Америки вести военные действия за пределами страны. Конкретизируя эти задачи, официальный Вашингтон обратился к Японии с предложением принять на себя функции инвестора в экономики стран Юго-Восточной Азии, в частности в экономику Индонезии. «Ведя войну против коммунистов во Вьетнаме, Соединённые Штаты, однако, были отблагодарены развитием событий в Индонезии (консервативный поворот во внутриполитическом развитии этой страны после событий 30 сентября 1965 г. – А. В.); американцы всячески поощряли Японию к расширению экономической помощи [Индонезии] и сотрудничества с режимом этой страны», – пишет канадский экономист Б.Р. Найяр [Nayar, 2005, р. 173]. При освобождении себя от макроэкономической нагрузки во внешних связях со странами ЮВА в Вашингтоне учитывали опыт Страны восходящего солнца по управлению экономиками региона в годы Второй мировой войны.

Начиная инвестиционную деятельность в странах Юго-Восточной Азии, Япония невольно переносила в страны «южных морей» собственные методы организации экономики и «японскую модель» хозяйствования – «государство развития» (*developmental state*) [Johnson, 1982]. Каково внутреннее содержание этого феномена? Происхождение «государства развития» имело геополитический характер, поскольку «сдерживание» СССР и Китая предполагало жизнеспособность Страны восходящего солнца как экономического организма. Американцы не только не вмешивались во внутренние экономические процессы в Японии, но и активно стимулировали воссоздание крупных объединений монополистического характера (дзайбацу), а также открыли свой емкий внутренний рынок для японских товаров, тем самым плотно привязав к себе внешнеэкономические связи и внешнюю политику Японии. В результате подобной политики Япония уже в 1952 г. достигла довоенного уровня по показателям ВВП [Friedman, Lebard, 1991, p. 117]. В Японии безальтернативность модели экспортно ориентированного развития диктовалась наличием значительного населения, недостаточным количеством орошаемой земли, скудостью минерально-сырьевой базы для развития промышленности [The Vitality of Japan..., 1997]. Аналогичные условия развития Южной Кореи и острова Тайвань вынудили эти страны примкнуть к японскому лагерю.

В экономической литературе в «лагерь» Тайваня и Южной Кореи также заносят города-государства Гонконг и Сингапур, которые собирательно называют «четырьмя драконами» или «бандой четырех» (*gang of four*). Так в основных чертах формировалась экономическая и политическая подоснова американского доминирования

на Дальнем Востоке, которая впоследствии была использована Вашингтоном для стратегического контроля над важным геополитическим пространством.

Стоит отметить, что японская экономическая экспансия в Юго-Восточную Азию породила в Индонезии, Малайзии, Таиланде и других странах ЮВА «имитационный» тип развития, частью которого стало последующее проникновение «тигров третьего поколения» на рынки Азии и других континентов. Очевидно, что модель экспортно ориентированного развития могла успешно функционировать и применяться исключительно в условиях восходящего развития мировой экономики и мировых рынков, создающего и поддерживающего благоприятные условия для глобальной торговли (как это было, например, в 1970-е годы).

Таким образом, третьим этапом становления зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало появление «третичной модели» развития капитализма (после Японии и «четырех драконов»), которую олицетворяли страны – лидеры объединения АСЕАН: Индонезия, Малайзия, Таиланд и, с известными оговорками, Филиппины. Отметим, что «третичная модель» незападного капитализма формировалась под влиянием двух основных факторов: 1) исторического опыта «освоения» Юго-Восточной Азии Японией, 2) *горизонтального* сотрудничества стран – участниц экономической ассоциации АСЕАН, существующей с 1967 г.

Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины изначально не располагали ни достаточным уровнем образования населения, ни экономической культурой индустриального типа, ни общественной дисциплиной, необходимыми для повторения траектории развития «четырех тигров», не говоря уже о лидере форсирован-

ного экономического роста – Японии. Тем не менее успехи «авангарда» оказывали постоянный «демонстрационный эффект» на общества Юго-Восточной Азии, подталкивая элиты последних не только к имитации «японской модели развития», но и (используя фактор относительно недорогой рабочей силы) к последующему выходу на внешние рынки, тем более что мировая конъюнктура в 1970-е годы благоприятствовала реализации экспортно ориентированного типа общественной эволюции [Nayar, 2005, p. 168–180]. Так на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии возникла «трехчленная» модель развития (Япония – «новые тигры» – ведущие страны АСЕАН), каждый участник которой не только ощущал себя некоей новой политэкономической целостностью, но и был решительно настроен на отстаивание собственных «партикулярных» интересов. Данная особенность «трехчленной» модели впоследствии сказалась на содержании и характере межгосударственных отношений на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, включая противоречия с внерегиональными «игроками», прежде всего с Соединёнными Штатами Америки.

Экономисты и политологи уже тогда обращали внимание на *геополитический* характер сформировавшейся «модели», которая была призвана обслуживать национальные интересы США. Стратегический замысел Америки в этих двух соседствующих регионах выглядел следующим образом: «Соединённые Штаты, как доминирующая сила региона (то есть Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии – А. В.), взрастили послевоенный экономический подъем Японии и привязали эту страну к рынкам Юго-Восточной Азии и к расположенным там минеральным ресурсам, чем предопределили многие аспекты развития региона ЮВА. <...> Таким

образом, спектр экономической политики для политических элит Юго-Восточной Азии прежде всего зависел от интересов безопасности и геополитических императивов США и их региональных последствий, как их понимал американский внешнеполитический истеблишмент» [Nayar, 2005, p. 171].

В начале нынешнего века в макрорегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии заметно возросла экономическая и политическая активность Китая, а затем и Вьетнама. Оба эти общества на своем развитии испытали сильное влияние как традиционных общественно-культурных ценностей и установок, так и принципов организации социума социалистического типа («принудительно направляемого хозяйства», если пользоваться стилистикой Л. Эрхарда [Эрхард, 1991]). И в китайском, и во вьетнамском обществах, как известно, самодисциплина выступала в качестве каркаса производства и экономической и политической культуры. Можно сказать, что и Китай, и Вьетнам были «государствами развития», хотя и в особой, социалистической форме. Указанные особенности исторической эволюции в конечном счете помогли обоим обществам непротиворечиво интегрироваться в систему экономических взаимоотношений в макрорегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Таким образом, культурный код и его производные оказались важнее идеологической дихотомии «капитализм – социализм». Дальнейшее внутреннее развитие данного макрорегиона происходило под определяющим влиянием его естественных экономических потребностей, с одной стороны, и постоянного давления со стороны правящих кругов США – с другой. Одним из важных направлений «обустройства» этого обширного экономического пространства стала «зона свободной торговли» в Азии.

Зона свободной торговли в Азии: эволюция и последствия

Восточная Азия является одним из наиболее развитых регионов мира по показателю зрелости внутренних интеграционных процессов. Добавим, что на качестве и глубине интеграционных процессов в макрорегионе Дальний Восток – Юго-Восточная Азия сказалась значительная подготовительная работа, проделанная с начала 1990-х годов. Форсированный экономический рост, имевший следствием модернизацию социально-экономической структуры обществ ЮВА, логикой внутреннего развития превратил макрорегион Дальнего Востока – ЮВА в один из важных «полюсов» развития и тем самым способствовал динамизации интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Немалая роль в «подталкивании» этого процесса принадлежала Японии, которая своей деятельностью стимулировала развитие производительных сил в ЮВА. Обособление макрорегиона Дальнего Востока – ЮВА в мировой экономике медленно, но верно ослабляло зависимость этого экономического пространства от Америки и Западной Европы. Параллельно выкристаллизовывались и собственные политические интересы.

Проект зоны свободной торговли в Азии имеет довольно длительную историю. На первом этапе (начало 1980-х годов) его лидером выступала Малайзия в лице премьер-министра Мохатхира Мохаммада (политика «смотри на Восток» [*Look East*]), смысловыми центрами которой должны были стать Страна восходящего солнца и «японская модель развития». Возможно, М. Мохаммад первым среди политиков понял, что США не могут ни противостоять новым финансовым

потрясениям, ни предложить государствам Азии убедительные проекты по ликвидации их последствий. Так был дан старт проектам формирования единой зоны свободной торговли и, стало быть, общего регионального рынка [Костюнина, Баронов, 2017, с. 179–183]. (Точка зрения Г.М. Костюниной и В.И. Баронова в принципе разделяется другими отечественными авторами [Арапова, 2017; Дёмина, 2017; Томилов, 2019]). Поиски новой модели регионального сотрудничества объективно облегчались позицией Японии, которая в начале нынешнего века в своих внешнеэкономических связях всё больше ориентировалась на страны Восточной Азии, а также на Китай.

Факторы ускоряющегося времени и общего пространства создавали основу для необходимых переговоров по активизации интеграционных процессов внутри АТР. Да и международная жизнь работала во благо межгосударственного взаимодействия. Наконец, появился реальный результат совместных усилий. Завершение переговоров по соглашению о свободной торговле «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (ВРЭП) 15 ноября 2020 г. было оценено как важный шаг в развитии международной торговой системы. Создание крупнейшей в истории мировой экономики зоны свободной торговли означает, что протекционизм в конце первой четверти XXI в. уже не мог (и не может) рассматриваться как единственный вариант торговой политики. Однако, как отмечают специалисты, даже если ВРЭП и снизит административные и политические барьеры при заключении торговых соглашений в регионе, это не станет серьезным прорывом на пути к созданию зоны свободной торговли в АТР. ВРЭП, как признают аналитики, явля-

ется довольно «рыхлым» торговым соглашением. У ВРЭП нет достаточного внутреннего (политэкономического и институционального) потенциала, чтобы превратить Азиатско-Тихоокеанский регион в монолитный блок в международной торговой политике. Более того, институционализация ВРЭП (и это обстоятельство, пожалуй, – главное препятствие) никак не способствует преодолению растущих политических противоречий в регионе АТР.

Как известно, соглашение ВРЭП было инициировано странами АСЕАН и включает в себя десять членов этой организации (Бруней, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам), а также Китайскую Народную Республику, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Начиная с 2012 г. эти страны вели переговоры об условиях и статусе регионально-го соглашения о свободной торговле. Одной из основных мотиваций участия стран АСЕАН в этом процессе было создание своеобразного противовеса Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). После того как США вышли из этого соглашения в 2017 г., последующая реализация менее амбициозного проекта (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, *CPTPP*) не представляла собой полную замену ВРЭП, поскольку важные члены АСЕАН, особенно Индонезия и Таиланд, не участвовали в *CPTPP*. Целесообразно отметить, что ВРЭП качественно не меняет торговые отношения между АСЕАН и КНР, поскольку торговля между этими одиннадцатью экономиками ведется на основе соглашения о свободной торговле с 2010 г. Добавим: в настоящее время объединение АСЕАН является крупнейшим внешнеторговым партнером Китая.

Внутрирегиональное сотрудничество Японии, Китая и Южной Кореи

В научной литературе и публицистике меньшее внимание уделяется заключению соглашения с участием именно этих трех государств. Видимо, недостаток интереса у науки и журналистики к данной проблеме связан с тем, что вплоть до недавнего времени переговоры между двумя крупными величинами мировой экономики – Китаем и Японией – не считались перспективным начинанием с учетом их исторических и экономических противоречий. Теоретически эффективным баланси-ром между двумя экономическими гигантами смогла бы выступить «третья сила», например Южная Корея. Однако на данном «поле» существуют свои сложности. Так, противоречия между Пекином и Сеулом, в которые в 2017 г. была вовлечена южнокорейская компания *Lotte*, грозили расстройством двусторонних внешнеэкономических связей. Конфликт удалось разрешить лишь на высшем политическом уровне. Помимо этого, официальный Пекин учитывает, что Япония, наряду с США, Австралией и Индией, входит в Четырехсторонний диалог по безопасности, или *QUAD*, «свободный» альянс в Индо-Тихоокеанском регионе. Хотя *QUAD* остается весьма аморфным, «рыхлым» объединением, в Пекине учитывают важнейшую цель этой группы: сформировать военный противовес КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К тому же нарастающая сложность политических отношений в АТР противоречиво влияет на деятельность дипломатии различных стран. Так, Япония, с одной стороны, прочно закрепилась в лагере стран, которые критически относятся к растущей решительности китайской внешней политики, но, с другой стороны, Страна восходящего солнца

объективно заинтересована в расширении своей торговли с Китаем. (Экономисты отмечают: нынешний экономический рост в Японии есть по большей части следствие активных внешнеэкономических связей с Поднебесной.) В то же время участие Японии во ВРЭП можно объяснить и наличием группы политически мотивирующих факторов, прежде всего соперничеством Токио и Пекина. Выход Японии из соглашения, отмечают аналитики, вызовет автоматический рост влияния Китая на развивающиеся экономики АТР.

Считается, что основное преимущество ВРЭП для торговой политики заключается в том, что это соглашение теоретически облегчает реализацию комплексной модели внешнеторговых отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Экономисты уже давно сетуют на то, что экономические выгоды от многих торговых соглашений региона ограничены, поскольку они имеют следствием усиление, а не уменьшение практик регулирования в международной торговле. Для компаний – участниц внешнеэкономических связей снижение тарифов в двусторонней торговле обернулось увеличением административных расходов: им пришлось потратить немалые средства на документальное подтверждение происхождения товара. Ведь без действующего сертификата происхождения товары не могут продаваться беспощинно в рамках любого соглашения о свободной торговле. Практика показывает: экономические преимущества отмены импортных пошлин нередко «компенсируются» затратами на изготовление подобных сертификатов происхождения.

Как известно, экономические последствия предыдущей торговой политики были разочаровывающими. Согласно исследованию Тихоокеанского совета экономического сотрудничества,

проведенному в 2015 г., подавляющее большинство компаний не воспользовались преимуществами существующих соглашений о свободной торговле. Лишь 22% сделок в торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе (учитывалась только торговля между странами, входящими в соглашение о свободной торговле) осуществлялось с использованием договорных льгот. Остальные 78% были «очищены» с использованием стандартных правил и тарифов Всемирной торговой организации (ВТО). Иными словами, существующие соглашения о свободной торговле не внесли значительного вклада в либерализацию торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предполагается, что ВРЭП, с другой стороны, снизит административную нагрузку на компании торгового сектора, поскольку единые правила происхождения будут применяться ко всем вовлеченным в процесс хозяйственным системам. Однако компаниям всё равно придется рассчитывать, будут ли затраты на доказательство происхождения продукта ниже таможенной пошлины, которую им в противном случае пришлось бы платить. Впрочем, представляется правдоподобным, что доля торговли, осуществляемой по условиям ВРЭП, будет выше, чем по предыдущим торговым соглашениям.

ВРЭП теоретически способствует либерализации торговли между странами-участницами. В зоне свободной торговли снижаются издержки приграничной торговли товарами и услугами. Тем не менее модель ВРЭП объективно способствует дальнейшему разрушению многосторонней торговой системы. Каждое соглашение о свободной торговле представляет собой исключение из известной статьи 1 Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ). Это положение о «наиболее благоприятствуемой на-

ции» (все меры по либерализации торговли автоматически предоставляются всем странам – членам ВТО) не применимо в условиях свободной торговли. Данное исключение регулируется статьей 24 ГАТТ. Однако предпосылкой для этого является то, что соглашение о свободной торговле охватывает «практически всю торговлю». Правда, такие сферы экономики, как сельское хозяйство и рыболовство, сознательно исключены из сферы действия этого соглашения. Регулирование торговли услугами является слабым и нечетким. Впрочем, эти недостатки свойственны почти всем соглашениям о свободной торговле. Причина проста: государство – член ВТО должно будет подать иск, а поскольку все договаривающиеся стороны сами нарушают правила статьи 24, никаких действий предпринято не будет.

Таким образом, соглашение ВРЭП не представляет собой возвращение к духу либерализации торговли 1980-х и 1990-х годов. Данное соглашение еще больше ослабляет многостороннюю торговую систему, а не укрепляет ее. Это может быть выгодно для участвующих в обменах экономик, но никак не для мировой экономики в целом. Даже для стран – членов ЕС последствия соглашения ВРЭП незначительны. Согласно исследованию Института международной экономики Петерсона (PIIE), страны, входящие во ВРЭП, будут генерировать дополнительный ВВП на сумму 174 млрд долл. ежегодно к 2030 г. Поскольку ВРЭП уже охватывает своим действием население, насчитывающее более 2,5 млрд чел., экономические выгоды для отдельных лиц вряд ли будут значительны. Согласно расчетам, объем производства в зоне ВРЭП увеличится примерно на 70 долл. в год в пересчете на душу населения. Едва ли это достижение может считаться существенным.

Независимые эксперты полагают, что соглашение ВРЭП также не приведет к созданию нового экономического блока во главе с Китаем, как нередко утверждают политические противники Поднебесной. Нормативное содержание соглашения не ставит перед его участниками далеко идущих, «амбициозных» задач. В частности, соглашение не содержит конкретных требований по охране окружающей среды. В отличие от Европейского союза – таможенного союза, который имеет общую торговую политику для государств-членов, – ВРЭП отличается своеобразной гибкостью, поскольку позволяет странам-участницам проводить свою собственную торговую политику. Например, Австралия может заключить соглашение о свободной торговле с ЕС, если пожелает. Если бы ВРЭП был таможенным союзом, картина изменилась бы. Но в сегодняшнем политическом климате трудно представить, чтобы такие страны, как Австралия или Япония, могли договориться о таможенном союзе с Китайской Народной Республикой. Соглашение, по признанию аналитиков-экономистов, не является началом процесса азиатско-тихоокеанской интеграции, прежде всего потому, что оно не регулирует проблемы политического порядка. Так, после подписания соглашения политическая напряженность, препятствующая далекой интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отнюдь не снизилась.

К слову, правительство Австралии осуществляет политику плотных связей в области безопасности с США, с одной стороны, и многостороннего экономического сотрудничества с Китаем – с другой. В Канберре признают: ни одна другая страна не получила такой выгоды от экономического бума Китая, как Австралия. Китайские иммигранты внесли свой вклад в развитие

Австралии со времен золотой лихорадки 1850-х годов. До кризиса, вызванного коронавирусом, в Австралии обучалось около 180 тыс. китайцев. Ежегодно Австралию посещали 1,2 млн жителей Поднебесной. Такое же количество лиц китайского этнического происхождения проживает на пятом континенте.

Китай является крупнейшим торговым партнером страны с 2007 г. В настоящее время КНР является одним из наиболее важных пунктов назначения австралийского экспорта. В то же время другой ведущий партнер, Япония, значительно отстает от Поднебесной по объему взаимного товарооборота. Объем австралийского экспорта товаров и услуг в Китай превышает экспорт этих статей Австралии в Японию, США, Индию и Южную Корею, вместе взятые.

В целом политический фон внешнеэкономического сотрудничества двух стран остается неблагоприятным. Австралийское общество всё более скептически относится к Китаю. Только около трети опрошенных респондентов имеют положительное мнение о Поднебесной, хотя экономическое процветание Австралии во многом зависит от экспорта сырья в Китай и от китайского спроса на образовательные и туристические услуги. Пример Австралии показывает, насколько хрупок внешний вид современности в этой стране. Местный журналист Ричард МакГрегор назвал Австралию «современной мультикультурной страной с глубокими ксенофобскими корнями». Подобная характеристика не лишена оснований.

Так, после Второй мировой войны программы, которые открыли Австралию для массовой иммиграции европейцев, негласно объяснялись наличием «желтой угрозы». В то время (1950-е годы) австралийцы опасались Японии, тогда как сегодня объектом их страхов

и фобий стал Китай. Диалектику отношения австралийцев к Китаю емко определил бывший премьер-министр страны Тони Эбботт (2014), который сказал, что решающее влияние на восприятие Китая у австралийцев имеют два чувства: страх и жадность. С тех пор эта дихотомия в восприятии Китая у жителей Пятого континента изменилась лишь в том смысле, что ощущение внешней угрозы в австралийском обществе еще больше усилилось. Сегодня Поднебесная ожидает от Австралии воздержания от критики внешней политики китайского правительства. Иными словами, соглашение ВРЭП оказалось не в состоянии разрядить политическую напряженность в австралийско-китайских отношениях.

Свои особенности в межгосударственных отношениях в АТР имеет позиция *Японии*. Для извечного соперника Китая заключение соглашения о свободной торговле с «коммунистическим» государством полезно. Токио присоединился к ВРЭП, поскольку это соответствует его экономическим интересам и не влечет за собой высоких политических рисков и издержек. Помимо этого, внешнеэкономические связи с КНР, как отмечают экономисты, выступают ключевым фактором экономического роста в Стране восходящего солнца с учетом значительной зависимости японской промышленности от состояния мировой торговли. Кроме того, соглашение ВРЭП позволяет японским компаниям строить производственные цепочки и сети в макрорегионе Дальнего Востока – ЮВА еще активнее, чем раньше. Японские компании с начала 1970-х годов были «напористы» в странах АСЕАН. Например, они внесли большой вклад в превращение Таиланда в важный производственный центр автомобильной промышленности. Упрощая правила происхождения товара, японские

автопроизводители теперь могут увеличить закупку компонентов для производства автомобилей по всей ЮВА. Наконец, исключение торговли сельскохозяйственной продукцией из обязательных групп товаров чрезвычайно выгодно Японии.

Японии в силу объективных причин (скудость сельскохозяйственных угодий) изначально было затруднительно либерализовать торговлю сельскохозяйственной продукцией как внутри ВТО, так и в рамках двусторонних соглашений о свободной торговле. Японская сельскохозяйственная продукция не может конкурировать по цене с товарами из Юго-Восточной Азии. Например, открытие страны для импорта риса из региона ЮВА повлекло бы за собой высокие политические издержки для правящей Либерально-демократической партии. Учитывая ожидаемые значительные выгоды для всё ещё сильной промышленности Японии в сочетании с продолжающейся защитой японских фермеров, ВРЭП, похоже, создан специально для интересов и предпочтений Токио.

Одним из наиболее важных участников процесса формирования зоны свободной торговли в Азии выступает *Китай*. Как и Япония, Китай извлекает выгоду из создания зоны свободной торговли. Китайские компании равным образом имеют выгоду от административных «упрощений» и смогут более активно переносить в ЮВА свои производственные сети. В случае с Китаем, в частности, возникает вопрос, является ли такая интернационализация вообще желательной с политической точки зрения.

Руководство КНР приняло стратегическое решение о преимущественной ориентации экономики страны на внутренний рынок в связи с мировым финансово-экономическим кризисом 2007–2009 гг. Однако по логике своей

внутренней экономической политики Китай должен продолжать участвовать в «большом» международном разделении труда. Целью новой стратегии также является сохранение важности китайского рынка для деятельности иностранных компаний. Существует мнение: если Китай продолжит покупать престижные автомобили иностранного производства, это удержит иностранные правительства (прежде всего европейские) от критики КНР и его внешнеэкономической стратегии. Мотив «жадности», на который ссылался Тони Эбботт, сознательно используется китайскими властями для сохранения зависимости иностранных государств от наиболее емкого в мире (по некоторым оценкам) внутреннего рынка Поднебесной. Немецкие компании, работающие в автомобильной промышленности, являются наглядным примером подобной зависимости.

Заметное место в интеграционных процессах в Азии занимает *Южная Корея*. Как и Япония, Южная Корея (по причине недостаточной площади земельных угодий) «экзистенциально» заинтересована в защите своего агропромышленного комплекса. Однако и Южной Корее, и Японии пришлось усвоить несколько «унизительных» уроков в отношениях с Поднебесной. Так, автомобильная промышленность двух стран в начале 2020 г. пережила торможение из-за нехватки необходимой продукции из Китайской Народной Республики. По этой причине производителям *Hyundai* и *Kia*, например, пришлось полностью приостановить производство. Аналогичным образом в Японии *Honda* и *Nissan* также были вынуждены сократить производство автомобилей. В 2019 г., то есть в последний благоприятный предковидный год, 31,1% всех автозапчастей, импортированных в Южную Корею, и 36,9% всех автозапчастей, ввезенных в Япо-

нию, поступили из Китая. Многим лидерам бизнес-сообщества в Южной Корее и Японии стало ясно, что закупка производственных компонентов из Китая может быть разумной по цене, но должна предполагать отлаженную логистику. В разгар кризиса логистические цепочки фактически прекратили функционировать. Получилось так, что недорогие производственные компоненты оказались довольно «накладными» по цене, поскольку их вывод из промышленного оборота имел следствием остановку целых производственных линий. Не исключено, что этот негативный опыт ослабит интерес промышленных компаний из стран Восточной Азии к закупкам промышленных компонентов в Китае или в странах Юго-Восточной Азии даже после вступления в силу соглашения ВРЭП.

Предсказуемо «особой» выглядит позиция Индии. Как известно, Индия не подписала соглашение ВРЭП, что сильно ослабило позиции сторонников «свободной торговли» в Азии. Схематично позицию «крупнейшей демократии мира» в отношении развития зон свободной торговли можно представить как максимальную свободу для индийского капитала на внешних рынках и значительные ограничения для капитала иностранного в Индии. Данная позиция существует давно, с «Бомбейского плана» 1944 г., и не имеет тенденции к изменению, тем более что сам «план» стал логическим завершением событий и процессов почти столетней истории [Wolmar, 2017, p. 10–14]. Защита национального предпринимательства – одно из краеугольных оснований политики всякого индийского правительства, вне зависимости от его партийной принадлежности. Общая картина участия Индии в мировой экономике противоречива. С одной стороны, компании из «круп-

нейшей демократии мира» очень активны за пределами страны, и не только в сфере услуг. Значительная доля участия в британской автомобильной промышленности (*Jaguar, Land Rover*) сейчас принадлежат индийской компании *Tata*. С другой стороны, индийское правительство неоднократно доказывало, что оно замедляет практическое развитие «либеральных» правил международной торговли. С самого начала переговоров Дохийского раунда ВТО в 2001 г. официальный Дели настаивал на выполнении требований развивающихся стран о защите национальных рынков. Ожидания, что правительство Нарендры Моды, находящееся у власти с 2014 г., окажется достаточно решительным, чтобы существенно либерализовать торговую политику Индии, не подтвердились. Индия по-прежнему занимает позицию скептицизма в отношении глобализации (хотя на словах ее поддерживает) и, как и Китай в новом пятилетнем плане, фокусирует внимание в первую очередь на внутреннем экономическом развитии.

Индия как наиболее населенная страна мира представляет собой особый случай в сегодняшней международной торговой системе, поскольку не заключила соглашения о свободной торговле ни с одной из основных экономических зон: Восточной Азией, Европой, Северной Америкой. Премьер-министр Индии Н. Моди полон решимости превратить страну в современную экономику, способную конкурировать на равных с промышленно развитыми странами. Однако экономисты-аналитики отмечают несоответствие заявлений индийского правительства его действиям в мировом экономическом пространстве. По сути дела, правительство Н. Моды проводит протекционистскую политику. В «индексе экономической свободы», составленном американским Фондом насле-

дия, Индия в 2020 г. заняла 120-е место, значительно уступив таким странам АСЕАН, как Малайзия (24-е место), Таиланд (43-е) и Индонезия (54-е).

Учитывая исторический опыт и внутреннюю расстановку социально-политических сил в стране, эксперты отмечают, что Индия вряд ли станет «экономически открытой» в обозримом будущем. Для этого есть две основные причины. Во-первых, маловероятно, что Индия присоединится к соглашению о свободной торговле, одной из сторон которого является Китай. Вторая причина – возрождение экономической политики, опирающейся на внутренний рынок и пытающейся ограничить внешнюю торговлю. Это политика, которая способствует высокому уровню экономической самодостаточности и делает особое ударение на относительно замкнутом внутреннем рынке. Смысл подобного курса состоит в поддержке национальной промышленности, тогда как свободная торговля во внешнеэкономической стратегии страны занимает подчиненное положение. На Западе не ожидают, что правительство Н. Модии откажется от своего протекционистского курса и обратится к политике экономической открытости. Сторонникам глобализации придется считаться с «особой» позицией Индии по проблемам мировой торговли.

Специалисты по мировой экономике обращают внимание на то, что ВРЭП существенно не изменит будущее международной торговли. Соглашение предоставит необходимую административную поддержку предприятиям Азиатско-Тихоокеанского региона и облегчит движение товаров и услуг на данном пространстве. Однако все политические проблемы, которые ранее затрудняли, а то и делали невозможным далекоидущую экономическую и политическую интеграцию

в АТР, сохраняются. Речь идет о взаимных территориальных претензиях в Южно-Китайском море, о пугающей американцев и их ближайших союзников внешней политике Пекина и до сих пор неясных отношениях между субсидируемыми государством китайскими госкомпаниями, с одной стороны, и теми компаниями в странах – торговых партнерах Китая, которые подчиняются законам рыночной экономики, – с другой. В то же время заметно, что два наиболее населенных государства «Индо-Тихоокеанского региона» (Индия и Китай) стремятся отойти от парадигмы открытой торговой политики. Таким образом, ВРЭП, скорее всего, станет «очередной кульминацией» азиатско-тихоокеанской интеграции, а не исходным пунктом создания экономического и политического союза в этом обширном регионе.

Перспективы формирования зоны свободной торговли/единого экономического пространства в Азиатско-Тихоокеанском регионе наталкиваются на два очевидных препятствия. Во-первых, чрезвычайно трудно согласовать и гармонизировать интересы многочисленных государств, находящихся на различных стадиях социально-экономической эволюции и имеющих порой расходящиеся национальные интересы. Интеграционные процессы в данном случае видятся длинной траекторией, на которой каждая инициатива предстает и как приближение к заветной цели, и как новые трудности, возникающие на этом непростом пути. Во-вторых, тормозящее влияние имеет и группа политических факторов, прежде всего желание США сохранить контроль над жизненно важным регионом, где в открытой форме проявляются настроения в пользу полицентрической организации мира и защиты национальных интересов. Представляется, что такого рода диалектика и

в дальнейшем будет определять перспективы реализации идеи зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Проблема несовпадения национальных интересов известна «со времен сотворения мира». После распада советско-американской биполярности и кратковременной институционализации «униполярной» гармонизация национальных интересов в несправедливо устроенном мире виделась в «глобальном управлении» [Governing Globalization..., 2002]. Однако динамика развития относительно благополучного пространства АТР имела следствием поиски нового, полицентрического и справедливого, мирового порядка.

Индия в поисках жизнеспособной геополитической парадигмы

Потеряв не по своей воле в начале 1990-х годов фактор *стратегического союзничества* с СССР, Индия начала поиски новой геополитической парадигмы. Важным внешним стимулом для этих дипломатических усилий стала активизация дипломатической деятельности Китая, в конце 1980-х годов вышедшего на траекторию форсированного экономического роста. Повышенное внимание индийского внешнеполитического истеблишмента к географическому востоку (то есть Юго-Восточной Азии) имело в своей содержательной основе по крайней мере три определяющих обстоятельства. Первое – значительное культурное влияние Индии в странах «южных морей», иногда рассматриваемое как *общность исторических судеб* двух крупных регионов современного мира. Такого рода общность побудила индийских политологов определить данное географическое пространство как «ин-

до-тихоокеанский регион». Впоследствии эта идея пришлась по душе правящим кругам Соединённых Штатов Америки, заинтересованным в «сдерживании» Китая силами «крупнейшей демократии мира» [Феномен Трампа, 2020, с. 578–594]. Второе – понимание индийскими элитами озабоченности правящих кругов стран ЮВА активизацией политики Китая в Юго-Восточной Азии, где проживают многочисленные этнические китайцы; последние нередко рассматриваются в странах «южных морей» как инструмент внешней политики Поднебесной в сопредельном регионе. Третье – желание официального Дели с помощью «восточной политики» (*Look East*, впоследствии *Act East*) за счет развития активности в зоне «южных морей» создать *стратегическую глубину* в отношениях с исторически родственными странами региона Южной Азии, где ощущается постоянная геополитическая деятельность «непознаваемого» Китая.

Современную внешнеполитическую стратегию Индии в конечном счете формирует сложное переплетение факторов и силовых линий, которые, постоянно видоизменяясь, насыщают государственный курс новым глобальным и региональным содержанием. Особо отметим: официальный Дели остается приверженным идее «стратегической автономии» (то есть самостоятельного поведения в мировом пространстве) и не собирается быть исполнителем американских геополитических замыслов. Даже проамерикански настроенные группы среди индийских политических элит понимают незаменимость России в нынешней, переходной к новому мировому порядку, ситуации. Их замысел состоит в том, чтобы «квадрат сил» Индии, России, США и Китая максимально отвечал индийским интересам. Важным инструментом действенности ин-

дийской внешней политики остается «восточная политика» официального Дели.

Определенным ограничителем деятельности «восточной политики» остается характер взаимоотношений между двумя азиатскими «гигантами»: Индией и Китаем. Логика поведения двух сверхкрупных государств на данном внешнеполитическом направлении выглядит следующим образом. Пекин рассматривает «восточную политику» Дели как стремление к сдерживанию Китая в Юго-Восточной Азии и как составную часть американской стратегии по «изоляции» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Со своей стороны Дели усматривает в некоторых аспектах китайской политики скрытое желание окружить Индию в регионе Южной Азии «поясом» недружественных государств и тем самым ограничить свободу действий последней в бассейне Индийского океана.

Важное значение для оценки эффективности «восточной политики» Индии имеет позиция стран – членов АСЕАН в отношении внешнеполитической деятельности в зоне «южных морей». Позиция государств ЮВА в отношении «восточной политики» Индии, как представляется, складывается из двух побудительных начал: геополитического и экономического. С одной стороны, элиты стран Юго-Восточной Азии рассматривают Индию в качестве своеобразного противовеса влиянию гиперактивного Китая. С другой стороны, судьба «восточной политики» напрямую зависит от ее экономической эффективности. «Восточная политика» Индии пока не увеличила ее вовлеченность в экономические отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Взаимные товарные потоки, например с Японией и Южной Кореей, остаются ограниченными. В настоящее время

Индии предстоит значительно увеличить свой экспорт на рынки основных государств Азии. Сохраняющиеся дисбалансы в торгово-экономических отношениях Индии со странами АТР всё еще сдерживают диалог Индия – АСЕАН. Необходимо учитывать также протекционистские настроения в государствах ЮВА, правящие круги которых опасаются наплыва дешевых индийских товаров на рынки стран АСЕАН. Можно сказать, что интерес в странах АТР к идее *Indo-Pacific* пока наполнен преимущественно геополитическим смыслом, тогда как внешнеэкономические связи, движущая сила политического сближения всё еще остаются в «стационарном» состоянии.

Судя по всему, власти Индии осознают недостаточность *политэкономического* ресурса для проведения «активистской» внешней политики в отношении Китая, поэтому стимулирование экономического роста в стране преследует не только сугубо «домашние», но и внешние, геополитические, цели. В Дели понимают: возрастание геополитических возможностей Китая в условиях необратимого упадка «коллективного Запада» создает угрозу «растворения» Индии в аморфном с географической и экономической точек зрения регионе «индо-пацифика». Утрата геополитических позиций «крупнейшей демократией мира» в таком случае становится неизбежной.

Тем не менее подозрительность Поднебесной в отношении Индии не стоит абсолютизировать. Так, в Пекине признают, что правительство во главе с Н. Модии начиная с парламентских выборов 2014 г. настойчиво ищет новую геополитическую конструкцию, способную стабилизировать международные отношения в период перехода от «постбиполярности» к такой организации мирового пространства, ко-

торая отражает растущее разнообразие человечества.

Для официального Дели основное внимание, говоря исторически, сосредоточено на «постиндийском» пространстве, то есть на регионе Южной Азии. Так, отношения с Пакистаном в Дели всегда рассматривали в контексте связей с соседними государствами Южной Азии, в число которых некоторые эксперты начинают включать Афганистан и Иран. Стоит признать: в подобной трактовке присутствует здравый смысл. Долгосрочные интересы данной группы государств всё плотнее смыкаются на *горизонтальной* основе под воздействием факторов геоэкономики и геополитики. Каковы же приоритеты Дели в сфере внешней политики и национальной безопасности на важном южноазиатском направлении? Какие факторы влияют на формирование индийской внешнеполитической доктрины в регионе, в чем ее стратегический «стержень»?

Первый – продолжающаяся «смена вех» в политическом мышлении правящего класса, связанная как с затянувшейся сменой поколений в индийской политике (нехватка свежих идей, отражающих реалии быстроменяющейся региональной и мировой ситуации), так и с ростом общественной поддержки (четко проявившейся на парламентских выборах 2014, 2019 и 2024 гг.) сил, которые ставят ударение на новой роли Индии в мире; эта роль вытекает из идеологии «государства-цивилизации», превращающегося в одно из «гравитационных полей» мирового развития.

Второй – стремление старейшей партии страны, Индийского национального конгресса (ИНК), провести смену поколений в Конгрессе в поль-

зу Рахула Ганди, отсутствие склонности последнего к государственному управлению осложняет становление межпартийного консенсуса по проблемам внешней политики (отсутствие содержательной критики правящей БДП и внятной социально-экономической альтернативы индийскому традиционализму вновь проявилось в избирательной кампании 2024 г.).

Третий – растущие сомнения в индийской элите относительно способности США «уравновесить» геоэкономическое и геополитическое влияние Китая; отсутствие консенсуса внутри правящих групп подталкивает их различные силы к такой интерпретации доктрины внешней политики/национальной безопасности, в которой при осуществлении мировой и региональной политики органически сопрягались бы такие фундаментальные принципы деятельности, как суверенитет («стратегическая автономия») и *интеллектуальная самостоятельность*.

Однако подобная линия поведения всё еще встречает скрытое сопротивление в среде индийского внешнеполитического истеблишмента, определенной части «академии», в англоязычной («большой») прессе Индии. Эти группы общества (а равно и верхний слой среднего класса) получают постоянную поддержку извне, от индийской диаспоры на Западе (прежде всего США)¹, которая начинает играть всё более активную роль во внутриполитических процессах в стране. Связь внутри- и внешнеполитических процессов в развитии Индии начинает проявляться всё более зримо.

В последние 20–25 лет Индия последовательно углубляет и расширяет двусторонние отношения с Соединёнными Штатами. На официальном

¹ По оценкам индийских авторов, численность этой общности варьирует в пределах 2,8–3,5 млн чел.

дипломатическом языке этот процесс называется развитием «стратегического диалога». От индийских политологов-международников приходится слышать слова об идентичности взглядов двух «демократий» на архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который в Дели предпочитают именовать «Индо-Пасифика». Однако авторы подобных оценок вынуждены признать: Индия не вписывается в категорию «традиционного военно-политического союзника Америки»; Дели добивается статуса стратегического партнера (через «стратегический диалог» с США), но не надеется на американские «гарантии безопасности», рассматривая себя как «будущую великую державу». Индия всячески противится участию во всевозможных альянсах, предпочитая фиксировать лишь наличие общих интересов.

Повышение геополитического статуса Индии выявило определенное противоречие между возможным и действительным, то есть между запросом истеблишмента на «сверхдержавность» страны, с одной стороны, и наличием достаточных политэкономических ресурсов для реализации подобного проекта – с другой. В настоящее время правящая элита вынуждена признать приоритет «повестки развития» (то есть экономического роста, сопряженного с максимально возможной занятостью и относительно равномерным/«справедливым» распределением национального дохода) над реализацией геополитических замыслов, которые владеют умами истеблишмента как минимум последнее десятилетие.

Новая индийская внешнеполитическая «матрица» изначально имела внутренние изъяны, поскольку 1) США привыкли рассматривать союзников как вассалов, не заботясь о «законных» интересах последних, включая Индию («докламское противостояние» в Гима-

лаях лета 2017 г. – яркое тому подтверждение); 2) «малые» страны Южной Азии (в том числе Пакистан и Бангладеш) с подозрением относятся к намерениям Индии, пытаясь подыскать геополитический противовес «крупнейшей демократии в мире» в лице Китая, Японии, США, России и даже Австралии; 3) входящие в АТР страны ЮВА, приветствуя присутствие Индии в акватории «южных морей», не готовы к допуску индийцев на свои внутренние рынки, как и в «зону свободной торговли в Азии», мотивируя свою неохоту императивами экономической интеграции АСЕАН и подтягиванием таких стран – членов объединения, как Мьянма и Лаос, к уровню ведущих государств группировки; 4) государства Западной Азии, за исключением, пожалуй, Омана (где проживает 30% индийского населения, составляющего бизнес-костяк султана), начинают опираться на местные кадры, что предвещает крупные потери индийского бюджета, значительная часть дефицита которого покрывается переводами в страну денежных средств, зарабатываемых в регионе Персидского залива индийскими тружениками («экспатриатами»).

В сложившихся условиях «стратегической недостаточности» наиболее значимыми геополитическими партнерами Индии постепенно (и объективно) становятся Россия и Япония. Японские аналитики отмечают общую заинтересованность трех стран в работоспособности подобного геополитического «треугольника». Индия рассматривает и Японию, и Россию как потенциальный противовес «чрезмерно активному» и «непознаваемому» Китаю, тогда как Москва и Токио учитывают «великодержавные» интенции Дели как неплохое подспорье в сдерживании глобальных устремлений Пекина (например, с помощью внутренних механизмов ШОС). Наиболее далеко-

видная часть внешнеполитического истеблишмента в Дели рассматривает Москву как ценную «дипломатическую карту» в своих отношениях и с Пекином, и с Вашингтоном. Однако внешнеэкономическая основа «стратегического партнерства» Индии и России пока слабо выражена по сравнению с торговым оборотом «Слона» и «Дракона». Резкий рост товарооборота между Индией и Россией в 2022–2024 гг. на наш взгляд, требует осторожной оценки.

Известное высказывание Н. Модии «сильная экономика есть основа эффективной внешней политики» словно подчеркивает взаимосвязь геополитики и геоэкономики в формировании государственного курса Индии. Как в сложившихся глобальных и региональных условиях следует развивать российско-индийские отношения?

Представляется, что укрепление российско-индийских отношений целесообразно начинать с совместных проектов, в частности в Центральной Азии. В Дели преобладает трезвый взгляд на эту проблему. Торговые маршруты между Индией и Центральной Азией длинны, извилисты и затратны. Не исключено, что внешнеэкономические связи получают стимулирующий импульс, если Индия заключит соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом [Sikri, 2024]. Правящие элиты региона обеспокоены растущей экономической зависимостью бывших советских республик Средней Азии от Китая; Индия рассматривается элитами центральноазиатских государств как дружественная страна, способная внести значительный вклад в усложнение «уравнения» геополитических сил в стратегически значимом для России регионе. Материальной основой нашего взаимодействия в Центральной Азии может и должна стать концепция Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» с участием

Ирана.

Не менее перспективным пространством геополитического взаимодействия Индии и России представляется регион Западной Азии. Стратегическая значимость Западной Азии для Индии предопределяется массовыми трудовыми миграциями из «крупнейшей демократии мира» в данный регион, которые служат средством покрытия дефицита индийского бюджета, имеющего хронический характер. Помимо этого, в политических кругах в Дели начата проработка параметров стратегического треугольника Россия – Индия – ОАЭ, развитие которого может помочь укреплению позиций России в государствах Персидского залива, а также способствовать нормализации системы межгосударственных платежей, как это эффективно делалось в Советском Союзе (внешнеторговый «треугольник» Москва – Багдад – Дели).

Впрочем, в общей системе российско-индийских отношений следует исходить и из наличия факторов, косвенно влияющих на динамику их развития. В частности, целесообразно учитывать постоянно возрастающее влияние индийской общины в США (ее численность оценивается в диапазоне 2,8–3,5 млн чел., тогда как создаваемый этим сегментом населения Америки виртуальный ВВП «колеблется» вокруг цифры 700 млрд долл.) на внутриполитические процессы в самой Индии. Это влияние, осуществляемое по многочисленным формальным и неформальным каналам, объективно противоречит интересам российской дипломатии в Индии. Немаловажным фактором преодоления текущих трудностей в развитии двусторонних отношений может стать активизация культурной дипломатии России на индийском направлении хотя бы потому, что на работу в этой стране США и другие страны Запа-

да ассигнуют значительные средства, практически не сопоставимые с финансовыми ресурсами, отпускаемыми Россией на работу «мягкой силы» в «крупнейшей демократии мира».

Юго-Восточная Азия и Южная Азия – регионы, в разной степени готовые к полноценному участию в международном разделении труда. Да и представления элит обоих регионов о полицентрическом устройстве мирового порядка заметно разнятся. Если страны ЮВА уже готовы к сотрудничеству в регионе АТР на горизонтальной основе (и в этом процессе заметную интегрирующую роль имеет деятельность объединения АСЕАН), то в регионе Южной Азии пока не преодолены *исторические* противоречия между Индией и странами-соседями, что делает трудноосуществимыми проекты по взаимной интеграции двух крупных регионов. На наш взгляд, Индии и другим странам Южной Азии стоит теснее сотрудничать с Россией и другими членами Евразийского союза, что может открыть для них некоторые новые перспективы во взаимодействии с государствами ЮВА и региона АТР в целом.

Список литературы

- Арапова Е.Я. Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и сравнение интеграционных потенциалов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – № 2–3. – С. 29–45. – DOI: 10.24866/1813-3274/2017-2-3/29-45.
- Дёмина Я.В. Процессы международной экономической интеграции в АТР и интересы России: итоги 25 лет // Пространственная экономика. – 2017. – № 2. – С. 16–40. – DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040.
- Доктрина Никсона / отв. ред. Ю.П. Давыдов [и др.]. – Москва : Наука, 1972. – 232 с.
- Костюнина Г.М., Баронов В.И. Эволюция концептуальных подходов к формированию общерегиональной зоны свободной торговли в Восточной Азии // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – Вып. 12. Ч. 3. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – 978 с.
- Томилов М.В. Конфигурация зон свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сравнение интеграционных потенциалов // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 84–106. – DOI: 10.14530/se.2019.1.084-106.
- Феномен Трампа : монография / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – 642 с.
- Эрхард Л. Благополучие для всех : пер. с нем. – Москва : Начала-Пресс, 1991. – 336 с.
- Bagchi A.K. Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital. – New Delhi : Oxford University Press, 2005. – 423 p.
- China and the USA. Globalisation and the Decline of America's Supremacy / Fouskas V.K., Roy-Mukherjee Sh., Huang Q., Udeogu E. – Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2021. – 94 p.
- Friedman G., Lebard M. The Coming War with Japan. – New York : St. Martin's Press, 1991. – 429 p.
- Governing Globalization. Issues and Institutions / ed. by D. Nayyar. – New Delhi : Oxford University Press, 2002. – 393 p.
- Jha P.Sh. India and China. The Battle between Soft and Hard Power. – New Delhi : Penguin-Viking, 2010. – 398 p.
- Johnson Ch. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1982. – Xvi, 393 p.
- Leading the World Economically / ed. by F. Crouzet, A. Clesse. – Amsterdam : Dutch University Press, 2003. – 414 p.

Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development. – New Delhi : Oxford University Press, 2005. – 301 p.

Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. – London-Basingstoke : Macmillan, 1990. – 855 p.

Sikri R. Strategic Conundrums: Reshaping India's Foreign Policy. – New

Delhi : Penguin-Random House, 2024. – 296 p.

The Vitality of Japan: Sources of National Strength and Weakness / ed. by A. Clesse, T. Inoguchi, F.B. Keehn, J.A.A. Stockwin. – London : MacMillan, 1997. – 414 p.

Wolmar Ch. Railways and the Raj. How the Age of Steam Transformed India. – London : Atlantic Books, 2017. – 363 p.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

South and Southeast Asia in the Emerging Polycentric World: Political and Economic Crossroads

Andrey G. VOLODIN

Dr. Sc. (History), Chief Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2025). South and Southeast Asia in the Emerging Polycentric World: Political and Economic Crossroads. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 50–71 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

Received: 27.01.2025.

Revised: 04.03.2025.

ABSTRACT. This article employs a historical framework to examine the development of a free trade zone in the Asia-Pacific region and its broader implications for the geopolitical and economic trajectories of Southeast and South Asia. The historical underpinnings of this process are inherently geopolitical, closely intertwined with U.S. efforts to maintain strategic influence over a rapidly emerging center of economic growth within the evolving “post-American” world

order. Regional economic integration initiatives reflect both the intrinsic inclination of states in these regions to foster deeper horizontal cooperation and the strategic maneuvering of a fiscally constrained United States to uphold its dominance in a geopolitical environment increasingly oriented toward autonomous national interests – interests that are progressively diverging from the official policy agenda of Washington. Within the context of ongoing global transforma-

tions, India's role in both regional and international politics is undergoing a profound recalibration. Against the backdrop of these systemic shifts, this article seeks to evaluate the prospects for strengthening Russian-Indian relations within the framework of a rapidly evolving global order.

KEYWORDS: Asia-Pacific region, free trade zone in Asia, India, China, Japan, South-East Asia, South Asia, USA, polycentric world order.

References

- Arapova E.Ya. (2019). Free Trade Area of the Asia-Pacific and Prospects for Trade Integration Within APEC: Scenario-based Approach. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2017. № 2–3. P. 29–45 (in Russian). DOI: 10.24866/1813-3274/2017-2-3/29-45.
- Bagchi A.K. (2005). *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*. New Delhi: Oxford University Press, 423 pp.
- China and the USA... (2021). Fouskas V.K. et al. *China and the USA. Globalisation and the Decline of America's Supremacy*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 94 pp.
- Doktrina Niksona (1972). Davydov Yu.P. et al. (eds.). *Nixon Doctrine*. Moscow: Nauka, 232 pp. (in Russian).
- Dyomina Ya.V. (2017). International Economic Integration in the Asia Pacific Region and Russia's Interests: Results of 25 Years. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. No. 2, pp. 16–40 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040.
- Erhard L. (1991). *Prosperity for All*. Moscow: Nachala-Press, 336 pp. (Transl. from German into Russian).
- Friedman G., Lebard M. (1991). *The Coming War with Japan*. New York: St. Martin's Press, 429 pp.
- Governing Globalization... (2002). Nayyar D. (ed.). *Governing Globalization. Issues and Institutions*. New Delhi: Oxford University Press, 393 pp.
- Jha P.Sh. (2010). *India and China. The Battle between Soft and Hard Power*. New Delhi: Penguin-Viking, 398 pp.
- Johnson Ch. (1982). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. Stanford, CA: Stanford University Press, xvi+393 pp.
- Kostyunina G.M., Baronov V.I. (2017). Evolution of Conceptual Approaches to the Formation of a Pan-regional Free Trade Area in East Asia. In: *Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook*. Issue 12, part 3. Moscow: INION RAS, 978 pp. (in Russian).
- Leading the World... (2003). Crouzet F., Clesse A. (eds.). *Leading the World Economically*. Amsterdam: Dutch University Press, 414 pp.
- Nayar B.R. (2005). *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi: Oxford University Press, 301 pp.
- Phenomen Trampa... (2020). Kuznetsov A. (ed.). *The Trump Phenomenon*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 642 pp. (in Russian).
- Porter M.E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. London-Basingstoke: Macmillan, 855 pp.
- Sikri R. (2024). *Strategic Conundrums: Reshaping India's Foreign Policy*. New Delhi: Penguin-Random House, 296 pp.
- The Vitality of Japan... (1997). Clesse A. et al. (eds.). *The Vitality of Japan: Sources of National Strength and Weakness*. London: MacMillan, 414 pp.
- Tomilov M.V. (2019). Configuration of Free Trade Zones in the Asian-Pacific Region: Comparison of Integration Potentials. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. Vol. 15, no. 1, pp. 84–106 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2019.1.084-106.
- Wolmar Ch. (2017). *Railways and the Raj. How the Age of Steam Transformed India*. London: Atlantic Books, 363 pp.

УДК 327(5-014)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.05

Особенности расширения БРИКС в Юго-Восточной Азии

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: ngrogozhina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожина Н.Г. Особенности расширения БРИКС в Юго-Восточной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 72–89.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.05

Статья поступила в редакцию 06.02.2025.
Исправленный текст представлен 23.02.2025.

АННОТАЦИЯ. *С января 2025 г. полноправным членом БРИКС стала Индонезия, две другие страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), Малайзия и Таиланд, получили статус государств-партнеров этой организации. Что мотивировало их присоединиться к международному блоку, выражающему интересы Глобального Юга, и с какими рисками они могут столкнуться? Эти вопросы и стали предметом анализа в статье. При схожести позиций стран ЮВА в отношении БРИКС они тем не менее имеют страновые отличия, что побудило автора выделить Индонезию, Малайзию и Таиланд в отдельные кейсы. Это позволяет более детально изучить факторы и аргументы, лежащие в основе их решения по вхождению в блок развивающихся стран с надеждой на получение дополнительных экономических выгод от расширения сотрудничества с ними. Для них платформа многостороннего блока рассматривается как возможность увеличить число своих экономических партнеров и полу-*

чить доступ на новые рынки, к новым инвестициям и технологиям. Но не менее важно для них геополитическое содержание блока с его устремлениями на трансформацию мирового порядка. Желание адаптироваться к меняющейся геополитической системе, чтобы не упустить возможность, побуждает страны ЮВА войти в состав БРИКС, что, по их мнению, обеспечивает двойную выгоду: сохранить стратегическую автономию и повысить свой вес в решении глобальных проблем. Подобная позиция в Индонезии и Малайзии формируется в немалой степени под влиянием личных амбиций их лидеров, стремящихся играть важную роль на международной арене и стать рупором развивающихся стран. Однако приобретенные в будущем выгоды от присоединения к БРИКС сопряжены с рядом рисков, к числу которых относится как возможность осложнения взаимоотношений с развитыми странами, в первую очередь США и странами Европейского союза, которые являются

их важными торговыми партнерами и источниками инвестиций, так и рост сверхзависимости от Китая, что способно спровоцировать рост антикитайских настроений в обществе и сказаться на репутации Индонезии и Малайзии как неприсоединившихся стран, стремящихся хеджироваться между соперничающими между собой США и Китаем. По мнению автора, чтобы обеспечить долгосрочное экономическое процветание и геополитическую безопасность, страны ЮВА должны тщательно балансировать свои отношения в рамках БРИКС с отношениями за пределами блока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: БРИКС, страны Юго-Восточной Азии, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Глобальный Юг, трансформация миропорядка, развивающиеся страны.

Жизненно важный регион на Глобальном Юге – Юго-Восточная Азия – долгое время отсутствовал в БРИКС. Пока БРИКС развивалась и росла с первого саммита в 2009 г., страны региона наблюдали со стороны¹. Присоединение трех стран Юго-Восточной Азии к БРИКС – Индонезии, которая стала ее полноправным членом, Малайзии и Таиланда, получивших статус государств-партнеров с января 2025 г., – привлекло внимание международной общественности, пристально следящей

за усилением позиции этой международной структуры, представляющей в основном интересы Глобального Юга [Lissovolik, 2023]. Вхождение стран ЮВА в БРИКС, учитывая их географическое положение на стыке Индийского и Тихого океанов, где пролегают основные морские пути, и их экономический потенциал², скажется на усилении влияния организации на развитие мировой политики и экономики и укрепит ее переговорные позиции по изменению существующей системы глобального управления и реформированию существующих международных институтов в интересах развивающихся стран³.

БРИКС делает акцент на создание многополярного мира, в котором экономическая и политическая власть более равномерно распределена между развитыми и развивающимися странами. Алан Чонг, старший научный сотрудник сингапурской Школы международных исследований имени С. Раджаратнама, охарактеризовал БРИКС как «альтернативную схему лидерства, когда дело доходит до глобального управления»⁴.

Однако вопрос в том, отвечает ли членство стран ЮВА в БРИКС+ их национальным интересам по укреплению экономического и политического суверенитета и не приведет ли оно к обострению отношений с развитыми странами, являющимися их важными экономическими и стратегическими

1 БРИКС – межправительственная организация, объединяющая крупные развивающиеся экономики: Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР, Египет, Эфиопию, Иран, Объединенные Арабские Эмираты. 10-м членом БРИКС в 2025 г. стала Индонезия. Более 40 стран выразили заинтересованность в присоединении к группе.

2 С населением около 700 млн чел. и ВВП в размере 3,6 трлн долл. Юго-Восточная Азия, как ожидается, станет самой быстрорастущей торговой зоной в мире, чему способствуют молодое население и экономическое разнообразие. Богатая минералами Индонезия является крупнейшим в мире производителем никеля и играет ключевую роль в цепочке поставок аккумуляторов для электромобилей. Малайзия является крупным экспортером природного газа и производителем олова. Таиланд является одним из крупнейших в мире производителей редкоземельных металлов.

3 Rahn W. What will change with Indonesia entering BRICS? // DW. – 2025. – January 7. – URL: <https://www.dw.com/en/what-will-change-with-indonesia-entering-brics/a-71240863> (дата обращения: 10.01.2025).

4 Izzah Aqilah Norman. Malaysia, Indonesia, Vietnam and Thailand Become Partner Countries of BRICS // CNA. – 2024. – 24 October. – URL: <https://www.channelnewsasia.com/asia/malaysia-indonesia-vietnam-thailand-brics-asean-global-south-russia-china-4699841> (дата обращения: 15.01.2025).

партнерами в силу антизападной риторики БРИКС? И не скажется ли оно на их отходе от традиционной политики нейтралитета, обеспечивающей региональную безопасность в условиях усиливающегося соперничества между США и Китаем? Существуют и другие риски, касающиеся увеличения зависимости от Китая и подрыва единства АСЕАН и, как следствие этого, утраты ею центральной роли в обеспечении региональной безопасности. Не превысят ли риски участия в межгосударственном объединении полученные выгоды?

На эти вопросы до сих пор нет четкого ответа. Позиция БРИКС по многим проблемам остается расплывчатой. Созданная как экономическая структура, выступающая за более равноправное распределение экономических благ между развитыми и развивающимися странами, организация не чужда политической антизападной направленности, которая сочетается с ее заявлениями об установлении более справедливого мирового порядка⁵. Сами же страны АСЕАН, вступившие в блок БРИКС+, пока ограничиваются общими декларациями при оценке выгод присоединения к нему, оставляя на потом преодоление возможных рисков, что стало предметом жарких дискуссий в экспертных кругах, прежде всего в Индонезии.

Чего ожидают страны ЮВА от вступления в БРИКС?

Индонезия, самая многонаселенная страна в ЮВА и ее первая экономика, стала 10-м членом БРИКС в январе 2025 г. Это решение, несомненно, было ускорено, поскольку все страны – чле-

ны БРИКС согласились на включение Индонезии менее чем за три месяца. Принятие Индонезии в качестве полноправного члена БРИКС означает признание ее стратегической позиции и ее самой как сторонника Глобального Юга и важного партнера в содействии более инклюзивной глобальной системе управления [Pandu Utama Manggala, 2023]. Однако процесс вступления Индонезии в БРИКС затянулось на несколько лет.

Как отметила заместитель директора Центра стратегических и международных исследований Индонезии (CSIS) Шариаф Мухибат, Индонезия проявила интерес к сотрудничеству с БРИКС «с самого начала», еще при президенте Сусило Бамбанг Юдойоно (2004–2014), но в основном «наблюдала» за развитием группы, а не «активно участвовала»⁶. Вопрос о членстве Индонезии в БРИКС возник на 9-м саммите БРИКС в 2017 г. и вновь был поднят на 14-м саммите БРИКС в 2022 г., когда обсуждались планы по расширению группы [Jefferson Ng, Utaryo Santiko, 2023]. Особую заинтересованность в привлечении Индонезии в качестве потенциального члена БРИКС проявил Китай. Индонезия является 4-й по численности страной мира и намерена стать развитой страной к 2045 г. Негласное лидерство в АСЕАН делает страну важным игроком в решении не только региональных, но и глобальных проблем, поэтому ее вхождение в БРИКС способно укрепить экономический потенциал и авторитет организации, а Китаю позволит усилить влияние в регионе.

Но именно этот фактор сыграл не последнюю роль в затягивании руко-

5 Chang P.T. C. As BRICS Leads Global South in Open Engagement, US Has Much to Learn // South China Morning Post. – 2024. – 28 October. – URL: <https://www.scmp.com/opinion/world-opinion/article/3283572/brics-leads-global-south-open-engagement-us-has-much-learn?> (дата обращения: 25.01.2025).

6 Seminar on «BRICS Expansion: Southeast Asian Perspectives and Motivations» // ISEAS. – 2024. – 30 October. – URL: <https://www.iseas.edu.sg/media/event-highlights/seminar-on-brics-expansion-southeast-asian-perspectives-and-motivations> (дата обращения: 01.02.2025).

водством Индонезии решения вопроса о вступлении в организацию. В Джакарте рассматривали БРИКС как «китайский клуб», и поэтому Индонезия старалась избежать создания впечатления, что попадает под влияние Китая [Jefferson Ng, *Utuyo Santiko*, 2023].

Политика Индонезии в отношении БРИКС отражает интересы разных группировок во властных кругах страны, исходя из их видения преимуществ и возможных рисков присоединения к организации. Хотя вопрос о вступлении Индонезии в БРИКС был поддержан всеми членами организации, тем не менее президент страны Джоко Видодо (2014–2024) после саммита в Йоханнесбурге в 2023 г. решил не подавать письмо о заинтересованности, аргументируя свое мнение тем, что правительству нужно больше времени для изучения преимуществ и недостатков членства в БРИКС, особенно в экономической сфере, и оно хочет проконсультироваться со своими партнерами по АСЕАН.

Эту позицию заняли такие ключевые фигуры в кабинете министров Индонезии, как министр финансов и бывший управляющий директор Всемирного банка Шри Мульяни Индравати и министр иностранных дел Ретно Марсуди, опасавшиеся того, что присоединение к БРИКС будет воспринято на Западе как сигнал о сдвиге в сторону китайского лагеря, а это может подорвать доверие к проверенной годами внешнеполитической доктрине страны *Bebas-Aktif*, что в переводе означает «свободная и активная внешняя политика» [Jürgen, 2023]. По мнению Хосе Рисал Дамури, исполнительного дирек-

тора Центра стратегических и международных исследований (CSIS) в Индонезии, на данный момент Индонезия считает, что «БРИКС слишком политически мотивирована и слишком сильно руководствуется геополитическими интересами некоторых своих членов»⁷.

В то же время позиция Джоко Видодо по многим вопросам совпадала с декларируемыми членами БРИКС нарративами. По его мнению, международный порядок должен быть открыт для новых формирующихся экономических держав, которые играют всё более заметную роль в XXI в. Он выступал с критикой глобальной экономической системы, в которой доминируют международные финансовые институты, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд и Азиатский банк развития, и выступал за создание большего пространства для растущих экономических сил для их участия в процессе принятия решений на глобальном уровне⁸.

И тем не менее для Джоко (Джокови) Видодо объединение БРИКС «не было главным фокусом или значительным приоритетом». Вместо этого он рассматривал членство в ОЭСР как лучший путь для Индонезии к достижению своей цели – стать одной из пяти крупнейших экономик мира [West, 2023]. Решив на время отложить вопрос о членстве Индонезии в БРИКС, Джокови сосредоточился на существующих многосторонних связях Индонезии с АСЕАН и G20, а также на двустороннем взаимодействии с конкретными партнерами. Тем не менее политический дискурс продолжался, что свидетельствовало о поиске наиболее оптимального в из-

7 Takahashi T. OECD or BRICS? Key Members' Differences Might Weaken ASEAN Unity // Nikkei Asia. – 2024. – August 12. – URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Comment/OECD-or-BRICS-Key-members-differences-might-weaken-ASEAN-unity> (дата обращения: 05.02.2025).

8 Umar A.R.M. The «Jokowi Doctrine»: Indonesia's vision for international order // The Interpreter. – 2023. – 18 August. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/jokowi-doctrine-indonesia-s-vision-international-order> (дата обращения: 12.02.2025).

менившемся геополитическом ландшафте и отвечающего национальным интересам пути взаимодействия со старыми и новыми мировыми структурами, институтами и акторами.

Избрание в 2024 г. нового президента страны Прабово Субианто изменило траекторию внешней политики, определяемую им как политику «доброго соседа»⁹. В своей инаугурационной речи 20 октября 2024 г. новый лидер заявил, что его администрация «примет старую философию: «тысяча друзей – слишком мало, один враг – слишком много»»¹⁰. Членство в БРИКС стало наглядным проявлением стремления Прабово Субианто адаптироваться к меняющемуся геополитическому ландшафту с учетом национальных интересов Индонезии, реализации которых, по его мнению, способствует вхождение в межгосударственное объединение, отражающее интересы Глобального Юга. Согласно утверждению представителя МИД Индонезии Роллиансы Созмирата, БРИКС является важной платформой для Индонезии для укрепления сотрудничества по линии Юг – Юг и обеспечения того, чтобы голоса и стремления стран Глобального Юга были должным образом представлены в глобальных процессах принятия решений»¹¹.

Присоединяясь к БРИКС, Индонезия рассчитывает извлечь выгоду из его экономического потенциала для расширения торговли и инвестиций и получения доступа к обширным рынкам входящих в него стран, особен-

но Китая и Индии. Эти страны предлагают Индонезии значительные возможности для увеличения экспорта таких товаров, как пальмовое масло, уголь, природный газ, каучук и электроника. Партнерство с Бразилией и Россией может повысить продовольственную и энергетическую безопасность. В 2024 г. объем торговли Индонезии со странами БРИКС составил около 150 млрд долл.¹² Вопрос, однако, в том, сможет ли эта структура расширить и углубить уже налаженные прочные связи с ведущими членами блока, Китаем и Индией? Экономические связи с другими странами объединения не столь велики и вряд ли имеют большой потенциал для развития.

Возлагается надежда и на получение прямых иностранных инвестиций из стран БРИКС в целях ускорения развития инфраструктуры, особенно в таких критически важных секторах, как транспорт, возобновляемые источники энергии и технологии [Hutagalung, 2024a], что лежит в основе экономических планов Индонезии по достижению уровня развитой страны к 2045 г. Предполагается, что Индонезия извлечет преимущества из получения доступа к Новому банку развития. Однако его текущий инвестиционный портфель, оцениваемый примерно в 33 млн долл., остается скромным по сравнению с масштабами потребностей Индонезии в финансировании проектов развития.

Определяя мотивы вступления Индонезии в БРИКС, не следует упускать

9 Indonesia's BRICS Agenda: 2 Reasons Prabowo's Foreign Policy Contrasts with Jokowi's // The Conversation. – 2024. – December 21. – URL: <https://theconversation.com/indonesias-brics-agenda-2-reasons-prabowos-foreign-policy-contrasts-with-jokowi-is-242920> (дата обращения: 15.02.2025).

10 Indonesia to Push for Full BRICS Membership, New Foreign Minister Says by Sebastian Strangio // The Diplomat. – 2024. – October 25. – URL: <https://thediplomat.com/2024/10/indonesia-to-push-for-full-brics-membership-new-foreign-minister-says/> (дата обращения: 15.02.2025).

11 Wesley R. What will change with Indonesia entering BRICS? // DW. – 2025. – January 7. – URL: <https://www.dw.com/en/what-will-change-with-indonesia-entering-brics/a-71240863> (дата обращения: 12.02.2025).

12 Ayman Falak Medinah. Indonesia Joins BRICS: Unlocking New Economic Opportunities // ASEAN Briefing. – 2025. – January 8. – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/indonesia-joins-brics-unlocking-new-economic-opportunities/> (дата обращения: 12.02.2025).

из виду ее геополитический интерес, который совпадает с личным стремлением Прабово позиционировать Индонезию (и себя самого) в качестве лидера Глобального Юга¹³. Он сформулировал эту цель во время президентских дебатов в январе 2024 г., заявив, что Индонезия будет хорошо подготовлена к тому, чтобы взять на себя такую лидирующую роль¹⁴. Теуку Резасия, доцент кафедры международных отношений индонезийского университета Паджаджаран, считает, что решение Прабово о вступлении в БРИКС отражает его «стремление повысить роль Индонезии за пределами Юго-Восточной Азии»¹⁵.

В экспертных оценках превалирует сослагательное наклонение в определении геополитических преимуществ вступления Индонезии в БРИКС, которая могла бы использовать это объединение для влияния на глобальное управление в целях реформирования международных институтов, таких как Всемирный банк, МВФ и ВТО, а также для усиления своей роли посредника между западными державами и Глобальным Югом. Это повысило бы дипломатическое влияние Индонезии в таких вопросах, как изменение климата, торговля и безопасность [Hutagalung, 2024a].

Индонезию и страны БРИКС сближает схожий подход к формированию инклюзивного многополярного мира, и они имеют общую позицию по ряду международных проблем, в том числе по израильско-палестинскому конфликту, выступая в поддержку пале-

стинского народа и осуждая Израиль за массовые жертвы среди гражданского населения, а США – за одностороннюю помощь Израилю [Рогожина, 2024; Lanti Irman, 2023]. К тому же членство в БРИКС могло бы способствовать укреплению личной власти нового президента, реагирующего на социальный запрос населения, проявляющего антизападные настроения, обострившиеся во время нынешнего конфликта на Ближнем Востоке.

Вхождение Индонезии в состав БРИКС закономерно ставит вопрос, не станет ли это препятствием для продолжения традиционной политики неприсоединения? В официальных заявлениях руководства страны неизменно подчеркивается, что участие Индонезии в БРИКС не следует толковать как поддержку какой-либо конкретной державы или блока. По мнению министра иностранных дел Индонезии Сугионо, «речь идет, скорее, о роли посредника, наводящего мосты, который может помочь примирить противоположные интересы»¹⁶.

Решение Индонезии о членстве в БРИКС продиктовано прежде всего ее национальными интересами по укреплению суверенитета и обеспечению безопасности развития в условиях обострения стратегической конкуренции между США и Китаем, требующей лавирования между ними и поиска новых партнеров в лице стран Глобального Юга/Востока, подающих «геополитический сигнал», который, по мнению заместителя директора Центра стра-

13 Amy Sood. Will Prabowo's Bricks Ambitions Reshape Indonesia's Ties with Russia and China? // South China Morning Post. – 2024. – November 2. – URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3284862/will-prabowos-brics-ambitions-reshape-indonesias-ties-russia-and-china> (дата обращения: 07.02.2025).

14 Ibid.

15 Nana Shibata. Indonesia Seeks to Amplify Global South Voices with BRICS Entry // The Nikkei Asian Review. – 2025. – January 7. – URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indonesia-seeks-to-amplify-Global-South-voices-with-BRICS-entry> (дата обращения: 07.02.2025).

16 Indonesia Said to Be a BRICS Partner Country Starting Jan. 1, 2025 // Business Indonesia. – 2024. – December 24. – URL: <https://business-indonesia.org/news/indonesia-said-to-be-a-brics-partner-country-starting-jan-1-2025> (дата обращения: 01.02.2025).

тегических и международных исследований Индонезии (CSIS) Шариаф Мухибат, Индонезии важно учитывать¹⁷. Вступление в БРИКС и стало ответом на этот сигнал. В конечном счете «страх упустить возможность» подстегнул интерес Индонезии к БРИКС.

Нахождение своего места в меняющемся геополитическом ландшафте диктует необходимость проведения более активной внешней политики, что и стало целью нового президента страны, стремящегося укрепить связи с развивающимися странами, не нанося ущерба своим отношениям со странами Запада. Как отметил аналитик Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Индонезии Хабиб Абиян Дзакван, «Индонезия не намерена отрываться от Запада ни медленно, ни немедленно. <...> Джакарта <...> просто хочет расширить свое игровое поле»¹⁸. Это подтверждает тот факт, что Индонезия стремится перейти от своей позиции неприсоединения к многостороннему присоединению¹⁹.

Поэтому вполне логичным для Индонезии было решение подать заявку на вступление как в БРИКС, так и в ОЭСР. Предполагается, что членство в БРИКС укрепит переговорные позиции Индонезии по присоединению к этой организации развитых стран, что характеризует двухвекторную направленность внешнеполитической стратегии нового правительства

при максимальном использовании преимуществ от взаимодействия с обоими альянсами, не жертвуя при этом своей независимостью.

Индонезия избрала для себя путь, сочетающий традиционные альянсы с новыми возможностями, укрепляя свою роль динамичного и независимого игрока на мировой арене. Принятая Прабово внешнеполитическая стратегия характеризуется многосторонними союзами без привязки страны к какой-либо одной державе. «Это не хеджирование эпохи холодной войны, а преднамеренная и рассчитанная попытка маневрировать в многополярном ландшафте, где союзы текучи и подчиняются стратегической необходимости, а не идеологическому выравниванию»²⁰. Мотивация Индонезии к вступлению в БРИКС укладывается в формулу «усилить свое влияние во всё более многополярном мире, способствуя при этом экономическому процветанию страны».

Индонезия стала первой страной Юго-Восточной Азии, ставшей полноправным членом БРИКС, но она не единственная страна в регионе, заинтересованная в присоединении к межгосударственному объединению.

29 июля 2024 г. премьер-министр Малайзии Анвар Ибрагим сообщил, что **Малайзия** подала заявку на вступление в БРИКС. Этому предшествовали переговоры с Индией и Россией в целях получения их одобрения.

17 Seminar on «BRICS Expansion: Southeast Asian Perspectives and Motivations» // ISEAS. – 2024. – October 30. – URL: <https://www.iseas.edu.sg/media/event-highlights/seminar-on-brics-expansion-southeast-asian-perspectives-and-motivations> (дата обращения: 01.02.2025).

18 Rahn W. What will change with Indonesia entering BRICS? // DW. – 2025. – January 7. – URL: <https://www.dw.com/en/what-will-change-with-indonesia-entering-brics/a-71240863> (дата обращения: 01.01.2025).

19 Indonesia's BRICS Agenda: 2 Reasons Prabowo's Foreign Policy Contrasts with Jokowi's // The Conversation. – 2024. – December 21. – URL: <https://theconversation.com/indonesias-brics-agenda-2-reasons-prabowos-foreign-policy-contrasts-with-jokowis-242920> (дата обращения: 01.01.2025).

20 Syed Nizamuddin Bin Sayed Khassim. How Southeast Asia's Diplomatic Dance Sidesteps Great Power Ensnalement // South China Morning Post. – 2024. – October 8. – URL: https://www.scmp.com/opinion/asia-opinion/article/3281222/how-south-east-asias-diplomatic-dance-sidesteps-great-power-ensnalement?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (дата обращения: 01.01.2025).

Заинтересованность Малайзии в этом международном объединении, партнером которого она официально стала с января 2025 г., по мнению малазийского эксперта Онг Киан Минга, связана с личными амбициями премьер-министра страны Анвара Ибрагима, который стремится позиционировать себя как влиятельного лидера, тесно связанного с Глобальным Югом.

Стремление Анвара к вступлению Малайзии в БРИКС отражает ключевую цель его внешней политики, а именно укрепление международного авторитета Малайзии посредством многосторонней дипломатии. Но не менее важно для премьер-министра повысить международный авторитет Малайзии и усилить ее роль, в том числе в разрешении конфликта на Ближнем Востоке [*Han Guo Xiong*, 2024]. Малайзия активно поддерживает палестинскую сторону и негативно относится к американской политике в этом регионе, провоцирующей рост антиамериканских и антизападных настроений в местном обществе и обострение отношений с Западом, система управления которого в мире подвергается резкой критике как снизу, так и сверху. «Мы больше не можем мириться со сценарием, в котором Запад хочет контролировать дискурс, потому что факт заключается в том, что страны Запада больше не являются колониальными державами, и независимые страны должны иметь свободу самовыражения», – заявил Анвар²¹.

Подобное восприятие мироустройства не новое для Анвара. Еще в своем эссе «Азиатский ренессанс», изданном в 1996 г., он поделился своим видением более толерантной, плюралистической Азии, развитие которой основывается на порядке, отличном от западного. Являясь сторонником многополярного мира, он считает, что в мире существует система сдержек и противовесов²². Малазийский дипломат Саид Низамуддин бин Саид Хассим считает, что вместо того, чтобы сосредоточиться на краткосрочных выгодах, Анвар играет в долгую игру, осознавая, что мировой порядок претерпевает глубокие изменения²³. Его внешняя политика направлена на позиционирование Малайзии как активного участника этой трансформации путем взаимодействия с развивающимися экономика-ми, которые намерены доминировать в мировом росте. Вступление в БРИКС является значительным шагом в этом направлении, поскольку Анвар стремится укрепить связи с растущими экономическими державами мира [*Mohd Faiz Abdullah*, 2024].

Подобная позиция Анвара, однако, не противоречит проводимой им политике хеджирования: он избегает прямого сближения с какой-либо из сторон в конфликте США и Китая, но при этом не отказывается от партнерства с Западом. В то же время в его внешней политике в последнее время явно намечается крен в сторону Китая и России, что, возможно, повлияло на его реше-

21 Shankaran Nambia. Will Malaysia build ASEAN with BRICS? // The Interpreter. – 2024. – August 2. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/will-malaysia-build-asean-brics> (дата обращения: 02.02.2025).

22 4 Southeast Asian Nations Join BRICS Group Led by Russia, China // BenarNews. – 2024. – October 25. – URL: <https://www.benarnews.org/english/news/malaysian/indonesia-malaysia-thailand-join-brics-10252024135422.html> (дата обращения: 29.01.2025).

23 Syed Nizamuddin Bin Sayed Khassim. How Southeast Asia's Diplomatic Dance Sidesteps Great Power Ensnarement // South China Morning Post. – 2024. – October 8. – URL: https://www.scmp.com/opinion/asia-opinion/article/3281222/how-south-east-asias-diplomatic-dance-sidesteps-great-power-ensnarement?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (дата обращения: 02.02.2025).

ние присоединиться к БРИКС²⁴. Таким образом, по мнению экспертного сообщества, Анвар подавал сигнал США о необходимости пересмотреть свою стратегию в Юго-Восточной Азии [Xu Jingzhi, 2024].

Преследуя в первую очередь геополитические цели при присоединении к БРИКС, Малайзия в то же время надеется извлечь экономические выгоды, в частности, получить доступ к альтернативным международным платежным системам, вопрос о которых обсуждается в межгосударственном объединении. В отличие от других стран ЮВА, она поддерживает идею дедолларизации. Снижение зависимости от доллара США является ключевым мотивом ее присоединения к БРИКС. Это урок, извлеченный из валютного кризиса в Восточной Азии четверть века назад. Малайзия достигла почти 20% своей внешней торговли в недолларовых валютах²⁵.

В своем выступлении на конференции БРИКС в Казани в 2024 г. министр экономики Малайзии Мохда Рафиза бин Рамли указал на препятствия в получении финансирования развития и растущий мировой долг как на причины присоединения к межправительственной группировке²⁶. По его мнению, заявка страны на вступление в БРИКС «сосредоточена на построении экономического партнерства, укреп-

лении торговых связей и расширении потенциала роста»²⁷.

С экономической точки зрения Малайзии необходимо привлекать новые инвестиции и продвигаться в глобальной цепочке создания стоимости. Страны БРИКС могут быть ценными инвестиционными партнерами, но они вряд ли заменят США и ЕС в качестве важных источников прямых иностранных инвестиций для страны. Китай остается крупнейшим торговым партнером Малайзии, занимая 17,1% ее общего объема торговли в 2023 г. Но США продолжают оставаться ее вторым по величине источником прямых иностранных инвестиций после ЕС [Xu Jingzhi, 2024].

Мотивация **Таиланда** стать государством – партнером БРИКС обусловлена скорее геополитикой²⁸, чем экономическими соображениями, хотя в выступлениях официальных лиц подчеркивается обратное – получить доступ к более крупным рынкам густонаселенных стран посредством активной экономической дипломатии. Как и другие страны ЮВА, Таиланд ожидает от членства в БРИКС укрепления своих позиций как лидера среди развивающихся стран для совместного создания нового мирового порядка²⁹ и в то же время рассчитывает на то, что это поможет ему продвинуть свои интересы [Sarang

24 Вскоре после встречи с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым 28 июля 2024 г. Анвар Ибрагим объявил о подаче заявки Малайзии на членство в БРИКС. По времени это совпало с предстоящим визитом премьер-министра Китая Ли Кэцзяна в Малайзию.

25 Takahashi T. OECD or BRICS? Key Members' Differences Might Weaken ASEAN Unity // Nikkei Asia. – 2024. – August 12. – URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Comment/OECD-or-BRICS-Key-members-differences-might-weaken-ASEAN-unity> (дата обращения: 02.02.2025).

26 Southeast Asian nations join BRICS group led by Russia, China // BenarNews. – 2024. – October 24. – URL: <https://www.benarnews.org/english/news/malaysian/indonesia-malaysia-thailand-join-brics-10252024135422.html> (дата обращения: 02.02.2025).

27 Strangio S. Indonesia to Push for Full BRICS Membership, New Foreign Minister Says // The Diplomat. – 2024. – October 25. – URL: <https://thediplomat.com/2024/10/indonesia-to-push-for-full-brics-membership-new-foreign-minister-says/> (дата обращения: 30.01.2025).

28 Takahashi T. OECD or BRICS? Key members' differences might weaken ASEAN // The Nikkei Asia. – 2024. – August 12. – URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Comment/OECD-or-BRICS-Key-members-differences-might-weaken-ASEAN-unity> (дата обращения: 27.01.2025).

29 Strangio S. Indonesia to Push for Full BRICS Membership, New Foreign Minister Says // The Diplomat. – 2024. – October 25. – URL: <https://thediplomat.com/2024/10/indonesia-to-push-for-full-brics-membership-new-foreign-minister-says/> (дата обращения: 28.01.2025).

Shidore, 2024]. Как отметил в своем выступлении в Казани на саммите БРИКС в 2024 г. министр иностранных дел Таиланда Марит Сангиампхонг, «Таиланд видит, что, если он сможет стать членом блока и работать со странами БРИКС, роль страны станет яснее и она сможет защитить свои интересы как развивающейся страны и страны с формирующейся экономикой»³⁰.

Однако главная цель Таиланда состоит в том, чтобы адаптироваться к меняющемуся раскладу политических сил на международной арене, не упустить свой шанс, действуя в интересах национальной безопасности. Как считает Панитан Ваттанаягорн, доцент кафедры политологии в Университете Чулалонгкорн, «на международной арене уже дуют ветры перемен, и мы готовимся к тому, что этот ветер перемен окажется постоянным, а Китай и этот новый блок начнут набирать силу»³¹.

Решение Таиланда, старого союзника США, присоединиться к БРИКС не следует интерпретировать, согласно заявлению министра иностранных дел, как попытку «занять сторону России, Индии и Китая, а не других стран»³². Подобная позиция руководства Таиланда, которое в апреле подало заявку на вступление в ОЭСР, а в июне на членство в БРИКС, отражает стремление сохранить независимость, избегая выбора сторон, извлекая при этом максимальную пользу от сотрудничества с разными структурами, выра-

жающими интересы противоборствующих сторон. Тактика лавирования в сложной геополитической ситуации успешно используется Таиландом еще со времен эпохи колониализма (Таиланду, единственной стране в ЮВА, удалось избежать колониального порабощения).

В отличие от своих соседей по региону, **Вьетнам**, который все прочили в государства – партнеры БРИКС, решил взять паузу, хотя, согласно официальным источникам, заявка была подана. Подобная «нерешительность» руководства страны, скорее всего, объясняется оценкой возможных рисков осложнения отношений с США, экономическое взаимодействие с которыми активно развивается в последнее время³³. Вьетнам остается верен своей «бамбуковой дипломатии», сохраняя осторожность в вопросе членства в БРИКС, и просчитывает все возможные варианты. Мухаммад Файзал бин Абдул Рахман, научный сотрудник Школы международных исследований имени С. Раджаратнама в Сингапуре, считает, что Вьетнам, возможно, изучает, какую политику вторая администрация Дональда Трампа предпримет в отношении стран БРИКС³⁴.

Это может стать политической головной болью для Вьетнама, который намеривается расширять сотрудничество с США в сфере безопасности и обороны в рамках Всеобъемлющего стратегического партнерства, создан-

30 Akhtar Sh., Keeney P. Thailand: A BRICS+ Case Study // Asia Media Center. – 2024. – 6 November. – URL: <https://www.asiamedia-centre.org.nz/thailand-a-brics-case-study> (дата обращения: 01.02.2025).

31 Takahashi T. OECD or BRICS? Key members' differences might weaken ASEAN // The Nikkei Asia. – 2024. – August 12. – URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Comment/OECD-or-BRICS-Key-members-differences-might-weaken-ASEAN-unity> (дата обращения: 27.01.2025).

32 4 Southeast Asian Nations Join BRICS Group Led by Russia, China // BenarNews. – 2024. – October 25. – URL: <https://www.benarnews.org/english/news/malaysian/indonesia-malaysia-thailand-join-brics-10252024135422.html> (дата обращения: 29.01.2025).

33 Siow M. Vietnam's Strategic Hesitation on BRICS Highlights Delicate US Ties and Economic Considerations // South China Morning Post. – 2025. – January 3. – URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3293207/vietnams-strategic-hesitation-brics-highlights-delicate-us-ties-and-economic-considerations> (дата обращения: 07.02.2025).

34 Ibid.

ного в 2023 г. К тому же, как считает профессор вьетнамской дипломатической академии Нгуен Ву Тунг, в стране нет опасений, что Вьетнам «упустит что-то», если не присоединится к БРИКС³⁵.

Интерес к БРИКС проявляют и другие страны ЮВА: Мьянма, Камбоджа и Лаос.

Какие риски подстерегают страны ЮВА при присоединении к БРИКС?

Практически во всех комментариях относительно вступления стран ЮВА в БРИКС присутствует оценка возможных рисков их присоединения к межгосударственному объединению. Подчеркивается важность учета геополитических рисков, которые измеряются возможным осложнением отношений с развитыми государствами (условно «коллективным Западом»), играющими важную роль в экономическом развитии стран ЮВА [Рогожина, Рогожин, 2024]. Растущая напряженность между членами БРИКС, особенно Китаем и Россией, и западными странами может поставить страны ЮВА в трудное дипломатическое положение. Не исключено, что Запад будет воспринимать их членство в БРИКС как отклонение от традиционной политики неприсоединения. Это в первую очередь относится к Индонезии.

Западные державы всё чаще рассматривают БРИКС как геополитического соперника, что может привести к напряженности в торговых отношениях и экономическим санкциям. Такие меры могут включать отмену благо-

приятных торговых статусов, введение тарифов или ограничение прямых иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики. Индонезия также может столкнуться с ограничениями в доступе к программам поддержки развития или финансовой помощи со стороны Запада [Hutagalung, 2024b].

Насколько это может оказаться чувствительным для стран ЮВА, можно судить по следующим цифрам. С 2013 по 2022 г. на страны Глобального Севера в совокупности приходилось 36–38% общего объема торговли АСЕАН, на остальной мир – 19–22%, а на Китай – 14–20% [Hoang Thi Ha, Cha Hae Won, 2024]. Регион сохраняет положительное сальдо в торговле с Соединёнными Штатами в размере 200 млрд долл., в основном за счет экспорта высокотехнологичной электроники и промышленных товаров³⁶.

Учитывая возможные осложнения во взаимоотношениях со странами «коллективного Запада» при присоединении к БРИКС, Индонезия, Малайзия и Таиланд должны будут удвоить свои дипломатические усилия, чтобы их не обвиняли в выборе сторон. Перед ними стоит сложная задача продолжать следовать сбалансированному подходу при проведении своей внешнеполитической деятельности, осторожно выстраивая отношения с США и ЕС, одновременно укрепляя сотрудничество с БРИКС [Hutagalung, 2024b].

Необходимость в сбалансировании отношений с разными субъектами международных отношений продиктована и тем, что членство в БРИКС порождает еще большее сближение с Китаем. Многие эксперты выражают

35 Seminar on «BRICS Expansion: Southeast Asian Perspectives and Motivations» // ISEAS. – 2024. – October 30. – URL: <https://www.iseas.edu.sg/media/event-highlights/seminar-on-brics-expansion-southeast-asian-perspectives-and-motivations> (дата обращения: 01.02.2025).

36 Shay Wester, Kaewkamol Pitakdumrongkit. On U.S.-ASEAN Relations & Trade // Asia Society. – URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/us-asean-relations-trade> (дата обращения: 01.02.2025).

опасение по поводу роста экономической и политической зависимости от Китая, который и так является основным торговым партнером стран ЮВА и источником инвестиций в критические отрасли экономики, прежде всего инфраструктуру, которые заметно возросли с реализацией в регионе китайской инициативы «Один пояс – один путь» [Рогожина, 2021]. Страны ЮВА уже имеют значительный торговый дефицит с Китаем [Рогожина, Рогожин, 2019] и более глубокая экономическая интеграция через БРИКС может усугубить его [Hutagalung, 2024a]. Расширение экономической экспансии Китая в регион сопровождается ростом антикитайских настроений в обществе.

Осознают ли эти угрозы руководители Индонезии, Малайзии и Таиланда, пока неясно. Вероятно, они рассчитывают на то, что угрозы могут быть преодолены за счет расширения круга партнеров по БРИКС, что позволит им совершать «хеджирования против Китая» [Sharon Seah, 2024].

К экономическим проблемам вступления стран ЮВА в БРИКС добавляется возросшая конкуренция со стороны более развитых экономик внутри объединения (прежде всего Индии и Китая), что затруднит продвижение их товаров и услуг на мировом рынке [Hutagalung, 2024a]. Выход из этой ситуации видится в укреплении двусторонних и региональных партнерств, выходящих за рамки БРИКС. Однако эффективность блока в конечном итоге будет зависеть от его способности дополнять, а не конкурировать с существующими структурами.

Встает вопрос и относительно того, как членство некоторых стран ЮВА в БРИКС может повлиять на единство АСЕАН, которое сегодня подвергается испытанию в условиях усиливающейся конкуренции между США и Китаем и разного подхода ее членов к международным конфликтам. АСЕАН считалась «самой успешной региональной группой в мире»³⁷, но теперь она сталкивается со значительными центробежными силами на фоне более масштабной перестройки мировых порядков и усиления многополярности. Для АСЕАН вопрос заключается в следующем: если ее члены присоединятся к БРИКС, сделает ли это АСЕАН менее значимой структурой?

Членство Индонезии, Малайзии и Таиланда в БРИКС может рассматриваться некоторыми их партнерами по АСЕАН как отход от региональной сплоченности и политики нейтралитета. Такая дилемма внутри организации может возникнуть в случае, если БРИКС, созданная как экономическая платформа, будет более активно продвигать свою геополитическую позицию на противостояние с Западом. Страны ЮВА осознают риски быть тесно связанными с китайско-российскими повестками дня, подчеркивая свою приверженность мультилатерализму. Как заметил один дипломат из Юго-Восточной Азии, сведение БРИКС к китайско-российскому нарративу чрезмерно упрощает его динамику³⁸.

В местном экспертном сообществе существуют разные точки зрения на последствия для АСЕАН расширения БРИКС в Юго-Восточной

37 Takahashi T. OECD or BRICS? Key members' differences might weaken ASEAN // The Nikkei Asia. – 2024. – August 12. – URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Comment/OECD-or-BRICS-Key-members-differences-might-weaken-ASEAN-unity> (дата обращения: 27.01.2025).

38 Pavittarbir Saggi. Southeast Asia and BRICS: A Strategic Response to Institutional Change in the Indo-Pacific // The Diplomat. – 2024. – November 23. – URL: <https://thediplomat.com/2024/11/southeast-asia-and-brics-a-strategic-response-to-institutional-change-in-the-indo-pacific/> (дата обращения: 02.02.2025).

Азии. По мнению ряда аналитиков, присоединение некоторых государств ЮВА к БРИКС говорит об ослаблении их веры в способность АСЕАН хеджировать и способствовать большей внутрирегиональной экономической интеграции и внешним торговым связям [Sharon Seah, 2024]. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой АСЕАН как региональная структура только выиграет от присоединения части ее государств к БРИКС, поскольку это усилит ее влияние на международной арене при совпадении геополитических интересов двух международных структур³⁹.

Заключение

Заявив о желании присоединиться к БРИКС, страны ЮВА (Индонезия, Малайзия и Таиланд) руководствуются прежде всего своими прагматичными национальными интересами, что объединяет их позиции. Для них платформа многостороннего объединения рассматривается как возможность увеличить число своих экономических партнеров и получить доступ на новые рынки, к новым инвестициям и технологиям, потребность в которых продиктована экономическими соображениями.

По мнению Джозеф Лиоу, декана Колледжа гуманитарных искусств и социальных наук Наньянского технологического университета в Сингапуре, для стран, выразивших заинтере-

ресованность во вступлении в БРИКС, привлекательность блока заключается в его «коллективном потенциале»⁴⁰. Рост экономик стран ЮВА во многом зависит от диверсификации их возможностей на глобальной экономической арене, на которой возрастают роль и влияние развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии. Страны ЮВА оценивают участие в работе БРИКС как шанс и дополнительную возможность расширения контактов и заключения новых экономических соглашений.

Однако выгода расширения сотрудничества с ними возможна в том случае, если они предложат реальные инвестиционные пакеты, снизят различные экспортные барьеры для стран БРИКС, расширят мероприятия по обмену знаниями и обеспечат большую определенность в отношении кредитов на мегапроекты, которые отвечают национальным интересам⁴¹.

Что касается России и других участников БРИКС, то сотрудничество с ними будет ограничено отдельными проектами. Например, сектор Малайзии, ориентированный на полупроводники, хорошо сочетается с экономическим динамизмом Китая, но имеет относительно слабую взаимосвязь в цепочке поставок с Бразилией. Туристический сектор Таиланда имеет ограниченные взаимосвязи со странами БРИКС. Саудовская Аравия, Иран и Объединённые Арабские Эмираты имеют относительно слабую взаимо-

39 Noto Suoneto, Brice Tseen Fu Lee. ASEAN Won't Become Obsolete Just Because A Few Members Join BRICS // South China Morning Post. – 2024. – November 4. – URL: https://www.scmp.com/opinion/asia-opinion/article/3284952/asean-wont-become-obsolete-just-because-few-members-join-brics?utm_medium=email&utm_source=cm&utm_campaign=enlz-opinion&utm_content=20241105&tpcc=enlz-opinion&UID=9801cfd3-8628-4a94-9332-662225ac66ac&tc=15 (дата обращения: 04.02.2025).

40 Izzah Aqilah Norman. Malaysia, Indonesia, Vietnam and Thailand become partner countries of BRICS // CNA. – 2024. – October 24. – URL: https://www.channelnewsasia.com/asia/brics-malaysia-thailand-indonesia-bloc-asean-4426441?cid=brazecna_CNA-Morning-Brief_newsletter_22062024_cna (дата обращения: 01.01.2025).

41 Izzah Aqilah Norman. Malaysia, Indonesia, Vietnam and Thailand become partner countries of BRICS // CNA. – 2024. – October 24. – URL: https://www.channelnewsasia.com/asia/brics-malaysia-thailand-indonesia-bloc-asean-4426441?cid=brazecna_CNA-Morning-Brief_newsletter_22062024_cna (дата обращения: 30.01.2025).

связь с государствами Юго-Восточной Азии⁴².

Хотя страны ЮВА, как правило, аргументируют свое желание присоединиться к БРИКС экономическими интересами, не менее важно для них геополитическое содержание межгосударственного объединения, отражающее интересы стран Глобального Юга по трансформации мирового порядка, в котором их роль как субъектов международных отношений возрастает. Желание адаптироваться к меняющейся геополитической системе, чтобы не упустить время и не оказаться на ее обочине, побуждает страны ЮВА войти в состав БРИКС, что, по их мнению, обеспечивает им двойную выгоду: сохранить стратегическую автономию и повысить свой вес в решении глобальных проблем. Подобная позиция в Индонезии и Малайзии формируется в немалой степени под влиянием личных амбиций президентов – Прабово и Анвара, стремящихся играть важную роль на международной арене и стать рупором развивающихся стран.

Но приобретенные в будущем выгоды от присоединения к БРИКС сопряжены и с рядом рисков. Полученные экономические дивиденды от участия в новом объединении могут нивелироваться осложнением взаимоотношений с развитыми странами, в первую очередь США и странами Европейского союза, которые являются их важными торговыми партнерами и инвесторами. Многогое будет зависеть от выбранной новой администрации США экономической стратегии по отношению к Китаю, последствия которой могут сказаться и на странах ЮВА, имеющих с КНР тесные экономические связи.

Присоединение к БРИКС может привести к сверхзависимости от Ки-

тая, что способно спровоцировать рост антикитайских настроений в обществе и сказаться на репутации Индонезии и Малайзии как неприсоединившихся стран, стремящихся хеджироваться между соперничающими сторонами. Чтобы обеспечить долгосрочное экономическое процветание и геополитическую безопасность, страны ЮВА должны тщательно балансировать свои отношения в рамках БРИКС с отношениями за пределами межгосударственного объединения.

Но насколько эффективной окажется их политика хеджирования, позволяющая им лавировать в условиях соперничества великих держав и сохранять свою стратегическую автономию и центральность АСЕАН путем присоединения к различным международным блокам, покажет время. Многогое будет зависеть от того, насколько успешной окажется БРИКС в продвижении многополярной системы глобального управления, заинтересованность в создании которой демонстрируют страны Глобального Юга.

Список литературы

Рогожина Н.Г. Позиция стран Юго-Восточной Азии по палестинско-израильскому конфликту // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2024. – Т. 1, № 1 (62). – С. 36–46. – DOI: 10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-036-046.

Рогожина Н.Г. Страны Юго-Восточной Азии и китайская инициатива «Пояс и Путь»: модель взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 10. – С. 91–102. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-91-102.

Рогожина Н.Г., Рогожин А.А. Экономическое присутствие Китая в Юго-Вос-

42 Doris Liew. BRICS Is a Bad Bet for ASEAN Economies // Nikkei Asia. – 2024. – August 28. – URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/BRICS-is-a-bad-bet-for-ASEAN-economies> (дата обращения: 01.01.2025).

точной Азии – условие проведения политики «мягкой силы» // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 40–49. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-40-49.

Рогожина Н.Г., Рогожин А.А. Юго-Восточная Азия и США: параметры взаимодействия // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2024. – Т. 68, № 1. – С. 105–118. – DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-105-119.

Han Guo Xiong. Malaysia's Bid for Membership of BRICS: Optimism and Uncertainties // *RSIS Commentary* (S. Rajaratnam School of International Studies). – 2024. – October 3, N. 079. – 4 p.

Hoang Thi Ha, Cha Hae Won. Southeast Asia and the Global South: Rhetoric and Reality // *ISEAS Perspective* (Yusof Ishak Institute). – 2024. – June 14, N. 45. – 17 p.

Hutagalung S. Indonesia and BRICS: Should Indonesia Join or Not? // *Eurasia Review*. – 2024a. – September 6. – URL: <https://www.eurasiareview.com/06092024-indonesia-and-brics-should-indonesia-join-or-not-analysis> (дата обращения: 10.02.2025).

Hutagalung S. Indonesia's Interest in Joining BRICS: Pursuing Economic Security and Global Influence. Analysis // *Eurasia Review*. – 2024b. – October 26. – URL: <https://www.eurasiareview.com/26102024-indonesias-interest-in-joining-brics-pursuing-economic-security-and-global-influence-analysis> (дата обращения: 10.02.2025).

Jefferson Ng, Utaryo Santiko. Is Indonesia about to Join BRICS? // *RSIS Commentary* (S. Rajaratnam School of International Studies). – 2023. – August 11, N 057. – 4 p.

Jürgen R. Why Indonesia chose autonomy over BRICS membership // *East Asia Forum*. – 2023. – October 25. – URL: <https://eastasiaforum.org/2023/10/25/why-indonesia-chose-autonomy-over-brics-membership> (дата обращения: 10.02.2025).

Lanti Irman G. Political Islam in Indonesia: Impact of Current Israel-Hamas War in Gaza // *RSIS Commentary* (S. Rajaratnam School of International Studies). – 2023. – November 28, N. 172. – 3 p.

Lissovlik Ya.D. BRICS-PLUS: The New Force in Global Governance // *Journal of International Analytics*. – 2023. – Vol. 14, N 1. – P. 138–148. – DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148.

Mohd Faiz Abdullah. Malaysia's BRICS bid to build on its allegiance to ASEAN // *East Asia Forum*. – 2024. – August 18. – URL: <https://eastasiaforum.org/2024/08/18/malysias-brics-bid-to-build-on-its-allegiance-to-asean/> (дата обращения: 10.02.2025).

Pandu Utama Manggala. Indonesia's bold step into BRICS and beyond // *East Asia Forum*. – 2025. – February 4. – URL: <https://eastasiaforum.org/2025/02/04/indonesias-bold-step-into-brics-and-beyond/> (дата обращения: 10.02.2025).

Sarang Shidore. Southeast Asia in BRICS Is Good for the Global Order // *Foreign Policy*. – 2024. – July 4. – URL: <https://foreignpolicy.com/2024/07/04/brics-southeast-asia-thailand-malaysia-russia-china/> (дата обращения: 10.02.2025).

Sharon Seah. Southwest Asia and BRICS: Fear of Missing Out // *FULCRUM*. – 2024. – July 9. – URL: <https://fulcrum.sg/southeast-asia-and-brics-fear-of-missing-out> (дата обращения: 10.02.2025).

Xu Jingzhi. Malaysia's BRICS Bid: Not Aligning Away from Non-Alignment // *FULCRUM*. – 2024. – 5 September. – URL: <https://fulcrum.sg/malysias-brics-bid-not-aligning-away-from-non-alignment/> (дата обращения: 10.02.2025).

West J. Indonesia's quest to join the OECD and become a high-income country // *East Asia Forum*. – 2023. – September 10. – URL: <https://eastasiaforum.org/2023/09/10/indonesias-quest-to-join-the-oecd-and-become-a-high-income-country/> (дата обращения: 10.02.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.05

Specifics of BRICS Expansion into Southeast Asia

Nataliya G. ROGOZHINA

Dr. Sc. (Politics), Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhina N.G. (2025). Specifics of BRICS Expansion into Southeast Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 72–89 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.05

Received: 06.02.2025.

Revised: 23.02.2025.

ABSTRACT. As of January 2025, Indonesia has become a full member of BRICS, while two other Southeast Asian countries – Malaysia and Thailand – have acquired the status of partner states within the organization. This development raises important questions: what motivated these countries to align themselves with an international bloc representing the interests of the Global South, and what risks might such a decision entail? These questions form the core of the analysis presented in this article. Despite broadly similar positions among Southeast Asian countries regarding BRICS, distinct national considerations necessitate a case-specific approach. Accordingly, the article examines Indonesia, Malaysia, and Thailand separately to explore the unique domestic and geopolitical factors that shaped their respective decisions. This approach enables a more nuanced understanding of the incentives and strategic calculations behind their engagement with the bloc, which is viewed as a vehicle for securing additional economic benefits through expanded cooperation with other developing economies. Equally important to them is the geopolitical dimen-

sion of the bloc, with its aspirations to reshape the global order. The desire to adapt to the evolving geopolitical landscape and seize emerging opportunities drives Southeast Asian countries to seek membership in BRICS. In their view, joining the bloc offers a dual advantage – preserving strategic autonomy while enhancing their influence in global decision-making. In Indonesia and Malaysia, this stance is largely shaped by the personal ambitions of their leaders, who aspire to play a prominent role on the international stage and serve as a voice for developing nations. However, the long-term benefits of BRICS membership come with significant risks. These include potential strains in relations with developed economies – primarily the United States and the European Union – both of which are crucial trade partners and key sources of investment. Additionally, deeper dependence on China, could fuel anti-Chinese sentiment domestically, potentially undermining Indonesia and Malaysia's reputations as non-aligned states seeking to hedge between the competing interests of the U.S. and China. According to the author, ensuring long-term

economic prosperity and geopolitical stability requires, Southeast Asian countries to carefully navigate their engagements within BRICS while maintaining balanced relations beyond the bloc.

KEYWORDS: BRICS, Southeast Asian countries, Indonesia, Malaysia, Thailand, Global South, world order transformation, developing countries.

References

- Han Guo Xiong (2024). Malaysia's Bid for Membership of BRICS: Optimism and Uncertainties. *RSIS Commentary* (S. Rajaratnam School of International Studies). October 3, no. 079, 4 pp.
- Hoang Thi Ha, Cha Hae Won (2024). Southeast Asia and the Global South: Rhetoric and Reality. *ISEAS Perspective* (Yusof Ishak Institute). June 14, no. 45, 17 pp.
- Hutagalung S. (2024a). Indonesia and BRICS: Should Indonesia Join or Not? *Eurasia Review*. September 6. Available at: <https://www.eurasiareview.com/06092024-indonesia-and-brics-should-indonesia-join-or-not-analysis/>, accessed 10.02.2025.
- Hutagalung S. (2024b). Indonesia's Interest in Joining BRICS: Pursuing Economic Security and Global Influence. Analysis. *Eurasia Review*. October 26. Available at: <https://www.eurasiareview.com/26102024-indonesias-interest-in-joining-brics-pursuing-economic-security-and-global-influence-analysis>, accessed 10.02.2025.
- Jefferson Ng, Utaryo Santiko (2023). Is Indonesia about to Join BRICS? *RSIS Commentary* (S. Rajaratnam School of International Studies). August 11, no. 057, 4 pp.
- Jürgen R. (2023). Why Indonesia chose autonomy over BRICS membership. *East Asia Forum*. 25 October. Available at: <https://eastasiaforum.org/2023/10/25/why-indonesia-chose-autonomy-over-brics-membership>, accessed 10.02.2025.
- Lanti Irman G. (2023). Political Islam in Indonesia: Impact of Current Israel-Hamas War in Gaza. *RSIS Commentary* (S. Rajaratnam School of International Studies). 28 November, no. 172, 3 pp.
- Lissovlik Ya.D. (2023). BRICS-PLUS: The New Force in Global Governance. *Journal of International Analytics*. Vol. 4, no. 1, pp. 138–148. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148.
- Mohd Faiz Abdullah (2024). Malaysia's BRICS bid to build on its allegiance to ASEAN. *East Asia Forum*. 18 August. Available at: <https://eastasiaforum.org/2024/08/18/malaysias-brics-bid-to-build-on-its-allegiance-to-asean/>, accessed 10.02.2025.
- Pandu Utama Manggala (2025). Indonesia's bold step into BRICS and beyond. *East Asia Forum*. 4 February. Available at: <https://eastasiaforum.org/2025/02/04/indonesias-bold-step-into-brics-and-beyond>, accessed 10.02.2025.
- Rogozhina N.G. (2021). The Countries of Southeast Asia and The Chinese Initiative Belt and Road: A Model of Interaction. *World Economy and International Relations*. Vol. 65, no. 10, pp. 91–102 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-91-102.
- Rogozhina N.G. (2024). The Position of the Southeast Asian Countries on the Palestinian-Israeli conflict. *Southeast Asia: Current Development Issue*. Vol. 1, no. 1 (62), pp. 36–46 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-036-046.
- Rogozhina N.G., Rogozhin A.A. (2019). Economic Presence of China in Southeast Asia as A Condition for Promoting "Soft Power" Policy. *World Economy and International Relations*. Vol. 63, no. 4, pp. 40–49 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-40-49.
- Rogozhina N.G., Rogozhin A.A. (2024). Southeast Asia and the USA: Parameters of Interaction. *World Economy and International Relations*. Vol. 68,

no. 1, pp. 105–118 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-105-119.

Sarang Shidore (2024). Southeast Asia in BRICS Is Good for the Global Order. *Foreign Policy*. July 4. Available at: <https://foreignpolicy.com/2024/07/04/brics-southeast-asia-thailand-malaysia-russia-china/>, accessed 10.02.2025.

Sharon Seah (2024). Southwest Asia and BRICS: Fear of Missing Out. *FULLCRUM*. 9 July. Available at: <https://fulcrum.sg/southeast-asia-and-brics-fear-of-missing-out>, accessed 10.02.2025.

Xu Jingzhi (2024). Malaysia's BRICS Bid: Not Aligning Away from Non-Alignment. *FULLCRUM*. 5 September. Available at: <https://fulcrum.sg/malaysias-brics-bid-not-aligning-away-from-non-alignment/>, accessed 10.02.2025.

West J. (2023). Indonesia's Quest to Join the OECD and Become a High-Income Country. *East Asia Forum*. 10 September. Available at: <https://eastasiaforum.org/2023/09/10/indonesias-quest-to-join-the-oecd-and-become-a-high-income-country/>, accessed 10.02.2025.

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 323.1(1*DZ)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.06

Кабильская проблема в Алжире: история и современность

Мария Андреевна ВОЛОДИНА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: volodinamarie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4149-9907

ЦИТИРОВАНИЕ: Володина М.А. Кабильская проблема в Алжире: история и современность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 90–106.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.06

Статья поступила в редакцию 26.02.2025.

Исправленный текст представлен 10.03.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль берберов в Алжире. Изучается специфика сосуществования двух основных этнических обществ на территории Алжира: берберов, автохтонного населения Северной Африки, и арабов. Исследуются основные этапы становления берберского партикуляризма в Алжире: исторические особенности кабийской традиции, роль кабийского фактора в противостоянии алжирского общества французским колониальным властям и современный этап социально-политического и культурного участия кабийского компонента в алжирском обществе. Особое внимание уделено созданию стандартизированного берберского языка, подвижническому труду активистов Берберского культурного движения. В настоящий момент алжирское руководство и мировое сообщество обеспокоены созданием Движения за самопровозглашение кабийского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Алжир, берберы, кабилы, выборы в Алжире, политические движения кабилов.

Политические процессы в сложных полиэтничных обществах всегда вызывают неподдельный интерес у исследователей. Наиболее интересным в связи с этим выглядит пример Кабилии в Алжире, где избиратели на регулярной основе бойкотируют выборы и не видят смысла в голосовании. Кабия является регионом исконно воинствующих борцов (против иностранного владычества, а также сторонников отделения от алжирского государства). Кабилы активно противоборствовали выборному президентскому процессу 2019 г., когда были специально закрыты на замки избирательные участки, урны для голосования уничтожены, а бюллетени были разбросаны по земле разгневанными жителями. Явка составила примерно 0,18% по всему региону Кабилии. Властями страны были незамед-

лительно приняты карательные меры для устрашения всего региона: Министерство внутренних дел объявило, что виновные в «уничтожении или выносе урн для голосования, вмешательстве в ход голосования и нарушении порядка голосования» будут приговорены к лишению свободы на срок до 20 лет, а мэры городов и префекты округов (вали), подстрекающие жителей бойкотировать выборы или мешающие проведению избирательного процесса, будут преследоваться по закону¹.

7 сентября 2024 г. состоялись президентские выборы в Алжире. В выборах принимали участие 3 кандидата. Абдельмаджид Теббун (независимый кандидат) пользуется поддержкой четырех ведущих политических групп, скрепивших альянс, в том числе бывшей единой партии ФНО (*Front de libération nationale*, FLN – Фронт национального освобождения) и исламистского движения «Эль-Бина» (*Mouvement El-Bina – Движение национального строительства, создан в 2013 г.*) Абделькадера Бенгрины, занявшего 2-е место на президентских выборах 2019 г.

Второй кандидат Абделаали Хасани Шериф, 57-летний инженер, президент умеренной исламистской партии «Движение общества за мир» (*MSP – Mouvement de la société pour la paix* – партия, созданная в 1990 г.), которая не участвовала в выборах 2019 г. Конкретных социально-экономических программ данная партия не предлагает, агитируя преимущественно за изгнание французского языка из основных сфер жизнедеятельности Алжира. Таким образом, представители партии пытаются привлечь на свою сторо-

ну традиционалистски настроенных граждан.

Третий кандидат – Юсеф Аушиш. 41-летний бывший журналист и депутат, который с 2020 г. является лидером Фронта социалистических сил (ФФС – *Front des Forces socialistes* – партии, созданной в 1963 г.), исторической оппозиционной партии, базирующейся в районе Кабилии. Это левая, светская партия, выступающая за демократические перемены в стране, за соблюдение прав человека во всех регионах страны, представители партии активно выступают за включение женского населения в политическую жизнь страны.

Объяснить присутствие оппозиционной кабийской партии в списке кандидатов крайне просто: Кабилия традиционно выступает против власти.

А. Хасани и Ю. Аушиш подали апелляции в Конституционный Суд с требованием пересмотреть предварительные цифры. Государственная комиссия подверглась критике за то, что она указала «средний уровень участия», рассчитанный путем усреднения показателей 58 префектур Алжира, тогда как уровень участия обычно соответствует количеству избирателей, разделенному на количество зарегистрированных избирателей².

Конституционный Суд подтвердил в субботу, 14 сентября, переизбрание уходящего президента, получив 84,3% голосов по окончательным результатам вместо почти 95%, объявленных первоначально. Также были пересмотрены и изменены уровень участия и полученные голоса двух других кандидатов.

1 Algérie: frondeuse et délaissée, la Kabylie ne se sent pas concernée par les élections législatives // Le Monde. – 2021. – 11 juin. – Франц. яз. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/06/11/algerie-frondeuse-et-delaissée-la-kabylie-ne-se-sent-pas-concernée-par-les-elections-legislatives_6083732_3212.html (дата обращения: 10.10.2024).

2 Élection d'Abdelmadjid Tebboune en Algérie: un score révisé à 84% // Jeune Afrique. – 2024. – 14 septembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.jeuneafrique.com/1609189/politique/election-dabdelmadjid-tebboune-en-algerie-un-score-revisé-a-84/> (дата обращения: 10.10.2024).

Уровень участия составил 46,10%, в то время как изначально было объявлено о «среднем уровне участия 48%». Точное число избирателей, принявших участие в выборах, составило 11,2 млн чел. из 24,3 млн зарегистрированных, а недействительных бюллетеней было зарегистрировано 1,7 млн. Конституционный Суд также повысил баллы двух оппонентов уходящего президента: 9,56% у умеренного исламистского кандидата Абделаали Хассани (вместо 3,17%) и 6,14% у кандидата от социалистов Юсефа Уашиш (вместо 2,16%)³.

Согласно опубликованным данным⁴, регионом Алжира с самой низкой явкой стала берберская провинция Тизи-Узу (18,82%), но даже здесь поддержка действующему президенту составила 59,4%. Однако вызывает беспокойство количество не пришедших на выборы избирателей и испорченных бюллетеней. Именно в регионах традиционно кабилско-го проживания явка была наиболее низкой по стране: в Тизи-Узу около 13% испорченных бюллетеней, а явка составила 18,82%, а в вилайете Беджая явка составила 18,79%. А уровень участия алжирской диаспоры составил 19,64%. В целом явка в берберских районах Алжира составила более 30%. Стоит отметить, что власти обеспокоенно следят за настроениями, царящими в берберских регионах, и стараются не допустить разрастания конфликтных ситуаций.

Для понимания причин берберского недовольства в Алжире стоит определить основные черты этой этнической общности и особенности традиционного уклада берберов.

Особенности традиционной культуры кабилы

На территории Северной Африки уже много веков сосуществуют и активно взаимодействуют две различные этнокультурные традиции: арабская и берберская; последняя, как известно, является автохтонной. Носителями этой культуры являются берберы, или имазиген (или амазиги), как они сами себя называют, что означает «свободные люди». В Алжире берберское население состоит из нескольких групп: кабилы (Северная часть Алжира – наиболее многочисленная группа берберов Алжира), мозабитов (долина Мзаб, северная часть центрального Алжира) и шауя (восточная часть Алжира, горный регион Орес). Согласно данным Всемирного конгресса амазигов (ВКА – *Congrès Mondial Amazigh, CMA*), около 50% численности всего берберского населения входят в состав марокканского общества, 30% живут в Алжире, а остальные 20% данной этнической общности проживают в Тунисе, Ливии, Египте и Мали⁵.

По сведениям из разных источников, численность берберского населения Марокко колеблется в диапазоне от 45 до 60%. Французские историки, работавшие в эпоху французского протектората в Марокко (речь идет об официальной французской статистике того времени), отводили берберскому компоненту в стране 85%. Причина подобных значительных расхождений состоит не только в том, что государственная статистика намеренно понижает уровень берберского этноса в стране, но также в том, что существуют различные критерии определения

3 Ibid.

4 Официальный вестник Алжирской Республики = *الجريدة الرسمية للجمهورية الجزائرية* – 2024. – Выпуск № 63. – URL: <https://www.joradp.dz/FTP/fo-arabe/2024/A2024063.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).

5 Congrès Mondial Amazigh. – URL: <https://www.congres-mondial-amazigh.org/cma/> (дата обращения: 05.01.2025).

той или иной этносоциальной группы (язык, самоидентификация, прочность устоев традиционной культуры в обществе и т.п.).

При определении места той или иной этнокультурной общности на территории Магриба возникают трудности, связанные с историческими особенностями сосуществования двух основных (арабского и берберского) компонентов. В ряде районов Северной Африки арабское население (особенно в центре и на востоке Алжира) состояло главным образом из арабизированных берберов.

В таких странах Северной Африки, как Ливия и Тунис, «берберская проблема» фактически отсутствует ввиду незначительного процента берберского населения в этих обществах. В Алжире и Марокко – главных странах проживания берберов – эта проблема весьма актуальна. Берберам в целом удалось сохранить свою культурную традицию. В большей степени это относится к находящемуся на своеобразном «перекрестке» различных культур и цивилизаций Марокко. Путь национально-этнической интеграции берберов в современное государство проходит через признание всеми социально-политическими силами марокканского общества права берберов на собственную социокультурную идентичность и признание традиционного самобытного уклада берберского социума в качестве одной из равноправных составляющих развития современного Марокко.

Фактором, способствующим лингвистической консолидации, становится процесс постепенной арабизации бербероговорящего населения Магриба. Арабский язык неизменно рассматривается как священный язык Корана; кроме того, это язык государственных учреждений, королевской администрации, власти, политики, судопроизвод-

ства и т.д. Очень важно и то, что арабский разговорный – это еще и язык торговли. Берберские языки по-прежнему остаются устными языками, что затрудняло и затрудняет письменную фиксацию исторической и культурной традиции берберов, их цивилизационной идентичности. Таким образом, берберская литература написана и сохранилась на тех языках, которые доминировали на том или ином историческом этапе. Однако после того как Марокко и Алжир завоевали суверенитет, начинается процесс этнического «пробуждения» берберов. Одним из его неизбежных и закономерных последствий стали и новые тенденции в распространении берберских языков и берберской культуры в Северной Африке. Так, с 1970-х годов появляются переводы классических произведений на различные берберские языки. А впоследствии заметными событиями культурной жизни берберов становятся театральные постановки и кинематографические работы.

Признанный исследователь культурного наследия берберов Салем Ша-кер выделяет несколько причин исторической «живучести» берберских языков, важнейшими из которых ученый считает следующие:

1. Географические условия. Изолированность горных районов чинила объективные препятствия иноземному проникновению, тогда как прибрежные зоны и предсахарские равнины, в силу причин естественно-географического свойства, очень рано попали под власть и влияние новой культуры, ее языка и религии.

2. Система эксплуатации земли и ведения хозяйства. Бербероязычие распространено в регионах традиционного деревенского уклада, где хозяйственная жизнь основана на простом воспроизводстве или полной самообеспеченности. Нередко берберы яв-

ляются собственниками земли, даже если существует принцип коллективного управления и землепользования. В то же время арабский язык используется преимущественно в районах, где развивалось кочевое или полукочевое общество, а кровное родство играет более важную роль в его жизни, нежели совместное пользование землей. В первом случае речь идет об общинах, привязанных к земле, которую они обрабатывают. А во втором – о группах людей, в традиционном представлении которых «общее» означало «родовое».

3. Социальная структура. Сегментарность (термин Э. Геллнера) берберских общин рассматривалась как средство их защиты от проникновения внешних воздействий и чужеродных элементов. Однако подобная структура могла вызывать неоднозначную ответную реакцию: с одной стороны, она была способна стать фактором сопротивления инородному проникновению в районах деревенского уклада, а с другой – помогала арабам захватывать территории скотоводческих хозяйств.

4. Политические традиции. Большинство берберских районов с давних пор противостоят центральной власти. Это, однако, не столько военное противостояние, сколько высокая сопротивляемость берберской культуры всевозможным внешним влияниям, в том числе цивилизационным. Берберы преобладали, в частности, в так называемой стране львов (бияд ас-сиба), которая политически не подчинялась султанам, признавая лишь их религиозный авторитет, да и то не всегда. Воздействие государственной администрации на повседневную жизнь берберов реально распространяется лишь на урбанизированные части страны, где преобладает арабский язык, тогда

как в берберских поселениях традиционная культура, как отмечает известный исследователь Салем Шакер, по-прежнему остается доминирующей [Chaker, 1989, p. 11–12].

Согласно приведенным данным Всемирного конгресса амазигов, на берберских языках говорят 30 млн чел. (из которых 4 млн берберов проживают в Европе)⁶.

Как отмечают сами представители Берберского культурного движения, монотеизм никогда не приводил к исчезновению прежних верований у берберов, таких как анимистические обряды или почитание местных святых. Идентичность амазигов определяется не по их отношению к религии, а скорее по отношению к моральным ценностям этого народа (свободе, справедливости, взаимопомощи), их земле, их истории, их цивилизации и их языку⁷.

Основная традиционная общественно-политическая организация амазигов называется «Таджамаат» и представляет собой местное собрание. Решения принимаются демократическим комитетом мудрых людей путем поиска консенсуса. Эти собрания используют обычное право амазигов для легализации актов общественной жизни (браков, разводов, наследства и т.д.) и разрешения всех индивидуальных или общественных конфликтов. Обычное право амазигов, известное как «азреф», полностью независимо от религиозной сферы. Таким образом, общество амазигов по существу светское. Несколько местных собраний могут объединяться в форме федерации племен, называемой «аарк», которая собирается главным образом тогда, когда сообществу угрожает серьезная опасность или когда необходимо реализовать крупные проекты, представляющие общий интерес.

6 Congrès Mondial Amazigh. – URL: <https://www.congres-mondial-amazigh.org/cma/> (дата обращения: 05.01.2025).

7 Ibid.

Социально-политическую структуру традиционного «племенного» общества во многом определяет ее сельская общинная организация. Своеобразная самодостаточность, «замкнутость» позволяли проживавшим на данной территории (либо мигрировавшим) племенным объединениям, самим племенам быть основой некоей «независимой республики» (а точнее, самовоспроизводящегося сообщества) со своим жизненным укладом, культурой и традициями. «Их союзы, обладавшие военной сплоченностью раннеклассовых обществ, в ряде случаев представляли собой довольно крупные протогосударственные образования, имевшие в основе комплексное либо по преимуществу сельскохозяйственное хозяйство», – считает М.Ф. Видясова [Видясова, 1987, с. 50].

Племя у берберов является базовой политической и социально-экономической единицей, относительно замкнутой (автаркичной) в отношении производства и потребления, а также и самодостаточной по своей внутренней социальной организации. «Хотя у племени не было своей отдельной религии, – отмечает, описывая марокканские реалии, известный американский исследователь Уильям Зартман, – племенные версии ислама характеризуются чисто локальными заимствованиями из доисламского прошлого» [Zartman, 1964, p. 11]. Марокканский опыт, с определенными вариациями, может быть распространен на другие племенные образования Северной Африки, особенно Алжира.

Племенные группы никогда не были стабильным и регулярным органом принятия решений в функционировании кабийского общества. Они исчезли как политические и военные единицы после колониального завоевания. Фактически именно деревня представляет собой фундамен-

тальную политическую и социальную единицу Кабии. Гражданское движение за права кабилы не является «племенным движением». Фактически именно сельские общины являются основной единицей организации этого гражданского движения. В своей внутренней структуре движение также использует правила сельской организации. По мнению делегатов, форма организации сообщества, отсутствие «лидеров» и необходимый консенсус защищают движение от любых форм манипуляций – со стороны как алжирских спецслужб, так и политических партий. Способ организации сообщества, основанный исключительно на преданности деревне (и, следовательно, отвергающий партийную принадлежность), единогласное принятие решений и изгнание всей внутренней оппозиции неизбежно приводят к большой хрупкости его политической стратегии и к радикализации его средств действия. Берберские лидеры являются руководителями племен, конфедераций, конкретного региона, но никогда не являлись лидерами всех берберов. Культурная, языковая однородность берберов объединяла их, но политическая, структурная фрагментация препятствовала кристаллизации коллективного сознания берберского общества. Этим объясняется хрупкость берберской идентичности, ее поступательное формирование; и первостепенную роль в этом процессе играет возрождение берберского языка.

Как считает известный специалист по Северной Африке Р.Г. Ланда, к 1954 г. кабилы уже «сложились в своеобразную народность, обладавшую единством языка («такбильт»), территории и психологического склада. Их бывшая племенная раздробленность уступила место земляческой солидарности и сплоченности на основе

регионализма (при сохранявшемся сильном влиянии патриархально-родовых связей)». Однако отсутствие у кабиллов «собственной письменности, тесные экономические связи с другими областями Алжира и постоянная арабизация кабиллов (как и прочих берберов), особенно при миграциях на равнины и в города, затрудняли процесс особого развития кабиллов, превращая их в своеобразный компонент арабоязычной алжирской нации» [Мелкое производство..., 1974, с. 65].

В середине 50-х годов XX в. представители коммунистической партии Франции, в частности Леон Фейкс, один из лидеров этой партии, заявил, что «Алжир представляет собой общность, которую можно рассматривать как устойчивую, исторически складывающуюся на основе общей территории и общего экономического уклада, искаженной колониальным режимом. В борьбе против этого колониального режима теснее становятся связи, существующие между различными этническими группами. В то же время развивается алжирский национальный характер, который находит свое выражение в расцвете алжирской музыки, литературы и культуры [Feix, 1955, p. 163].

Основной целью Берберского движения с момента формирования, согласно Всемирному конгрессу амазигов, являлось признание прав берберов в сфере культуры и языков берберов. В настоящий момент берберы выступают за полное включение берберского компонента в политическую, экономическую, юридическую, историческую, культурную сферы общества. В Алжире уже давно речь идет о самоопределении кабиллов, понимании их роли в истории страны.

По мнению видного социолога и специалиста по Алжиру, Пьера Бурдьё, глубинное отрицание колониализма, объектом которого они были, привело алжирцев к утверждению себя не как наследников отдельных цивилизаций, а как членов одной нации, а чувство единства лишь укрепилось в борьбе и общих испытаниях⁸.

Культурные движения за признание прав берберов и кабиллов в Марокко и в Алжире смогли выполнить основную задачу, которую они изначально перед собой ставили, – сформировать и стандартизировать единый берберский язык и сделать его официальным наравне с арабским в этих государствах. В Алжире берберский язык стал вторым официальным языком в 2002 г., в Марокко – в 2011 г.

Аарк, будучи наследником племенных конфедераций, объединенных одной территорией, подчеркивает свой демократический характер посредством делегатов представленных племенных общин. Эта организация, возглавившая массовый протест, опирается на племенные связи протестующих. Организация аарк (которая представляет собой не что иное, как временное собрание племенных конфедераций, собрание, объединение различных племенных территорий с целью защиты общей территории в случае серьезной внешней агрессии) сегодня больше не является ни социальным, ни политически эффективной; однако несет и структурирует протест.

Становление берберского движения, включение берберского компонента во все сферы деятельности Алжира, как подчеркнул Салем Шакер, – это «конструирование разорванной идентичности» [Chaker, 1985], попытка вернуть то, что было утрачено.

8 Bourdieu P. L'unité de l'Algérie // Le Monde diplomatique. – 1961. – Juillet. – P. 6. – URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/1961/07/BOURDIEU/24343> (дата обращения: 05.01.2025).

По мнению сторонников берберского движения, стоит выделить несколько человек, внесших большой вклад в появление и развитие научных работ по берберской культурной традиции. Самым известным из них, несомненно, является Амар Бен Саид Бен Амар Булифа (1861 или 1865–1931), по сути, основатель изучения берберской традиции и предвестник берберского движения. Он автор «Сборника кабилской поэзии» (1904), «Метода кабилского языка» (1897, 1913) и множества других лингвистических и этно-исторических работ.

Существует еще одно объяснение живучести берберских языков и относительной легкости создания стандартизированного берберского языка в Марокко и Алжире. Внедрение и надрегиональная интерпретация фонологического принципа позволили существенно сократить расхождения в графическом изображении берберских диалектов.

Как полагают берберологи, берберский алфавит был засвидетельствован со времен протоистории, а берберы, таким образом, получили доступ к истории и цивилизации раньше большинства народов, доминировавших в Магрибе, особенно арабов [Chaker, 1992].

Кабилы с 1945 г., но особенно после обретения независимости, приняли фонологическую систему обозначений, очень широкую, даже морфофонологическую, совместимую с данными других диалектов и делающую письменный текст легко расшифровываемым любым берберским языком.

Всего через 16 лет после завоевания Кабилии французами были созданы «школы для туземцев» (впервые они были созданы именно в Кабилии) в городах с большим городским населением. Предполагалось, что дети ремесленников и купцов будут обучать-

ся чтению и письму по-французски, поскольку они более восприимчивы к образованию, чем дети крестьян. Французские светские школы почти не конкурировали с кораническими школами, которые в Кабилии посещали в основном школьники в деревнях или своих родных кварталах. Именно в детях ремесленников были крайне заинтересованы французские власти: они рассчитывали в дальнейшем отправлять их в мануфактурные школы во Францию, чтобы впоследствии взять рабочими на французские заводы.

Неудивительно и то, что на благодатной почве этих рабочих-эмигрантов и интеллектуальной элиты укоренились и развились движения за независимость. «Североафриканская звезда» (*Étoile Nord-Africaine – ENA*), зародившаяся в 14-м округе Парижа в 1926 г., распущенная в 1934 г. и впоследствии перешедшая в подполье, была первым алжирским антиколониалистским движением, выступавшим за сопротивление Франции и требующим независимости Алжира. В 1936 г. в его руководящем комитете было 70% кабил, что соответствовало доле кабил, эмигрировавших во Францию [Lacoste-Dujardin, 2001].

Французская администрация не запрещала кабилские учреждения: подчинение Кабилии, достигнутое в результате переговоров между маршалом Ж.Л. Рандоном и кабилскими племенами в июле 1857 г., гарантировало сохранение кабилских учреждений. Поэтому, сохраняя свою важность, эти институты подвергнутся длительному процессу «умиротворения». Этот процесс, который в основном сосредоточился на Великой Кабилии (то есть Малой и Большой Кабилии), отметился тремя ключевыми моментами:

1. Кабилская политика французских властей имела целью подчинить

их общность контролю французской власти, поэтому она потеряла свою политическую и финансовую автономию. Принцип избрания руководителя племени (амина) был сохранен, однако он стал агентом на службе французской власти.

2. В сфере повседневной жизни кабилов – сохранение кабийских местных учреждений.

3. Муниципальные центры. Создание в 1945 г. муниципальных центров в смешанных коммунах было последней мерой, предпринятой колониальными властями. Организация этих центров была близка к организации столичных муниципалитетов.

Особую роль в жизни Алжира играли и продолжают играть кабилы, уехавшие во Францию на учебу или в поисках работы. Выходцы из кабийских регионов никогда не порывали со своей малой родиной, более того, они постоянно переводят деньги своим семьям и в бюджет своих деревень. Эти трансферты представляют собой значительный источник финансирования проектов развития. В последние годы их объем продолжал расти и достиг суммы, оцениваемой в более чем 10 млн динаров за год (примерно 66 тыс. евро), что в ряде случаев превышает размер государственной помощи в целях развития [Bessah, 2015]. Денежные переводы являются одним из показателей привязанности эмигрантов к своему родному селу.

До закрытия границ для трудовой иммиграции в 1973 и 1974 гг. основной моделью иммиграции была модель миграционной цепочки. Мигранты прибывали во Францию по адресу родственника или друга из той же деревни, откуда они родом. Таким образом, на принимающей территории восстанавливались деревенские общины. Затем жизнь иммигрантов структури-

ровалась вокруг деревенской организации. В случае Алжира эта деревенская организация воспроизводила модель кабийского таджмаата.

В кабийском обществе важнейшую роль играют родственные связи, которые определяют личность каждого человека. В Кабилии человека спрашивают не «кто ты?», а «из чьей ты семьи?», тем самым отдавая приоритет родству над личностью. Сильная солидарность означает, что все работают вместе ради процветания не только своей семьи, но и своей деревни.

Помимо репатриации тел умерших, эмигранты участвуют в проектах развития своих деревень посредством взносов и пожертвований. Они также участвуют в управлении своими деревнями, назначая представителей в каждом городе, в частности, в Париже и Марселе, которые работают в сотрудничестве с сельскими комитетами. Таким образом, во Франции действуют многочисленные комитеты, взаимодействующие с другими комитетами в Алжире. Кроме того, эмигранты помогают членам своих семей, оставшимся в стране, создавать малый бизнес или инвестировать, в основном в торговлю или строительство. Эмигранты поддерживают двойной якорь между Францией и Кабилией.

В деревне Ат-Йикен в 2008 г. (согласно жертвоприношению быков и распределению мяса домохозяйствам в соответствии с числом людей, включая эмигрантов), общая численность населения составляла 409 чел., из которых 220 (53,8%) проживали в деревне, 174 (42,6%) – во Франции и 15 человек (3,6%) – в Алжире и Сетифе. В деревне Таурирт число участников, проживающих во Франции, в 2014 г. составило 415 чел., или 42% общей численности постоянного населения деревни (985 чел.) [Bessah, 2015].

Политизация берберского движения

Как справедливо отмечает Р. Г. Ланда, «...проблема берберов в Алжире была не столько культурной, сколько социально-политической. Во многом она была следствием борьбы молодых провинциалов, особенно из арабской «глубинки» Алжира, к тому же получивших образование на арабском языке, со старшим поколением интеллигенции, бюрократии и буржуазии, преимущественно обладателей дипломов о французском образовании. Среди последних кабилы всегда составляли большинство. Социальные преобразования в Алжире с 1963 г. в известной мере подорвали позиции кабийской буржуазии, а неуклонно проводившийся с тех пор курс на арабизацию (особенно с 1971 г., когда арабский язык стал обязательным в делопроизводстве государственных учреждений) серьезно ослабил позиции чиновников – кабилов. Наконец, крестьяне-кабилы, став с конца 1970-х годов жертвой спекуляций и махинаций покровительствуемых властями скупщиков-оптовиков, главным образом из арабоязычных районов, также внесли свой вклад в стимулирование настроений недовольства, регионализма и партикуляризма» [Ланда, 1999, с. 196–197].

Алжирское национальное образование упразднило кафедру берберского языка в Алжирском университете в начале октября 1962 учебного года, несмотря на просьбу сохранить ее и предложение срочного обслуживания, сформулированное известным писателем Мулудом Маммери тогдашнему министру национального образования. Именно этот параллельный процесс культурного строительства и политизации в 1965–1980 гг. приведет к событиям «Берберской весны» 1980 г.

Кабильское протестное движение сформировалось в апреле 1980 г. в ходе демонстраций. В Университете Тизи-Узу должна была пройти конференция по древней кабийской поэзии, которую должен был провести Мулуд Маммери, известный ученый и писатель. Несмотря на высокий интерес к данному мероприятию среди населения, проведение конференции было запрещено властями. Быстро поддержанное населением, ранее академическое движение трансформировалось в массовые демонстрации с требованиями признания кабийского языка, самобытности и культуры берберов. Участники демонстраций стали требовать официального признания кабийского языка, что отрицалось самой конституцией алжирского национального государства, которая признавала только арабский язык в качестве национального и официального языка.

Политизация идентичности политическими партиями началась в конце 1970-х годов, когда партия «Фронт социалистических сил» (ФСС – *Le Front des forces socialistes, FFS*) включила требование признания идентичности кабилов в свою платформу. Эту новую ориентацию партии можно объяснить ее объединением с Берберским культурным движением.

Берберская партия «Фронт социалистических сил» родилась в ходе вооруженного восстания 1963 г. Конечно, кризис был скрытым, поскольку акторы конкурировали за обеспечение контроля (или даже монополии) во время войны, но после обретения независимости возникли противоречия в алжирском обществе, вызванные спорами о будущем страны: кто будет контролировать независимое государство, как будет осуществляться власть, какова будет система правления в стране и распределения материальных благ. Если изначально движение носило

национальный характер, то во время пограничного конфликта с Марокко («Война в песках», 1963–1964) оно превратилось в кабийскую партию вокруг Х. Айта Ахмеда и его культурологического крыла. После установления многопартийной системы в 1989 г. Берберское культурное движение трансформируется в политическую партию «Объединение за культуру и демократию», возглавляемую доктором Саидом Сади.

По мнению Салема Шакера, в Алжире «...есть партии с берберскими социологическими корнями, но нет партии, которая разрабатывает конкретно берберский проект. Все они являются частью национальной перспективы» [Chaker, 1989, p. 20].

Эти партии не регионалистские движения, поскольку их лидеры выступают не против конкретной этнической или религиозной группы, а против государственной власти. Они также не стремятся спровоцировать отделение по этническому признаку или превратить формирующееся государство в этническое государство; напротив, они требуют большей интеграции кабилов в государство и реального участия в управлении делами страны, но это объясняется массовым присутствием городской кабийской элиты, особенно из города Алжир: торговцев, собственность которых была национализирована; землевладельцев, опасавшихся аграрной реформы; государственных служащих, недовольных нестабильностью своего статуса и жесткой финансовой экономией; интеллектуалов и др. К этой элитарной поляризации добавилась большая мобилизация кабийского крестьянства, объединение которого с элитой было достигнуто в период борьбы за независимость. Недовольство кабийского крестьянства, вызванное ухудшением условий его жизни после освободительной войны,

было поддержано городскими элитами, имеющими большое влияние на национальном политическом поле. Это не относится к другим регионам страны, где вес элит не столь значителен. Алжирская власть, ставшая военной после государственного переворота Х. Бумедьена 19 июня 1965 г., заблокировала политическую сферу для кабилов и, таким образом, радикализировала культуралистское движение, которое было активно в университетских кругах вокруг Мулуда Маммери, через эмиграцию и благодаря Берберской академии, созданной Мохандом Бессаудом во Франции в 1966 г. Именно представители данной организации основательно занялись разработкой стандартизированного берберского языка для берберов Северной Африки. Власти Алжира, опасаясь политизации берберской проблемы, сумели убедить французское правительство закрыть данную организацию. В 1978 г. Академия была распущена, однако деятельность берберских активистов только усилилась, они почувствовали объединяющее начало подобных организаций, ту поддержку, которую им оказывали интеллектуалы – берберы из разных стран, а также простые берберы.

Своеобразный отрыв Кабилии от власти углубился после появления многопартийной системы в Алжире. Он проявился в ослаблении политического присутствия бывшей единой партии «Фронт национального освобождения», влияние которой было значительным, вопреки распространенному мнению, что этим регионом управляли железом и кровью, без поддержки элит и традиционных деревенских собраний. Ассимиляция старых кабийских элит происходила посредством интеграции в политическую игру на центральном уровне, а также через интеграцию национальной буржуазией энергичной кабийской

буржуазии, как отмечает социолог Абдельнассер Джаби [Temlali, 2003].

Если сравнить берберскую проблему Алжира с марокканской, то в Марокко Берберское культурное движение, по сути, было создано в 1967 г. В Рабате в 1967 г. была учреждена Марокканская ассоциация культурных исследований и обменов (*Association marocaine de recherches et de l'échange culturelle* (AMREC) – АМРЕК). Относительно нейтральный термин «культурный» был избран потому, что в тот период создание организации, открыто причисляющей себя к берберской, было политически недопустимо. На долю АМРЕК выпала поистине историческая задача – стать организационным ядром тех кружков студентов и преподавателей, которые проявляли растущий интерес к культуре и истории берберского народа. Подобный интерес, по представлению властей, должен был удовлетворяться в процессе научно-образовательной деятельности и в ходе интеллектуальных дискуссий, но никак не за счет политизации «берберского вопроса» со всеми вытекающими для власти и страны последствиями.

Эта ассоциация явилась своеобразной базой для исследования и актуализации «берберской проблемы»; представители именно этой ассоциации начали серьезную дискуссию среди марокканского народа по вопросу берберской идентичности. В ряды АМРЕК вошли члены созданной в июле 1942 г. Ассоциации выпускников берберского колледжа в Азру. В дальнейшем АМРЕК послужила моделью для учреждения других организаций, занимающихся изучением берберского культурного наследия. Через некоторое время в разных городах Марокко стали появляться новые ассоциации и культурные объединения, занимающиеся изучением берберского исторического наследия. В настоящий момент в струк-

туре Берберского культурного движения в Марокко насчитывается не менее 37 ассоциаций, включая АМРЕК [Володина, 2011, с. 85–86].

Знаменательной вехой в истории Берберского культурного движения явилось создание в 1984 г. во Франции Берберской энциклопедии под эгидой Международного совета по философии и гуманитарным наукам ЮНЕСКО. Основная цель, которую перед собой поставили создатели энциклопедии, состояла в объединении всех исследований по берберской тематике и доступности знания о берберском мире, которые до этого были разбросаны и фрагментированы. Безусловно, все инициаторы, вдохновители и авторы энциклопедии были алжирцами (иногда и марокканцами) по происхождению, получили образование во Франции и являлись известными учеными в сфере истории, лингвистики и др. Многие ученые нередко обвиняли авторов энциклопедии в излишнем «бербероцентризме», легкости использования архивных документов в своих трактовках. Однако само появление подобной энциклопедии, обобщающей все знания о берберах, явилось важнейшим этапом становления берберской идентичности и включения берберского компонента во все сферы жизнедеятельности Алжира и Марокко.

Беспорядки 2001 г., названные «черной весной» (поводом послужило убийство молодого человека полицией в Кабилии), отразили основной конфликт между двумя основными этническими группами в Алжире, поскольку, как отмечают исследователи, Алжир в конце войны за деколонизацию, по сути, унаследовал государство без нации [Chaker, 2003].

В 2001 г. было создано Движение за самоопределение Кабилии (*Mouvement pour l'autodétermination de la Kabylie* – МАК). Представители бер-

берских партий в категоричной форме высказались против целей этого Движения. После кровавых репрессий «черной весны» 2001 г. упадок традиционных оппозиционных партий, таких как Объединение за культуру и демократию (*Rassemblement pour la culture et la démocratie* – RCD) или Фронт социалистических сил, открыл путь националистическому движению – Движению за самоопределение Кабилии. Основанная и возглавляемая политиком и певцом Ферхатом Мехенни, она активно требует независимости региона с 2013 г. Трудно измерить ее численность и влияние на иммиграцию, но ее влияние растет. По мнению Хенда Сади, академика и активиста-бербериста, живущего во Франции с начала 1970-х годов, «многие кабилы отвергают арабо-исламскую идеологию, которой продолжает размахивать полностью дискредитированная алжирская держава. Это разрушает барьеры, и некоторые больше не боятся заявлять о независимости Кабилии, тогда как несколько лет назад такой лозунг был бы разрушен императивом “национального единства”»⁹.

Лидерами движения за права кабиллов было принято решение использовать совершенно новую тактику в своей борьбе – отказ от участия в выборах. После кровавых репрессий, арестов многочисленных делегатов и демонстрантов, запрета маршей представители движения считают, что отказ от выборов – единственный способ оказать давление на власть. Целью является не что иное, как спровоцировать «институциональный кризис из-за отсутствия выборных должностных лиц и, следо-

вательно, свергнуть власть». Во время двух выборов (май и октябрь 2002 г.) делегаты – и их сторонники – воспрепятствовали открытию почти всех избирательных участков в Кабилии [Tilleli, 2003].

На своем веб-сайте МАК представляет свой «Проект Кабийского государства» (*Makabylie.org*, сайт заблокирован). Для достижения своих целей МАК, по словам ее активистов, использует следующие средства:

- гражданское неповиновение и отказ от любых выборов в Кабилии до организации референдума о самоопределении Кабилии;
- консультирование населения путем петиций и референдума;
- создание кабийских гражданских институтов в качестве компенсации за алжирские институты, отвергнутые в Кабилии;
- культурное самоутверждение через введение кабийского преподавания в школах, колледжах и университетах Кабилии;
- использование кабийского языка в общественных местах (вывески, фронтоны общественных зданий и т. д.)¹⁰.

Ферхат Мехенни, ведущая фигура в борьбе за независимость Кабилии и президент-основатель МАК, сделал смелый шаг, провозгласив независимость Кабилии 20 апреля 2024 г., в день празднования 44-й годовщины «берберской весны».

На международном уровне проблема независимости Кабилии поднимает сложные вопросы. Государства – члены ООН, как правило, неохотно признают сепаратистские движения, опасаясь пробудить стремление к независимо-

9 Metref A. Avec les Kabyles de Ménilmontant // Le Monde diplomatique. – 2021. – Mars. – P. 14–15. – URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2021/03/METREF/62852#nb7> (дата обращения: 10.10.2024).

10 El Kanabi M. J. Le MAK proclame l'indépendance de la Kabylie devant le siège de l'ONU // Hespress Français. – 2024. – 20 avril. – Франц. яз. – URL: <https://fr.hespress.com/363355-le-mak-proclame-lindependance-de-la-kabylie-devant-le-siege-de-lonu.html> (дата обращения: 05.01.2025).

сти на своих территориях. Таким образом, даже если МАК удастся привлечь внимание международного сообщества, вряд ли будет сразу же получено формальное признание независимости Кабилии.

В мае 2021 г. президент Абдельмаджид Теббун назвал МАК террористической организацией. Ферхат Мехенни также был приговорен к пожизненному заключению по обвинению в «террористических актах».

В контексте признания прав кабийского народа, придания берберскому языку статуса государственного лидера движения также выдвинули вопрос включения берберского компонента в историю и культуру страны. И одним из элементов этого процесса стали переименования улиц, скверов и площадей в честь кабийских исторических фигур и деятелей культуры. Этот вопрос топонимики приобретает здесь особое значение в силу того, что рамки ее действия – городские. Этот феномен является новой вехой в истории страны в том смысле, что до сих пор кабийский протест происходил в сельской местности.

Неспособность государства удовлетворить потребности в жилье и рабочих местах создает питательную среду для недовольства в обществе, где 50% населения моложе 20 лет. К этим прагматическим причинам добавляется постоянная проблема определения национальной идентичности, которая приводит к столкновению различных социальных моделей.

Темы и знания, относящиеся к берберам, представляют собой лишь небольшую часть культурного и интеллектуального запаса, введенного в обращение в Магрибе в результате западной аккультурации, который местные жители сделали своим (включая

мусульманских реформаторов) и в котором мы также находим концепцию национального государства, современный национализм, понятия конституционных прав и свобод, равенства... [Chaker, 1987, p. 22].

С начала века именно язык (а не история, культурная традиция или особенности социальной организации) служил центром кристаллизации идентичности. Эта тенденция в настоящее время подтверждается в масштабе Магриба на университетском уровне, поскольку подавляющее большинство диссертаций (и публикаций), посвященных берберской области местными исследователями после деколонизации, касаются этого языка. Магрибские берберисты – преимущественно лингвисты. Это особенно очевидно в Марокко, где цифры становятся значительными: из примерно 30 поддерживаемых докторских степеней более 20 посвящены языку [Chaker, 1987, p. 25].

По мнению Салема Шакера, существуют расхождения в самом определении статуса берберского языка в Марокко и в Алжире: в конституции Марокко берберский язык упомянут в единственном числе, без учета диалектного разнообразия. Вводится понятие стандартизированного марокканского берберского языка. В алжирской конституции берберские языки существуют в своем разнообразии, являются национальным языком, берберский язык может принимать несколько региональных стандартов. Таким образом, диалектное разнообразие закреплено в конституции и признано.

Причина более пристального внимания алжирских властей к берберскому языку кроется в том, что в этой стране берберы являются основными выразителями оппозиционных настроений, в то время как носители марокканского берберского языка не выступают с резкими социальными

требованиями, которые могли бы поставить под вопрос общий политический баланс страны [Chaker, 2017].

Алжир представляет собой методологически значимый случай формирования *государства-нации* на основе сложного взаимодействия двух основных культурно-цивилизационных субстратов: арабского и берберского. Длительный исторический компромисс между элитами автохтонных берберов и пришедших в Алжир арабов заложил основы постепенного складывания алжирской нации. Однако, в отличие от Марокко, где берберская проблема не выходит за рамки культурных требований, в Алжире противостояние носит именно этнополитический характер. Ввиду компактности проживания кабилы вполне вероятны требования кабилы об автономии своей территории.

Список литературы

- Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. – Москва : Наука, 1987. – 300 с.
- Володина М.А. Берберы Северной Африки: культурная и политическая эволюция (на примере Марокко) / отв. ред. Д.Б. Малышева. – Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – 112 с.
- Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. – Москва : ИВ РАН, 1999. – 304 с.
- Мелкое производство города в Азии и Африке / отв. ред. А.И. Левковский. – Москва : Институт востоковедения АН СССР, 1974. – 383 с.
- Bessah T. Organisations Communautaires, émigration Et Développement Dans Une Région De Kabylie, Ath Idjer (tizi Ouzou) // Insaniyat: Revue algérienne d'anthropologie et de sciences sociales. – 2015. – N 3–4 (69–70). – P. 63–82. – Франц. яз. – DOI: 10.4000/insaniyat.15257.
- Chaker S. Berbères aujourd'hui. – [S.l.] : Editions L'Harmattan, 1989. – 221 p. – Франц. яз.
- Chaker S. Berbérîté/Amazighité (Algérie/Maroc): La "nouvelle politique berbère" // Studi Magrebini. – 2017. – N XIV–XV. – P. 129–153. – Франц. яз. – URL: <https://amu.hal.science/hal-01770548> (дата обращения: 05.01.2025).
- Chaker S. Berbérîté et émigration kabyle // Peuples méditerranéens. – 1985. – N 31–32. – Франц. яз. – URL: https://www.persee.fr/doc/remmm_0035-1474_1987_num_44_1_2152 (дата обращения: 05.01.2025).
- Chaker S. L'affirmation identitaire berbère à partir de 1900. Constantes et mutations (Kabylie) // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. – 1987. – N 44. – P. 13–34. – Франц. яз. – URL: https://www.persee.fr/doc/remmm_0035-1474_1987_num_44_1_2152 (дата обращения: 05.01.2025).
- Chaker S. La naissance d'une littérature écrite. Le cas berbère (Kabylie) // Bulletin des Etudes Africaines (Inalco). – 1992. – N IX (17/18). – P. 1–7. – Франц. яз. – URL: https://www.centrede rechercheberbere.fr/tl_files/doc-pdf/neo-litt.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
- Chaker S. Le berbère // Les langues de France/Sous la direction de B. Cerquiglini. – Paris : PUF, 2003. – P. 215–227. – Франц. яз. – URL: https://centrede rechercheberbere.fr/tl_files/doc-pdf/berbere.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
- Feix L. Les communistes et la lutte nationale du peuple algérien // Cahiers du Communisme. – 1955. – 31^è année, Février (N 2). – P. 147–167. – Франц. яз. – URL: https://pandor.u-bourgogne.fr/pleade/functions/ead/detached/CC/CC_1955_02_n002.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
- Lacoste-Dujardin C. Géographie culturelle et géopolitique en Kabylie. La révolte de la jeunesse kabyle pour une Algérie démocratique // Hérodote. – 2001. – N 4 (103). – P. 57–91. – Франц. яз. – DOI: 10.3917/her.103.0057.

Temlali Y. La révolte de Kabylie ou l'histoire d'un gachis // *Confluences Méditerranée*. – 2003. – N 2 (45). – P. 43–57. – Франц. яз. – URL: <https://shs.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2003-2-page-43?lang=fr> (дата обращения: 05.01.2025).

Tilleli E. Le Mouvement citoyen de Kabylie // *Pouvoirs*. – 2003. – N 3 (106). – P. 149–162. – Франц. яз. – DOI: 10.3917/pouv.106.0149.

Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. – New York : Prentice-Hall, Inc., Atherton Press, 1964. – 276 p.

Africa and the Middle East: the Changing Landscapes

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.06

The Kabyle Issue in Algeria: From History to the Present

Maria A. VOLODINA

PhD in History, Leading Researcher

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: volodinamaria@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4149-9907

CITATION: Volodina M.A. (2025). The Kabyle Issue in Algeria: From History to the Present. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 90–106 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.06

Received: 26.02.2025.

Revised: 10.03.2025.

ABSTRACT. *This article critically examines the role of the Berbers in Algeria, with a particular focus on the complexities of co-existence between the country's two principal ethnic communities – the Berbers, the autochthonous population of North Africa, and the Arabs. It analyzes the key stages in the evolution of Berber particularism in Algeria, including the historical foundations of the Kabyle tradition, the significance of the Kabyle factor in Algerian resistance to French colonial rule, and the contemporary socio-political and cultural engagement of the Kabyle community within Algerian society. Special attention is given to the ongoing efforts to standardize the Berber language, as well as the dedicated activism within the*

Berber cultural movement. Furthermore, the article examines the growing concerns among both Algerian authorities and the international community regarding the emergence of the Movement for the self-proclamation of the Kabyle State.

KEYWORDS: *Algeria, Berbers, Kabyles, elections in Algeria, Kabyle political movements.*

References

Bessah T. (2015). Community Organizations, Emigration and Development in a Region of Kabylie, Ath Idjer (Tizi Ouzou). *Insaniyat: Revue algérienne d'anthropolo-*

gie et de sciences sociales. No. 3–4 (69–70), pp. 63–82 (in French). DOI: 10.4000/in-saniyat.15257.

Chaker S. (1985). Berberness and Kabyle emigration. *Peuples méditerranéens*. No. 31–32 (in French). Available at: https://www.persee.fr/doc/remmm_0035-1474_1987_num_44_1_2152, accessed 05.01.2025.

Chaker S. (1987). Berber Identity Affirmation from 1900. Constants and Changes (Kabylie). *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*. No. 44, pp. 13–34 (in French). Available at: https://www.persee.fr/doc/remmm_0035-1474_1987_num_44_1_2152, accessed 05.01.2025.

Chaker S. (1989). *Berbers Today*. S.I.: Editions L'Harmattan, 221 pp. (in French).

Chaker S. (1992). The Birth of Written Literature. The Berber Case (Kabylie). *Bulletin des Etudes Africaines (Inalco)*. No. IX (17/18), pp. 1–7 (in French). Available at: https://www.centrede recherche-berbere.fr/tl_files/doc-pdf/neo-litt.pdf, accessed 05.01.2025.

Chaker S. (2003). The Berber. In: Cerquiglini B. (ed.). *Les langues de France*. Paris: PUF, pp. 215–227 (in French). Available at: https://centrederechercheberbere.fr/tl_files/doc-pdf/berbere.pdf, accessed 05.01.2025.

Chaker S. (2017). Berberity/Amazighness (Algeria/Morocco): The “new Berber policy”. *Studi Magrebini*. No. XIV–XV, pp. 129–153 (in French). Available at: <https://amu.hal.science/hal-01770548>, accessed 05.01.2025.

Feix L. (1955). The Communists and the National Struggle of the Algerian People. *Cahiers du Communisme*. Vol. 31, February (no. 2), pp. 147–167 (in French).

Available at: https://pandor.u-bourgogne.fr/pleade/functions/ead/detached/CC/CC_1955_02_n002.pdf, accessed 05.01.2025.

Lacoste-Dujardin C. (2001). Cultural and Geopolitical Geography in Kabylia. The Revolt of Kabyle Youth for a Democratic Algeria. *Hérodote*. No. 4 (103), pp. 57–91 (in French). DOI: 10.3917/her.103.0057.

Landa R.G. (1999). *History of Algeria. XX Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 304 pp. (in Russian).

Melkoye... (1974). Levkovskiy A.I. (ed.). *Small-scale Production of the City in Asia and Africa*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, 383 pp. (in Russian).

Temlali Y. (2003). The Kabylie Revolt or the Story of a Waste. *Confluences Méditerranée*. No. 2 (45), pp. 43–57 (in French). Available at: <https://shs.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2003-2-page-43?lang=fr>, accessed 05.01.2025.

Tilleli E. (2003). The Citizen Movement of Kabylie. *Pouvoirs*. No. 3 (106), pp. 149–162 (in French). DOI: 10.3917/pouv.106.0149.

Vidyasova M.F. (1987). *Social Structures of the Pre-colonial Maghreb: Genesis and Typology*. Moscow: Nauka, 300 pp. (in Russian).

Volodina M.A. (2011). *Berbers of North Africa: Cultural and Political Evolution (on the Example of Morocco)*. Moscow: IMEMO RAS, 112 pp. (in Russian).

Zartman I.W. (1964). *Morocco: Problems of New Power*. New York: Prentice-Hall, Inc., Atherton Press, 276 pp.

УДК: 314.742

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.07

Иностранные рабочие в странах Персидского залива: система кафала

Ксения Евгеньевна АТАМАЛИ

научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: mrsxeniya@ya.ru
ORCID: 0009-0003-2216-724X

ЦИТИРОВАНИЕ: Атамали К.Е. Иностранные рабочие в странах Персидского залива: система кафала // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 107–123.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.07.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024.

Исправленный текст предоставлен 31.01.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается система кафала – правовая система регулирования трудовых отношений между работодателями и рабочими-мигрантами в арабских странах Персидского залива. Особое внимание уделяется условиям труда мигрантов в рамках данной системы, правам иностранных работников, отношению к «гастарбайтерам» со стороны работодателей, а также реформированию системы. Приведена краткая история возникновения системы спонсорства и ее развития. Представлены мнения экспертов о будущем системы кафала, приведена позиция Международной организации труда (МОТ), Международной конфедерации профсоюзов (МКП) и правозащитных организаций. В заключении дано краткое сравнение системы кафала в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и патентной системы в России. Несмотря на то, что меж-

дународные организации выступают за упразднение системы кафала, препятствия для этого сохраняются. Проводимых реформ недостаточно, положение трудовых мигрантов, в особенности прислуги, остается тяжелым; всё также распространены случаи злоупотребления. Сделан вывод, что необходимо проведение дальнейших реформ и учреждение развернутого контрольного механизма за соблюдением новых законов в отношении иностранных рабочих. Также мигранты должны получать более весомую поддержку со стороны посольств и агентств по трудоустройству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кафала, система спонсорства, трудовая миграция, современное рабство, страны Персидского залива, ССАГПЗ, ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Бахрейн, Оман, права мигрантов, защита труда, реформы трудового законодательства.

Введение

Международная трудовая миграция является неотъемлемой составляющей современной мировой экономики. В обмен трудовыми мигрантами вовлечены практически все страны. По статистическим оценкам, в 2019 г. в мире насчитывалось около 169 млн трудовых мигрантов¹. Потоки трудовых мигрантов существуют в основном между развивающимися и развитыми странами, между развитыми странами, между развивающимися странами. В данной статье будет рассмотрена трудовая миграция между странами с развивающейся экономикой, а именно особенности системы кафала в странах Персидского залива.

Кафала (с араб. яз. – система спонсорства/поручительства) является правовой системой регулирования отношений между трудовыми иммигрантами и их поручителями почти во всех арабских странах. Сегодня система кафала применяется к иностранным рабочим в Бахрейне, Кувейте, Омане, Катаре, Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратах, а также в Иордании и Ливане.

Спонсором может быть частное или юридическое лицо, обязательно гражданин принимающей страны, который обычно одновременно является и работодателем. В большинстве стран местные компании или отдельные работодатели получают спонсорские разрешения от государства на наем иностранных рабочих. В рамках системы кафала рабочие-мигранты «прикреплены» к определенному работодателю на время их пребывания

в стране. Спонсор оплачивает транспортные расходы рабочего и предоставляет ему жилье и работу. В свою очередь, работник оказывается юридически привязанным к своему работодателю. В рамках системы кафала работник не может свободно перемещаться на рынке труда: он не имеет право покидать страну, менять работу и вступать в профсоюз без разрешения своего спонсора². Стоит отметить, что хотя суть системы спонсорства сохраняется, права иностранных рабочих в разных странах различаются в свете проводимых реформ в этой сфере.

Система распространяется практически на всех иностранных рабочих без исключения, вне зависимости от профессии, национальности и социально-экономического класса. Первоначально страны Персидского залива привлекали своих единоверцев из арабских стран. С развитием нефтедобычи и других отраслей экономики рекрутинговые компании стали привлекать рабочих из стран Южной Азии и Африки. Большинство из них востребованы в сфере услуг, строительстве и нефтяной промышленности, то есть в тех отраслях, где местное население не стремится работать. Не последнюю роль играет и элементарный дефицит рабочей силы.

По данным Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, в 2020 г. число международных мигрантов в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Иордании и Ливане суммарно достигло 36 млн чел. (почти половина общей численности

1 Labor migration worldwide – statistics & facts // Statista. – 2025. – January 22. – URL: <https://www.statista.com/topics/10793/labor-migration-worldwide/#topicOverview> (дата обращения: 23.01.2025).

2 Understanding Kafala: An archaic law at cross purposes with modern development // Migrant-Rights.org. – 2015. – March 11. – URL: <https://www.migrant-rights.org/2015/03/understanding-kafala-an-archaic-law-at-cross-purposes-with-modern-development/> (дата обращения: 21.01.2025).

населения этих стран)³. Это в основном выходцы из Индии, Пакистана, Шри-Ланки, Бангладеш, Бутана, Непала и Филиппин.

Несмотря на то, что систему кафала часто называют «современным рабством», поскольку в рамках этой системы работники сталкиваются с многочисленными ограничениями и злоупотреблениями, число соискателей не снижается. По мнению экспертов, причин на это несколько: 1) финансовый стимул, так как заработная плата значительно выше, чем на родине; 2) семейные и социальные связи, поскольку решение о работе за рубежом зачастую принимает не сам рабочий, а его семья; 3) ограниченная или неточная информация об условиях труда и рисках⁴.

Тем не менее система поручительства вызывает всё больше споров, растёт понимание того, что она сопряжена с эксплуатацией. Кроме того, кризис COVID-19 подчеркнул уязвимое положение работников-мигрантов в связи с массовыми сокращениями, депортациями, случаями жестокого обращения и повышенным риском заболевания в условиях скученного проживания. Эксперты отмечают, что «экономика стран ССАГПЗ полностью строится на «одноразовом» характере кафалы: потеря работы означает отъезд из страны» [Жилина, 2021, с. 66, 69].

В последние годы в некоторых странах Персидского залива были проведены существенные реформы системы спонсорства, что будет подробно исследовано далее в данной статье⁵.

Историческая справка

Изначально термин кафала использовался для определения отношений между лицом, обладающим авторитетом или властью (*kafeel*), и уязвимым или слабым человеком (*makful*). Корни этого явления восходят к бедуинскому праву, когда бедуин брал на себя заботу о сиротах, одиноких, а позднее и пленных. Первоначально кафил принимал на себя юридическую ответственность за макфула, не получая при этом никакой выгоды. Например, это могла быть опека над детьми. Система кафала в нынешнем ее понимании впервые была применена в жемчужном промысле в Бахрейне в 1920-е годы в период Британского протектората, а затем распространилась на другие отрасли и страны Персидского залива. Большинство ныряльщиков были привязаны к своим судам долгами и подвергались издевательствам, что укоренилось в социальных нормах и законодательстве⁶. Стоит отметить, что до отмены рабства в Персидском заливе ныряльщиками за жемчугом были преимущественно рабы [Miers, 2003, p. 265–266].

Система кафала существенно разрослась в 1950-е годы в период бурного экономического роста во время нефтяного бума в странах Персидского залива. Она была нацелена на привлечение большого количества дешевой сезонной рабочей силы для работы на инфраструктурных проектах. Изначально в аравийские монархии на заработки ехали граждане других арабских

3 What Is the Kafala System? // Council on Foreign Relations. – 2022. – November 18. – URL: <https://www.cfr.org/background-er/what-kafala-system> (дата обращения: 04.11.2024).

4 Why Do They Keep Coming? Labour Migrants in the Persian Gulf States // Academia. – URL: https://www.academia.edu/1766243/Why_Do_They_Keep_Coming_Labour_Migrants_in_the_Persian_Gulf_States (дата обращения: 28.11.2024).

5 Kav LaOved Worker's Hotline v. Government of Israel // Versa. – 2006. – March 30. – URL: <https://versa.cardozo.yu.edu/opinions/kav-laoved-worker's-hotline-v-government-israel> (дата обращения: 13.11.2024).

6 Disempowered, dehumanised, deported: Life under the kafala system // Walk Free's Global Slavery Index. – 2023. – URL: <https://www.walkfree.org/global-slavery-index/findings/spotlights/life-under-the-kafala-system/> (дата обращения: 13.11.2024).

Таблица 1. Количество иммигрантов в странах Персидского залива с 1990 по 2019 г.
Table 1. Number of immigrants in the Gulf countries from 1990 to 2019

Год / страна	Бахрейн	Кувейт	Оман	Катар	Королевство Саудовская Аравия (КСА)	ОАЭ
1990	173,212	1,074,391	304,000	309,753	4,998,445	1,306,574
1995	205,979	921,954	539,643	361,673	5,122,702	1,824,118
2000	239,361	1,127,640	623,608	359,697	5,263,387	2,447,010
2005	404,018	1,333,327	666,160	646,026	6,501,819	3,281,115
2010	657,856	1,871,537	816,221	1,456,413	8,429,956	7,316,697
2015	704,137	2,866,136	1,856,226	1,687,640	10,771,366	7,995,126
2019	741,161	3,034,845	2,286,226	2,229,688	13,122,338	8,587,256

Источник: International Migrant Stock 2019 // United Nations Population Division Department of Economic and Social Affairs. – 2019. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockTotal_2019.xlsx (дата обращения: 25.11.2024).

стран: Египта, Йемена, Сирии и Судана [Бирюков, 2024, с. 1780].

Кафала главным образом защищала местных работодателей, однако предоставляла необходимую защиту и рабочим, которые не знали языка, культурных особенностей принимающей страны и не имели социальной поддержки. Обязанностью спонсора было обеспечить их безопасность и благополучие. Тем не менее со временем дисбаланс отношений между работником и работодателем привел к злоупотреблениям в отношении рабочих. Например, система кафала устроена таким образом, что сохраняется низкий уровень конкуренции между фирмами, которым требуется рабочая сила. Поскольку работник не может перейти на другую работу с более высокой заработной платой, это дает работодателям возможность платить меньше⁷.

Хотя первоначально большинство рабочих приезжали из Египта и других

арабских стран, после нефтяного бума 1970-х годов предпочтение стало отдаваться неарабским рабочим, особенно из Южной Азии. Им было сложнее интегрироваться в принимающее общество, а работодателям и властям – проще контролировать. Исследователи отмечают, что в какой-то степени «ближневосточные монархии способствуют распространению идей ваххабизма во всём арабском мире» [Бирюков, 2024, с. 1780; Медушевский, 2017, с. 35]. Например, после возвращения египтян на родину был отмечен рост ваххабитских настроений в Египте.

Поток мигрантов возрос с развитием крупных мегаполисов (Дубай, Доха, Эр-Рияд и др.). Мигрантов из Пакистана, Индии, Бутана, Непала, Бангладеш и других стран нанимали для возведения небоскребов⁸.

В рассматриваемых странах, благодаря системе кафала, произошли существенные демографические изменения.

7 The Kafala System in the GCC // The Gazelle. – 2014. – March 15. – URL: <https://www.thegazelle.org/issue/issue-33/features/ke-fala-system> (дата обращения: 19.11.2024).

8 Gulf crisis: South Asian workers 'forgotten victims' in Qatar // Middle East Eye. – 2017. – June 14. – URL: <https://www.middleeast-eye.net/news/gulf-crisis-south-asian-workers-forgotten-victims-qatar> (дата обращения: 11.11.2024).

Число иммигрантов в странах Персидского залива растет с каждым годом (таблица 1). За последние полвека население региона Персидского залива увеличилось в 10 раз: иностранцев теперь больше, чем местных жителей, во всех государствах ССАГПЗ, за исключением Саудовской Аравии. В 2019 г. ОАЭ заняли второе место в мире по количеству международных мигрантов – 8,6 млн чел. (87,9% общей численности населения в 9,8 млн чел.)⁹.

Отношение к иностранным рабочим и их права

Как уже упоминалось, система спонсорства сопряжена с эксплуатацией работников. Она вызывает всё больше споры. Фактически отсутствующая система регулирования и защиты прав трудящихся-мигрантов зачастую приводит к плохим условиям труда, злоупотреблениям со стороны работодателя и низкой заработной плате. Отмечаются случаи расовой дискриминации и гендерного насилия¹⁰. Защитники прав трудящихся призывают реформировать систему или даже вовсе ее отменить; она подвергается критике со стороны таких организаций, как ЕС и ООН.

Страны, поставляющие рабочих, также выражают свое недовольство системой. Однако в то время как некоторые государства ограничивают или вовсе запрещают трудовую имми-

грацию в страны ССАГПЗ из-за плохих условий труда (например, Индонезия и Кения), другие страны активно ищут возможности трудоустройства для своих граждан (например, Бангладеш)¹¹.

Некоторые аналитики опасаются, что попытки запретить официальную трудовую миграцию приведут к росту нелегальной. Также эксперты отмечают, что фактическое «отсутствие политики интеграции и натурализации» очень часто приводит к увеличению нелегальной миграции, росту теневой экономики и социальной напряженности» [Тоганян, 2023, с. 34].

Отношение к рабочим из Южной Азии в странах Персидского залива является насущной проблемой между странами Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) и ССАГПЗ. Как уже говорилось, система спонсорства воспринимается многими правозащитными организациями как эксплуататорская из-за низкой зарплаты, плохих жилищных условий и практики изъятия паспортов и прочих документов у рабочих. В одном из докладов Международная организация труда назвала ее «современной формой рабства» из-за правовой безнаказанности спонсоров¹². Даже если случаи злоупотребления властью по отношению к рабочим и суровое обращение получают огласку, работодатели редко подвергаются наказанию¹³. В своем отчете за 2014 г. Международная конфедерация профсоюзов заявила, что чис-

9 Migration Information Source, Country Resources, United Arab Emirates // Migration Policy Institute. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/country-resource/united-arab-emirates> (дата обращения: 29.01.2025).

10 Migrant workers abused in UAE homes: rights group // Dawn. – 2014. – October 24. – URL: <https://www.dawn.com/news/1140010> (дата обращения: 22.11.2024).

11 More than 100 Bangladeshi migrant women 'abused and harassed' return home from Saudi Arabia // Independent. – 2019. – August 27. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/saudi-arabia-bangladesh-women-migrants-abuse-sexual-harassment-brac-a9080701.html> (дата обращения: 25.11.2024).

12 «These women are an example of modern day slavery» // ILO. – 2016. – May 19. – URL: <https://www.ilo.org/resource/news/these-women-are-example-modern-day-slavery> (дата обращения: 27.01.2025).

13 Trafficked, exploited, ransomed – Indian workers in the Gulf face new test // Reuters. – 2019. – September 30. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-gulf-labour/trafficked-exploited-ransomed-indian-workers-in-the-gulf-face-new-test-idUSKBN1WF03S/> (дата обращения: 26.11.2024).

ло поработанной домашней прислуги в странах Персидского залива достигает 2,4 млн чел., в основном это выходцы из Индии, Филиппин, Шри-Ланки и Непала¹⁴.

Отдельно стоит упомянуть влияние пандемии COVID-19, которая еще больше выявила уязвимость иностранных рабочих в странах Персидского залива¹⁵. Мигранты находятся в группе риска из-за недостаточного медицинского обслуживания, плохих жилищных условий и скученности¹⁶. Карантин увеличил риск заражения, мигранты составили большинство из более полу-миллиона случаев заражения COVID-19 в странах региона. Более того, сотни тысяч рабочих-мигрантов не получали зарплату или были депортированы из-за потери работы во время пандемии. По оценкам *Oxford Economics*, более 3,5 млн рабочих-мигрантов были вынуждены покинуть регион¹⁷.

Правительства стран Персидского залива были вынуждены пересмотреть некоторые аспекты системы спонсорства. Например, в Катаре, а также в других странах региона были приняты меры по улучшению положения мигрантов: был расширен доступ к бесплатному медицинскому обслуживанию¹⁸.

Стоит отметить, что система кафала находится в юрисдикции министерств внутренних дел, а не министерств тру-

да, поэтому рабочие зачастую не защищены трудовым законодательством принимающей страны. Это делает их уязвимыми, лишает базовых прав трудящихся, например, права на беспрепятственное вступление в профсоюз. После расторжения контракта работники обязаны покинуть страну, обычно на два-три года, прежде чем получают возможность заключить новый контракт¹⁹.

Следует подчеркнуть, что данная система наделяет частных лиц, а не государство, контролем над правовым статусом работников, поскольку вид на жительство и рабочая виза связаны, а спонсор может продлевать и прекращать их по желанию. Более того, Ближний Восток отстает в ратификации международных соглашений, защищающих наемных рабочих. Так, ни одна принимающая страна не ратифицировала Конвенцию МОТ в отношении прислуги, которая среди прочего обязывает устанавливать минимальную заработную плату, запрещает принудительный труд и требует обеспечивать достойные условия труда. Имеющиеся же в арабских странах законы по защите прав работников зачастую не соблюдаются, а проведенные некоторыми странами «коррекции носили лишь косметический характер» [Семёнов, 2023, с. 142].

14 The global plight of domestic workers: few rights, little freedom, frequent abuse // The Guardian. – 2015. – March 17. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2015/mar/17/global-plight-domestic-workers-labour-rights-little-freedom-abuse> (дата обращения: 15.11.2024).

15 Pandemic highlights the vulnerability of migrant workers in the Middle East // Brookings. – 2020. – September 17. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/pandemic-highlights-the-vulnerability-of-migrant-workers-in-the-middle-east/> (дата обращения: 11.11.2024).

16 Adapting to the new normal: Covid-19 and Pakistani workers in the Gulf // Middle East Monitor. – 2020. – November 9. – URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20201109-adapting-to-the-new-normal-covid-19-and-pakistani-workers-in-the-gulf/> (дата обращения: 12.11.2024).

17 The COVID-19 Pandemic Will Probably Not Mark the End of the Kafala System in the Gulf // The Center for Global Development. – 2020. – October 28. – URL: <https://www.cgdev.org/blog/covid-19-pandemic-will-probably-not-mark-end-kafala-system-gulf> (дата обращения: 01.11.2024).

18 Coronavirus Exposes the Epic Moral Failure of Gulf States // Haaretz. – 2020. – July 30. – URL: <https://www.haaretz.com/middle-east-news/2020-07-30/ty-article-opinion/premium/how-coronavirus-exposed-gulf-states-moral-failure/0000017f-e290-d75c-a7ff-fe9d80350000> (дата обращения: 01.11.2024).

19 The Kafala System in the GCC // The Gazette. – 2014. – March 15. – URL: <https://www.thegazette.org/issue/issue-33/features/ke-fala-system> (дата обращения: 19.11.2024).

Таблица 2. Права иностранных работников в принимающей стране на 2022 г.
Table 2. Foreign worker rights by host country in 2022

Разрешено	Бахрейн	Кувейт	Оман	Катар	КСА	ОАЭ
Вступление в профсоюзы или рабочие комитеты	да	в отдельных случаях*	да	в отдельных случаях*	нет	да
Смена работы или увольнение без разрешения работодателя	спустя 1 год*	спустя 3 года*	спустя 2 года	да	спустя 1 год (2 года для прислуги)	в отдельных случаях
Выезд из страны без разрешения работодателя	да	да	да	в большинстве случаев	да*	да
Установление минимальной заработной платы	нет	да	нет	да	нет	нет
Распространение трудового законодательства на прислугу	в отдельных случаях	нет	нет	нет	нет	в отдельных случаях
Заключение стандартного договора для всех работников	нет	нет	да	нет	да	да

Примечание: * за исключением прислуги.

Источник: данные MOT, цит. по: *What Is the Kafala System?* // Council on Foreign Relations. – 2022. – November 18. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/what-kafala-system> (дата обращения: 04.11.2024).

В результате в рамках системы кафаля работники сталкиваются с многочисленными злоупотреблениями, такими как²⁰:

- ограничение передвижения и связей с внешним миром: изъятие паспортов, виз и телефонов; запрет прислуге покидать дом нанимателя; содержание рабочих в переполненных общежитиях; отсутствие адекватного медицинского обслуживания;
- мошеннические практики: принуждение и обман со стороны рекрутеров при найме работников; подмена контракта; взимание с работников сборов за трудоустройство (за визу, авиабилеты и т. д.), которые должен оплачивать спонсор; увеличение нагрузки;

- отсутствие механизма разрешения споров и альтернативных схем компенсации: оставление рабочего места по любой причине без разрешения спонсора является уголовным преступлением;

- многомиллионная индустрия торговли визами: незаконная продажа спонсором визы работника другому работодателю, в результате чего трудящийся лишается документов; новый работодатель может не придерживаться прописанных в первоначальном контракте условий труда;

- отсутствие законного статуса резидента: легальность пребывания работника на территории принимающей страны полностью зависит от спонсора.

20 Why Do They Keep Coming? Labour Migrants in the Persian Gulf States // Academia. – URL: https://www.academia.edu/1766243/Why_Do_They_Keep_Coming_Labour_Migrants_in_the_Persian_Gulf_States (дата обращения: 28.11.2024).

В большинстве случаев работникам необходимо согласие спонсора для смены работы, прекращения трудовых отношений и въезда или выезда из страны (таблица 2). Трудящиеся-мигранты не считаются постоянными работниками, для их обозначения официально применяются термины «гастарбайтеры» или «иностранный рабочая сила».

Говоря о правонарушениях по отношению к африканским и южноазиатским рабочим, следует также упомянуть проявления расизма и дискриминации, с которыми они сталкиваются на рабочем месте²¹. Так, уровень зарплаты может зависеть от страны происхождения. Бывают случаи перевода рабочих-мигрантов на низкооплачиваемые должности, невзирая на уровень квалификации, только по причине их расовой принадлежности²². Также распространена дискриминация по половому признаку. Можно найти множество сообщений²³ об эксплуатации и плохом обращении по отношению к женщинам из числа прислуги, включая незаконную конфискацию паспортов, удержание зарплаты, 21-часовой рабочий день, а также психологическое, физическое и сексуальное насилие²⁴. Обращение за помощью сопряжено со значительными рисками, поэтому

жертвы зачастую предпочитают молчать, боясь реакции своих спонсоров или ложного обвинения. Опрошенные женщины, пережившие домашнее рабство, сообщали, что не обращались за помощью, поскольку не имели поддержки со стороны посольств, консульств, агентств по трудоустройству или полиции²⁵. Гендерные преступления против работников по системе кафала вызывают особое опасение ввиду их правовой незащищенности.

Отдельно стоит упомянуть о случаях использования рабочих для перевозки наркотиков. Мигранты в таких случаях не могут рассчитывать на адекватных юристов, переводчиков и консульскую помощь. Задержанные содержатся в тюрьмах и могут быть казнены согласно местным законам²⁶. Также бывали случаи массовой депортации рабочих-мигрантов по соображениям террористической безопасности²⁷.

Реформы системы кафала в отдельных странах

В 2009 г. *Бахрейн* стал первой страной в ССАГПЗ, заявившей об отмене системы кафала. По новому закону работников спонсирует государственное учреждение (Управление по регули-

21 Asian expats concerned at 'pervasive racism' // English Alarabiya. – 2014. – June 4. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2014/06/04/Asian-expats-concerned-at-pervasive-racism-> (дата обращения: 08.11.2024).

22 См.: Human Rights Council. Forty-fourth session. Racism, racial discrimination, xenophobia and related forms of intolerance, follow-up to and implementation of the Durban Declaration and Programme of Action. – 2020. – April 27. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g20/103/74/pdf/g2010374.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).

23 Например, см. расследование Human Rights Watch об ОАЭ: "I Already Bought You" – Abuse and Exploitation of Female Migrant Domestic Workers in the United Arab Emirates // Refworld. – 2014. – October 23. – URL: <https://www.refworld.org/reference/countryrep/hrw/2014/en/102083> (дата обращения: 26.11.2024).

24 "Every day I cry": 50 women talk about life as a domestic worker under the Gulf's kafala system // The Guardian. – 2024. – April 25. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2024/apr/25/kafala-labour-system-gulf-women-talk-about-life-as-a-domestic-worker-in-the-gulf> (дата обращения: 27.11.2024).

25 Disempowered, dehumanised, deported: Life under the kafala system // Walk Free's Global Slavery Index. – 2023. – URL: <https://www.walkfree.org/global-slavery-index/findings/spotlights/life-under-the-kafala-system/> (дата обращения: 13.11.2024).

26 Так, в Саудовской Аравии больше всего содержащихся в тюрьмах и казенных пакистанцев. См.: The time to demand Saudi Arabia to treat Pakistani workers properly is now // Dawn. – 2018. – October 1. – URL: <https://www.dawn.com/news/1436145> (дата обращения: 25.11.2024).

27 Например, в 2017 г. из КСА были высланы 40 тыс. пакистанцев. См.: Saudi Arabia 'deports 40,000 Pakistani workers over terror fears' // Independent. – 2017. – February 13. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-deports-40000-pakistan-workers-terror-fears-attacks-counter-terrorism-a7578151.html> (дата обращения: 25.11.2024).

рованию рынка труда), а не частные работодатели. Также они имеют право переходить на другую работу без согласия работодателя, а для увольнения требуется лишь уведомление за три месяца²⁸. В том же году организация *Human Rights Watch* доложила, что власти мало что делают для обеспечения контроля над соблюдением новых правил²⁹. В 2017 г. в стране были приняты «гибкие визы» для иностранных рабочих, лишившихся документов (как в ОАЭ), однако позже реформа была отменена³⁰.

В 2013 г. **Кувейт** принял закон о борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов, который запрещает торговлю людьми в целях сексуальной и трудовой эксплуатации и предусматривает наказание до 15 лет лишения свободы³¹. В 2016 г. эксперт ООН призвала Кувейт усилить меры по пресечению торговли людьми и эксплуатации прислуги; также было объявлено, что созданные приюты для пострадавших работников приняли уже 7 тыс. чел.³² Кроме того, Кувейт стал первой страной Персидского залива, установившей минимальную заработ-

ную плату для домашней прислуги; также парламент обязал работодателей оплачивать сверхурочные, предоставлять один выходной в неделю и 30 дней оплачиваемого отпуска. Это был знаменательный закон, поскольку на прислугу не распространяется действие Трудового кодекса³³. Также стоит упомянуть дипломатический кризис в 2018 г., когда Филиппины запретили своим гражданам работать в Кувейте после известия об убийстве филиппинской горничной своими работодателями³⁴. Ситуация усугубилась после случаев жестокого обращения с филиппинскими мигрантами, пытавшимися нелегально попасть в Кувейт. Стоит подчеркнуть, что Кувейт является основным источником денежных переводов для Филиппин³⁵. Для разрешения кризиса Кувейт оперативно принял закон, запрещающий изъятие паспортов, гарантирующий право на 12-часовой рабочий день с часовым перерывом и одним выходным в неделю и доступ к мобильному телефону³⁶.

В 2003 г. **Оман** наложил запрет на практику «одалживания» работни-

28 Three months after the Sponsorship system in Bahrain was «scrapped», what really changed? // Migrant-Rights.org. – 2009. – November 11. – URL: <https://www.migrant-rights.org/2009/11/three-months-after-the-sponsorship-system-in-bahrain-was-scrapped-what-really-changed/> (дата обращения: 18.11.2024).

29 Bahrain: Migrant Workers Denied Pay, Right to Travel // Human Rights Watch. – 2009. – November 11. – URL: <https://www.hrw.org/news/2009/11/04/bahrain-migrant-workers-denied-pay-right-travel> (дата обращения: 03.12.2024).

30 Bahrain ends its Flexi-Permit programme and announces labour reforms // Migrant-rights.org. – 2022. – October 16. – URL: <https://www.migrant-rights.org/2022/10/bahrain-ends-its-flexi-permit-program-and-announces-labour-reforms/> (дата обращения: 08.11.2024).

31 См.: Law No. 91 of 2013 Combating Trafficking in Persons and Smuggling of Migrants // Cyrilla. – URL: <https://cyrilla.org/en/entity/8qehqxlk2j8? page=1> (дата обращения: 19.11.2024).

32 UN expert urges Kuwait to redouble efforts to stop trafficking, exploiting domestic workers // UN news. – 2016. – September 14. – URL: <https://news.un.org/en/story/2016/09/539002-un-expert-urges-kuwait-redouble-efforts-stop-trafficking-exploiting-domestic> (дата обращения: 19.11.2024).

33 Kuwait sets minimum wage for domestic workers // Aljazeera. – 2016. – July 14. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/7/14/kuwait-sets-minimum-wage-for-domestic-workers> (дата обращения: 19.11.2024).

34 How a maid found dead in a freezer set off a diplomatic clash between the Philippines and Kuwait // www.washingtonpost.com. – 2018. – April 3. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2018/04/03/how-a-maid-found-dead-in-a-freezer-set-off-a-diplomatic-clash-between-the-philippines-and-kuwait/> (дата обращения: 20.11.2024).

35 What The Philippine Economy Stands To Gain From Its Kuwait Fallout // Forbes. – 2018. – May 7. – URL: <https://www.forbes.com/sites/richardheydarian/2018/05/07/duterte-vs-kuwait-is-it-time-for-filipino-overseas-workers-to-come-home/#609222e93459> (дата обращения: 20.11.2024).

36 Kuwait, Philippines sign deal to regulate domestic labour // The National. – 2018. – May 11. – URL: <https://www.thenationalnews.com/world/gcc/kuwait-philippines-sign-deal-to-regulate-domestic-labour-1.729506> (дата обращения: 20.11.2024).

ков другим работодателям³⁷. В 2020 г. было объявлено, что по истечении двух лет трудящиеся-мигранты могут менять работу без согласия своего спонсора. Ранее им был запрещен повторный въезд в страну на 2 года. По данным организации *Migrant Rights*, до этой реформы политика Омана в отношении передачи спонсорства была «самой жесткой в регионе»³⁸. Сравнивая практику кафала в Омане с практикой в других странах Персидского залива, следует отметить, что здесь система кафала была реформирована менее всего, особенно в отношении прислуги. По данным организации *Human Rights Watch*, правительство ничего не предпринимает для обеспечения соблюдения прав мигрантов³⁹.

В 2014 г. ООН призвал **Катар** заменить систему кафала регулируемым открытым рынком труда, который позволяет рабочим-мигрантам свободно менять работу и покидать страну. Также внимание мировой общественности к злоупотреблениям в рамках этой системы было привлечено во время Чемпионата мира по футболу *FIFA* в 2022 г., когда труд мигрантов широко использовался для строительства дорог и объектов для соревнования. Они работали при температуре выше 38°C, многим отказывали в перерывах на еду и питье, принуждали к труду и даже вовсе не платили. По сообщениям, это привело к гибели тысяч мигрантов [Ходжаян, 2022, с. 276]. Отреагировав на международную критику, Доха

в сотрудничестве с МОТ провела реформы, которые «устранили наиболее проблемные аспекты» системы кафала. Была отменена необходимость работнику получать разрешение спонсора на выезд из страны, установлена стандартная минимальная заработная плата и увеличен штраф для работодателей за задержку выплат⁴⁰. В 2020 г. Катар повысил ежемесячную минимальную зарплату с 750 до 1000 риалов, а также отменил обязательное разрешение от спонсора для смены работы трудящегося-мигранта⁴¹. Стоит отметить, что в отличие от других стран региона у реформ была мощная поддержка в лице местных НПО, МКП и государственных лиц. Тем не менее критики системы кафала утверждают, что реформы должны быть более масштабными, что они не равносильны ее отмене и на практике плохо реализуются.

В 2020 г. **Саудовская Аравия** объявила о реформировании своего трудового законодательства в рамках программы «Видение 2030». В 2021 г. было разрешено трудящимся-мигрантам покидать страну и менять работу без согласия спонсора при соблюдении определенных условий (им всё так же требуется разрешение правительства на выезд) [Аршин, 2021, с. 100]. Ранее была введена дорогая «золотая виза», которая в меньшей степени ограничивает работников. Тем не менее независимая организация по правам человека *Human Rights Watch* заявила, что реформ недостаточно, а прислу-

37 Kafala System // Byju's. – URL: <https://byjus.com/current-affairs/kafala-system/> (дата обращения: 07.11.2024).

38 Oman eases restrictions on sponsorship transfer // Migrant-rights.org. – 2020. – June 8. – URL: <https://www.migrant-rights.org/2020/06/oman-eases-restrictions-on-sponsorship-transfer/> (дата обращения: 27.11.2024).

39 Kafala System Continues to Entrap Workers, Despite Reforms // Fanack Chronicle of the Middle East & North Africa. – 2023. – January 23. – URL: <https://fanack.com/human-rights/migrant-labour-in-the-middle-east/kafala-system-continues-to-entrap-workers-despite-reforms/> (дата обращения: 25.11.2024).

40 Cm: ILO. Labour reforms in the State of Qatar. Coming together around a shared vision. – URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@arabstates/@ro-beirut/@ilo-qatar/documents/publication/wcms_859843.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

41 Qatar sets minimum wage, removes NOC for changing jobs. // The Peninsula. – 2020. – August 30. – URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/30/08/2020/Qatar-sets-minimum-wage,-removes-NOC-for-changing-jobs> (дата обращения: 12.11.2024).

га и работники фермерских хозяйств, на которых не распространяется трудовое законодательство, по-прежнему уязвимы⁴². Также это единственная страна, которая предоставляет привилегии работникам, долгое время проживающим на ее территории, и уделяет внимание второму поколению мигрантов. КСА даже предоставляет гражданство при условии свободного владения письменным и устным арабским языком, приверженности исламу, наличия высшего образования, проживания в стране не менее 10 лет, а также оплаты крупной пошлины⁴³.

В ОАЭ количество иностранной трудовой силы составляет 90%⁴⁴. В 2015 г., после расследования организацией *Human Rights Watch* многочисленных нарушений в отношении прислуги, в стране был введен указ № 766 [Юрков, 2015, с. 152], который позволяет работнику расторгнуть контракт без потери иммиграционного статуса в случае несправедливого отношения работодателя⁴⁵. В 2017 г. был принят законопроект, призванный привести трудовое законодательство в соответствие с требованиями МОТ о достойных условиях труда домашней прислуги, предоставив им равную с прочими рабочими защиту прав трудящихся⁴⁶. Во время пандемии COVID-19 было объявлено о создании новой платформы вирту-

ального рынка труда для найма сотрудников из других компаний, у которых есть избыток иностранных рабочих⁴⁷. В 2022 г. был введен новый закон, призванный защитить права прислуги, работодателей и кадровых агентств; он также предусматривает ряд денежных штрафов для работодателей вплоть до 10 млн дирхамов за найм работника без лицензии⁴⁸. В стране также имеются «гибкие визы» для мигрантов, которые лишились документов.

Польза системы кафала и ее будущее

Несмотря на масштабную критику системы спонсорства, она приносит определенную пользу не только принимающей стране. Невзирая на угрозу эксплуатации, многие люди соглашаются на работу по системе кафала из-за более высокой оплаты труда, чем в их родных странах. Как отмечает Всемирный банк, денежные переводы домой могут помочь сократить уровень бедности в странах с низким и средним уровнем дохода. В 2017 г. из региона арабских государств было переведено около 124 млрд долл., а в 2019 г. Саудовская Аравия (около 44 млрд долл.), ОАЭ (около 42 млрд долл.) и Кувейт (около 16 млрд долл.) вошли в топ-10 стран-источников денежных перево-

42 Saudi Arabia: Labor Reforms Insufficient // Business & Human Rights Resource Centre. – 2021. – March 20. – URL: <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/saudi-arabia-labor-reforms-insufficient/> (дата обращения: 11.11.2024).

43 Saudi Arabia Citizenship: Understanding the Path to Naturalization // Wirestork. – 2025. – January 24. – URL: <https://wirestork.com/saudi-arabia-citizenship/> (дата обращения: 27.01.2025).

44 Labor Migration in the United Arab Emirates: Challenges and Responses // Migration Policy Institute. – 2013. – September 18. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/labor-migration-united-arab-emirates-challenges-and-responses> (дата обращения: 05.11.2024).

45 Getting a work and residency permit // The Official Portal of the UAE Government. – URL: <https://uae/en/archived-content/residence-visa/getting-a-work-and-residency-permit> (дата обращения: 27.11.2024).

46 UAE: Domestic Workers' Rights Bill A Step Forward // Human Rights Watch. – 2017. – June 7. – URL: <https://www.hrw.org/news/2017/06/07/uae-domestic-workers-rights-bill-step-forward> (дата обращения: 04.12.2024).

47 Coronavirus Exposes the Epic Moral Failure of Gulf States // Haaretz. – 2020. – July 30. – URL: <https://www.haaretz.com/middle-east-news/2020-07-30/ty-article-opinion/premium/how-coronavirus-exposed-gulf-states-moral-failure/0000017f-e290-d75c-a7ff-fe9d80350000> (дата обращения: 01.11.2024).

48 New UAE domestic worker law comes into effect // The National. – 2022. – December 15. – URL: <https://www.thenationalnews.com/uae/government/2022/12/15/new-uae-domestic-worker-law-comes-into-effect/> (дата обращения: 26.11.2024).

дов⁴⁹. Согласно исследованию МОТ, система кафала также создает большое количество рабочих мест в таких секторах, как сельское хозяйство, нефтегазовая промышленность, транспорт и гостиничный бизнес. Однако большая часть трудящихся-мигрантов занята в сфере обслуживания и строительства. Некоторые эксперты считают, что упрощенный легальный въезд в регион способствует сокращению контрабанды людей⁵⁰.

Несмотря на то, что за последнее десятилетие недостатки системы стали всё более очевидными, ее будущее остается неясным. Препятствия к улучшению системы всё еще сохраняются. С 2009 г. в принимающих странах проводятся реформы, наиболее масштабные – в Кувейте, Бахрейне и Катаре. Многие страны ввели стандартное трудовое соглашение, разрешили работникам беспрепятственно менять работу по истечении определенного периода времени и смягчили ограничения на выезд из страны. Некоторые эксперты считают, что проводимые реформы и смягчение системы демонстрируют, что страны, поставляющие рабочую силу, стали больше внимания уделять своим гражданам, трудящимся по системе кафала. Так, Филиппины предоставляют возможность своим работникам подавать жалобы в посольства и искать убежища в организованных в принимающих странах приютах⁵¹.

В данном контексте следует подчеркнуть, что МОТ призвала к введению альтернативной политики и представила список рекомендаций по реформам, среди которых можно выделить следующие пункты: Министерство труда должно стать высшим органом, координирующим сотрудничество между рабочими-мигрантами и работодателями; надлежит ввести положение о рабочей визе, которая позволит мигрантам въезжать и выезжать из страны по собственному желанию; должна быть гарантирована свобода передвижения; работодатели, изымающие паспорта и мобильные телефоны работников, должны подвергаться наказанию и штрафу; и т.д. Главным требованием является реализация конвенций МОТ: C097 о трудовой миграции (пересмотренная) 1949 г.⁵², C143 о трудящихся-мигрантах (дополнительные положения) 1975 г.⁵³, C181 о частных агентствах занятости 1997 г.⁵⁴ и C189 о достойном труде для прислуги 2011 г.⁵⁵ Также существует необходимость в большей поддержке рабочих со стороны посольств, агентств по трудоустройству и полиции.

Система кафала и патентная система в России

Нельзя не сравнить систему кафала в странах Персидского залива и систему патентов в России. В первую очередь стоит отметить разницу в мен-

49 EXPLAINER: Five reasons why it's hard to stop migrant abuse in the Gulf // Thomson Reuters Foundation News. – 2021. – October 21. – URL: <https://news.trust.org/item/20211021095547-uv9m8> (дата обращения: 23.01.2025).

50 What Is the Kafala System? // Council on Foreign Relations. – 2022. – November 18. – URL: <https://www.cfr.org/background-er/what-kafala-system> (дата обращения: 04.11.2024).

51 Ibid.

52 См.: C097 – Migration for Employment Convention (Revised), 1949 (No. 97) // UN.org. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/ILO_C_097.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

53 См.: C143 – Migrant Workers (Supplementary Provisions) Convention, 1975 (No. 143) // UN.org. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/ILO_C_143.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

54 См.: C181 – Private Employment Agencies Convention, 1997 (No. 181) // Normlex ILO. – URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/?p=NORMLEXPUB:12100:0:NO:P12100_INSTRUMENT_ID:312326 (дата обращения: 20.12.2024).

55 См.: C189 – Domestic Workers Convention, 2011 (No. 189) // UN.org. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/ILO_C_189.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

талитете принимающих сторон: так, страны Персидского залива не ставят перед собой задачу дать гражданство гастарбайтерам, в России же относятся к рабочим-мигрантам из центральноазиатских республик как к бывшим гражданам СССР. Тем не менее общество этих стран в большой степени опирается на иностранную рабочую силу в определенных отраслях. Кроме того, в России иная система заключения контракта на работу на территории страны. Граждане стран, с которыми у России действует безвизовый режим, оформляют патент, дающий право на легальную работу. При этом гражданам стран – членов ЕАЭС данный документ не требуется: для них установлен упрощенный порядок трудоустройства. Патентная система выгодна обеим сторонам трудовых отношений: работодатель может быть уверен в сотруднике, поскольку тот имеет легальный статус, проходит проверку правоохранительными органами и медосмотр; рабочий-мигрант не прикреплен к конкретному работодателю (однако имеет право на работу только в указанном регионе) и имеет те же трудовые права, что и граждане. Охрана труда, оплачиваемый отпуск и продолжительность рабочего дня регламентируются Трудовым кодексом Российской Федерации. Стоимость патента рассчитывается в зависимости от региона и продолжительности работы⁵⁶. Рабочий-мигрант даже может привезти в страну свою семью, которая также будет иметь доступ ко всем видам социального обеспече-

ния, а также достаточно быстро получить гражданство.

Тем не менее у российской миграционной системы имеются также и негативные стороны. Многие мигранты уходят работать в «серую зону», поэтому существует тенденция к снижению количества оформляемых патентов. Они официально не регистрируются, работают на предприятиях, принадлежащих мигрантам; налоги они, соответственно, тоже не платят. Оформление справок для выдачи патента и сертификатов для получения гражданства зачастую происходит через коррупционные схемы⁵⁷. Звучат мнения, что мигранты (более 10 млн чел.), большая часть которых занята на неквалифицированных работах, тормозят технологическое развитие в российской экономике⁵⁸. Часть гастарбайтеров не соблюдает российские законы. Так, глава Следственного комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин заявил о росте преступлений, совершаемых мигрантами, и призвал к изменению миграционной политики⁵⁹. Как уже было сказано, многие мигранты привозят в страну свои семьи. Их дети, не знающие или плохо знающие русский язык, ходят в российские школы, что дестабилизирует процесс обучения. Как сказал патриарх Кирилл, «...непропорциональное замещение коренного населения мигрантами – носителями иного цивилизационного кода, иного исторического опыта – может привести к критическому культурному дисбалансу в нашей стране.

56 Патент на работу для иностранных граждан: получение, стоимость, продление // РБК. – 2024. – 28 августа. – URL: <https://www.rbc.ru/base/28/08/2024/66cdd5409a79478511b490d1#toc-b490d1-1> (дата обращения: 23.12.2024).

57 Для миллионов гастарбайтеров Россия стала «серой зоной» // Росмигрант. – 2022. – 27 октября. – URL: <https://rosmigrant.ru/press-center/news/novosti/dlya-millionov-gastarbajterov-rossiya-stala-seroy-zonoy/> (дата обращения: 29.01.2025).

58 Мигранты тормозят экономическое развитие России // Завтра. – 2023. – 26 декабря. – URL: https://zavtra.ru/blogs/migranti_tormozyat_ekonomicheskoe_razvitiye_rossii (дата обращения: 29.01.2025).

59 Александр Бастрыкин: Число тяжких преступлений среди мигрантов выросло // Парламентская газета. – 2024. – 27 июня. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/aleksandr-bastrykin-chislo-tyazhkih-prestupleniy-sredi-migrantov-vyroslo.html> (дата обращения: 29.01.2025).

Это несет несомненную угрозу Русскому миру, ценностным ядром которого является православие. Не секрет, что мигрантскую среду не оставляют без внимания те, кто проповедуют идеи радикального исламизма, экстремизма, представляющие прямую угрозу российской государственности»⁶⁰.

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что трудовые мигранты в России находятся в несравненно более выгодном положении, чем работники по системе кафала в странах Персидского залива, поскольку они защищены законом и патентная система не накладывает на них ограничения спонсорской системы. Однако некоторые аспекты миграционных процессов в России вызывают беспокойство общественности и должностных лиц. В то же время жесткие ограничения в арабских странах направлены на поддержание внутренней стабильности и недопущение распространения чужеродных идеологий.

Заключение

Необходимо отметить, что в некоторых странах региона до сих пор существует сильное сопротивление масштабным реформам из-за экономических выгод системы кафала. По мнению некоторых экспертов, ее упразднение может быть экономически разрушительным не только для принимающей стороны, поскольку экономика стран происхождения во многом зависит от поступающих денежных переводов; кроме того, они считают, что система приносит пользу местному бизнесу и способствует его развитию. Другие же эксперты, напротив, счита-

ют систему неэффективной, утверждая, что она тормозит экономическое развитие принимающих стран. В 2014 г. экономист Всемирного банка Захид Хусейн писал, что принимающие страны должны меньше полагаться на систему спонсорства и вместо этого стремиться диверсифицировать свою экономику, уделяя больше внимания отраслям, основанным на использовании высококвалифицированного труда⁶¹. Кроме того, прибегая к системе кафала, богатые арабские страны фактически формируют иждивенческие настроения среди своей молодежи, которая не хочет браться за определенную работу. Например, в КСА бывали случаи, когда молодые саудовцы, которых обстоятельства вынуждают взяться за неуютную им работу, нанимают мигранта, который работает вместо него.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что многие наблюдатели, в том числе из МКП, выступают за полную отмену системы кафала, утверждая, что реформ недостаточно и никогда не будет достаточно. Несмотря на все усилия по реформированию, отношение к иностранным рабочим, по сути, не меняется. Проводимые журналистские расследования и новостные сообщения показывают, что старые порядки сохраняются, заманивая иностранных рабочих в ловушку. В самом плохом положении остается домашняя прислуга, случаи злоупотреблений и насилия против которой распространены больше всего. По мнению автора данной статьи, полное упразднение устоявшейся системы кафала может негативно сказаться на экономической ситуации и вызвать социальную нестабильность; необходимо учитывать

60 Патриарх Кирилл заявил об угрозе русскому миру из-за проблемы с мигрантами // РИА Новости. – 2024. – 28 ноября. – URL: <https://ria.ru/20241128/migranty-1986179331.html> (дата обращения: 30.01.2025).

61 Kafala neither guarantees nor cares: guest workers in the Gulf // World Bank. – 2014. – April 24. – URL: <https://blogs.worldbank.org/en/endpovertyinsouthasia/kafala-neither-guarantees-nor-cares-guest-workers-gulf-0> (дата обращения: 19.12.2024).

особенности менталитета местного населения, образ жизни и исторический контекст вопроса. Тем не менее существует насущная необходимость в проведении дальнейших реформ, особенно в странах с наиболее жесткими ограничениями (например, в Омане), а также в усилении контроля над соблюдением работодателями требований по обращению с рабочими по системе кафала. Кроме того, работники должны получать большую поддержку со стороны своих посольств и агентств по найму в сложных ситуациях и иметь возможность рассчитывать на справедливое отношение со стороны местных правоохранительных и судебных органов.

Список литературы

- Аршин К.В. Миграционная политика Саудовской Аравии в свете программы реформ «Видение: 2030» // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 92–103. – DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-92-103.
- Бирюков Е.С. Аравийские монархии как центр трудовой миграции и их миграционная политика // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 11. – С. 1775–1790. – DOI: 10.18334/et.11.11.122105.
- Жилина И.Ю. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 в монархиях Персидского залива: год спустя // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 3 (47). – С. 53–74. – DOI: 10.31249/espr/2021.03.03.
- Медушевский Н.А. Миграция в Саудовскую Аравию: социальный и религиозный вопросы (2011–2017 гг.) // Исламоведение. – 2018. – Т. 9, № 1 (35). – С. 29–41. – DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-29-41.
- Семёнов И.А. Миграционная политика стран – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: общие и специфические черты // Актуальные вопросы миграции и возможности межрегионального международного сотрудничества : сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2023. – С. 140–148.
- Тоганян А.С. Миграционные процессы и регулирование трудовой миграции в региональных интеграционных объединениях на примере ССАГПЗ // Современная экономика: проблемы и решения. – 2023. – № 6 (162). – С. 29–39. – DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/6/29-39.
- Ходжаян Ю.А. Система найма «кафала» на примере подготовки к чемпионату по футболу 2022 года в Катаре // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Т. 2. – Курск, 2022. – С. 275–277.
- Юрков Д.В. Миграционная политика Объединенных Арабских Эмиратов: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 150–155.
- Miers S. Slavery in the Twentieth Century: The Evolution of a Global Problem. – Walnut Creek, Lanham, New York, Oxford : AltaMira Press, 2003. – 496 p.

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.07

Foreign Labor in the Gulf Countries: Examining the Kafala System

Ksenia E. ATAMALI

Researcher at the Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: mrsxeniya@ya.ru

ORCID: 0009-0003-2216-724X

CITATION: Atamali K.E. (2025). Foreign Labor in the Gulf Countries: Examining the Kafala System. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 107–123 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.01.07

Received: 28.12.2024.

Revised: 31.01.2025.

ABSTRACT. *This article examines the kafala system, which governs labor relations between employers and migrant workers in the Arab countries of the Persian Gulf. It provides an in-depth analysis of migrant working conditions, the rights of foreign laborers, employer attitudes towards ‘guest workers,’ and the various national reforms aimed at modifying the system. Additionally, the article offers a historical overview of the sponsorship system and its evolution over time. Further, it presents expert perspectives on the future trajectory of the kafala system, alongside the official positions of key international institutions, including the International Labor Organization (ILO), the International Trade Union Confederation (ITUC), and prominent human rights organizations. The study concludes with a comparative analysis of the kafala system in Gulf Cooperation Council (GCC) countries and the patent system in Russia. Despite sustained advocacy from international organizations for the abolition of the kafala system, significant obstacles persist. Existing reforms remain insufficient, as migrant workers – particularly domestic laborers –*

continue to face harsh working conditions and widespread abuse. The article ultimately argues that further structural reforms are imperative, alongside the establishment of a robust oversight mechanism to ensure compliance with new labor laws protecting foreign workers. Moreover, it underscores the necessity of enhanced institutional support for migrants, including greater assistance from embassies and employment agencies.

KEYWORDS: *the kafala system, sponsorship system, labor migration, modern slavery, Gulf States, GCC, UAE, Saudi Arabia, Qatar, Kuwait, Bahrain, Oman, migrants’ rights, labor protection, reforms of labor laws.*

References

Arshin K. (2021). Saudi Arabia Migration Policy in the Light of the “Vision 2030”. *Journal of Political Research*. Vol. 5, no. 1, pp. 92–103 (in Russian). DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-92-103.

Biryukov E.S. (2024). The Arabian Monarchies as the Center of Labor Immi-

gration and Their Migration Policy. *Russian Journal of Labor Economics*. Vol. 11, no. 11, pp. 1775–1790 (in Russian). DOI: 10.18334/et.11.11.122105.

Khojayan Yu.A. (2022). Kafala Recruitment System on the Example of Preparation for the 2022 Football Championship in Qatar. *Research of the Innovative Potential of Society and Formation of Directions of Its Strategic Development*. Collection of scientific papers of the 12th All-Russian scientific and practical conference with the international participation. Vol. 2. Kursk, pp. 275–277 (in Russian).

Medushevsky. N.A. (2018). Migration to Saudi Arabia: Social and Religious Aspects (2011–2017). *Islamovedenie*. Vol. 9, no. 1 (35), pp. 29–41 (in Russian). DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-29-41.

Miers S. (2003). *Slavery in the Twentieth Century: The Evolution of a Global Problem*. Walnut Creek, Lanham, New York, Oxford: AltaMira Press, 496 pp.

Semenov I. (2023). Migration Policy of the Member States of the Cooperation

Council for the Arab States of the Persian Gulf: General and Specific Features. *Topical Issues of Migration and Opportunities for Interregional International Cooperation*. Collection of papers based on the results of the International scientific and practical conference. Tyumen, pp. 140–148 (in Russian).

Toghanyan A.S. (2023). Migration Processes and Regulation of Labor Migration in Regional Integration Associations on the Example of the GCC. *Modern Economics: Problems and Solutions*. No. 6 (162), pp. 29–39 (in Russian). DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/6/29-39.

Yurkov D.V. (2015). Migration Policy of the United Arab Emirates: Problems and Prospects. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. No. 4, pp. 150–155 (in Russian).

Zhilina I.Yu. (2021). Socio-Economic Effects of the Coronavirus Pandemic in the Gulf Monarchies: One Year Later. *Economic and Social Problems of Russia*. No. 3 (47), pp. 53–74 (in Russian). DOI: 10.31249/espr/2021.03.03.

В национальном разрезе

УДК 332.14(1*BR)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.08

Региональная экономическая политика Бразилии: опыт экономического подъема периферийных штатов

Иван Дмитриевич ГЛУХОВ

научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ivguerreirodapaz@gmail.com

ORCID: 0009-0001-2252-533X

ЦИТИРОВАНИЕ: Глухов И.Д. Региональная экономическая политика Бразилии: опыт экономического подъема периферийных штатов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 124–145.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.08

Статья поступила в редакцию 13.02.2025.

Исправленный текст представлен 05.03.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются структура и содержание региональной экономической политики Бразилии. Приводится краткий исторический обзор подходов бразильских властей к региональному развитию с середины XIX до начала XXI в. Рассмотрена дискуссия ведущих бразильских исследователей о причинах неравномерности регионального развития «тропического гиганта». Проанализированы основные характеристики и результаты Национальной политики регионального развития Бразилии, реализуемой с 2007 г. и прошедшей значительные качественные трансформации в 2019 и 2024 гг. Сделан вывод о том, что многолетние аналитические изыскания и статистические наблюдения Бразильского института географии и статистики вкуне с координацией усилий региональных

и федеральных властей и значительными бюджетными и частными вложениями позволили добиться успехов в развитии отдельных штатов Центрально-Западного региона Бразилии, а также смягчить остроту тяжелого социально-экономического положения на северо-востоке страны и в штатах бразильской Амазонии. Показано, что с идейно-ценностной точки зрения эффективное использование регионального разнообразия воспринимается бразильскими учеными и политическими деятелями в качестве одного из ведущих проектов развития «тропического гиганта».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональное развитие, неравномерность экономического развития, Бразилия, социально-экономическое положение, Глобальный Юг.

Введение

Бразилия исторически обладает обширной и неравномерно развитой территорией. Подобное положение предопределено климатическим и географическим разнообразием. На севере и северо-западе страны расположены тропические леса Амазонии, освоение которых и сегодня представляет собой весьма непростую задачу, требующую сочетать хозяйственную деятельность и инфраструктурное строительство с сохранением биоразнообразия и целостности уникальной экосистемы, имеющей общемировое значение.

На северо-востоке страны расположена зона сухих лесов, известных под названием *каатинга*. Несмотря на то, что эти земли хороши для пастбищного скотоводства, они чрезвычайно засушливы и требуют поддержания и обновления обширной ирригационной системы вокруг ключевой водной артерии – реки Сан-Франсиску.

Наиболее развитые районы северо-востока Бразилии сосредоточены вокруг крупных городов, расположенных на атлантическом побережье.

Центральную часть страны занимает тропическая саванна, называемая *серраду*. Несмотря на необычайное биоразнообразие и пригодность земель серраду для сельского хозяйства, бразильцам потребовалось порядка полутора веков для организации эффективного экономического использования этих территорий.

Ряд крупных городских агломераций Бразилии, включая Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Куритиба, Порту-Алегри, расположены на юге и юго-востоке страны. Вокруг города Сан-Паулу, деловой столицы Бразилии, сформировался крупный промышленный кластер – логистический узел, имеющий общенациональное значение.

На юго-западе страны (штаты Мату-Гросу и Мату-Гросу-ду-Сул) на границе с Боливией и Парагваем находится одна из крупнейших заболоченных территорий нашей планеты, известная под названием *пантанал*.

На землях штата Мату-Гросу во второй половине XX – начале XXI в. произошло стремительное развитие аграрной промышленности, составляющей сегодня основу бразильской экономики и позволяющей Бразилии позиционировать себя в качестве одной из ведущих сил, от которой зависит продовольственная безопасность всего Глобального Юга.

Краткий исторический обзор региональной политики Бразилии

Первые планы по развитию транспортной инфраструктуры и повышению логистической связанности различных регионов Бразилии были разработаны еще во времена Бразильской империи. К ним относятся план Ребелу (1838), план Мораеса (1869) и план Рамоса де Кейроза (1882), которые предполагали построение логистических цепочек, соединяющих крупнейшие города Бразилии с помощью железных и грунтовых дорог и речного сообщения [*Португал, да Силва*, 2020]. Следует отметить, что все эти планы были реализованы лишь частично в связи с их большой сложностью и нехваткой финансирования.

К началу XX в. во времена Первой Бразильской республики правительство Бразилии определило в качестве приоритетной задачи борьбу с засухами в штатах северо-востока страны (Баия, Сержипи, Алагоас, Пернамбуку, Параиба, Риу-Гранди-ду-Норти, Сера и Пиауи). Данная политика была продолжена и правительством Ж. Варгаса. Именно к этому периоду, к 1930–

1950-м годам, относится организация работ по использованию вод реки Сан-Франсиску для ирригации засушливых земель [Политика..., 2024].

В середине XX в. были созданы первые институты планирования регионального развития, а именно Управление по оценке экономического потенциала Амазонии (SPVEA), Национальное управление по борьбе с засухой (DNOCS), Банк развития северо-восточных регионов Бразилии (BNB) и Национальный банк экономического развития (BNDE). Бразильские исследователи отмечают [Региональная..., 2011], что данные учреждения действовали изолированно, без четко определенных целей и зачастую шли на поводу у руководства отдельных регионов Бразилии, что не способствовало преодолению социально-экономического неравенства. Государственная политика середины XX в. предусматривала дальнейшую индустриализацию с целью замещения импорта иностранной продукции. Согласно экономическим концепциям того времени, основные государственные инвестиции направлялись в регионы, уже обладавшие развитой промышленностью, что усугубляло диспропорции в социально-экономическом положении регионов Бразилии.

В период военной диктатуры (1964–1985) институты планирования регионального развития были централизованы, однако дублирование функций и отсутствие координации между ними не было преодолено. Наибольших успехов в 1960-е годы добилась рабочая группа по развитию северо-востока Бразилии (GTDN) под руководством бразильского экономиста С. Фуртаду [Региональная..., 2011].

Военное правительство уделяло основное внимание борьбе с инфляцией, созданию инфраструктуры и дальней-

шему наращиванию промышленных мощностей. Проблемы регионального развития в этот период отошли на второй план. В 1980-е годы проводилась политика так называемых экспортных коридоров, которая была ориентирована на внешнюю торговлю и привела к развитию зон производства и отправки продукции, составлявшей важнейшие статьи экспорта. При этом развитие регионов страны, не вовлеченных в основные цепочки экспортных поставок, замедлилось. Политика создания так называемых центров экономического роста на северо-востоке и в центральных регионах Бразилии, а также в Амазонии породила дополнительные диспропорции экономического развития, социальные и экологические проблемы [Гонсалвес, Галвао, Карлос, 2003].

После прихода к власти в 1985 г. демократического правительства и принятия Конституции Бразилии 1988 г. развернулась широкая экспертная дискуссия об особенностях регионального планирования. Либеральные экономические круги, считавшие региональное планирование государственным вмешательством в рыночные процессы, смогли убедить новое руководство Бразилии в собственной правоте [Пике, Рибейро, 2008].

Построение целостного общегосударственного проекта регионального развития было затруднено и положениями Конституции 1988 г., согласно которым штатам и муниципалитетам была возвращена широкая автономия в области экономического планирования. При этом схема сотрудничества между различными муниципалитетами и штатами не была структурирована [Кардозу Жуниор, 2018].

Недостатки подходов 1980–1990-х годов стали очевидны экспертным и руководящим кругам к концу второго президентского срока Ф.Э. Кардозу

(1998–2002), когда появился первый национальный проект развития страны «Бразилия в действии». Однако региональное экономическое планирование получило соответствующее политическое и институциональное оформление лишь во время первого президентского срока Л. Лулы да Силвы. В 2004 г. была принята Национальная политика регионального развития (PNDR), которая получила законодательное оформление лишь 3 года спустя.

Дискуссия о неравномерности регионального развития Бразилии

Причины возникновения диспропорций в региональном развитии активно обсуждаются в бразильском экспертном сообществе. Интерес представляют авторские подходы профессора географии Федерального университета Флуминенсе (штат Рио-де-Жанейро) Р. Морейры и известного бразильского экономиста С. Фуртаду, занимавшего в разные периоды посты министра государственного планирования и министра культуры Бразилии.

По мнению Р. Морейры, в колониальный период хозяйственная деятельность в первую очередь зависела от конкретных природных условий (например, от геоботанического состава), поэтому регионы Бразилии в тот период были скорее похожи на разрозненные пространства, которые объединяло лишь существование единого колониального предприятия португальской короны [Морейра, 2020]. Зарождение промышленности в 1880-е годы, согласно Р. Морейре, позволило преодолеть колониальную экономическую структуру и привело к территориальному разделению труда. К середине XX в. Бразилия наконец достигла общегосударственной нацио-

нальной интеграции, что, однако, привело к концентрации промышленных производств в штате Сан-Паулу и вокруг него и резко выделило его на фоне остальных регионов Бразилии. Таким образом, Р. Морейра связывает проблему регионального неравенства Бразилии с дифференциацией, вызванной промышленной, а впоследствии финансовой сверхконцентрацией в регионах юга и юго-востока страны [Португал, да Силва, 2020].

В свою очередь бразильский экономист С. Фуртаду высказывает в своих работах мнение о том, что региональное неравенство возникло в первой половине XX в. в ходе индустриализации Бразилии. До этого времени регионы страны оставались разобщенными, демонстрируя различные показатели промышленного и сельскохозяйственного роста в зависимости от наблюдаемых экономических циклов. С точки зрения С. Фуртаду, возникновение бразильского национального рынка воспроизвело общемировую схему географического разделения труда, для которой было характерно наличие развитых метрополий и сырьевых колоний. По мере развития бразильского рынка и национальной промышленности региональное неравенство внутри Бразилии усиливалось [Фуртаду, 2007].

С. Фуртаду отмечал, что региональное неравенство – это часть процесса структурной деформации, в котором пересекаются экономические, экологические, социальные и политические аспекты. Корни структурной отсталости штатов северо-востока Бразилии лежат в архаичных структурах власти и специфической концентрации доходов, возникшей в ходе исторического процесса. Данные штаты находятся на разных уровнях развития и отличаются значительной социальной неоднородностью [Фуртаду, 2007].

Методология и структура Национальной политики регионального развития Бразилии

С точки зрения административно-территориального деления Бразилия подразделяется на 27 субъектов Федерации (26 штатов и 1 федеральный округ), в состав которых, в свою очередь, входят 5570 муниципалитетов. Данная система показала себя относительно эффективной для государственного управления, однако она не отражает экономических реалий, необходимых для сбора статистической информации.

В связи с этим Бразильский институт географии и статистики (*IBGE*, Институт) при анализе данных, собираемых по всей стране, применяет особое статистическое деление. Согласно этому делению, Бразилия подразделена на пять больших регионов: Северный, Северо-Восточный, Центральнo-Западный, Юго-Восточный и Южный. Для целей анализа в 1989–2017 гг. большие регионы разделялись на мезо- и микрорегионы. Специалисты *IBGE* подразделяли территорию Бразилии на 137 мезорегионов и 558 микрорегионов. Именно микрорегиональное деление легло в основу методологии, применявшейся в первые 15 лет реализации Национальной политики регионального развития.

В 2017 г. в связи с ростом уровня урбанизации и значительными изменениями в экономической структуре регионов Бразилии, произошедшими с 1989 г., специалисты *IBGE* предложили обновленный формат статистического деления территории, дополненный специальной кодировкой,

упрощающей классификацию статистической информации. По новой системе Бразилия условно разделена на 510 «непосредственных географических регионов», которые сгруппированы в 133 «промежуточных географических региона» (22 составляют большой Северный регион, 42 – Северо-Восточный, 15 – Центральнo-Западный, 33 – Юго-Восточный, 21 – Южный) [Региональное деление..., 2017].

При подготовке Национальной политики регионального развития правительство Бразилии обратилось к *IBGE*. Для получения необходимых данных сотрудниками Института были проанализированы результаты переписей населения 1991 и 2000 гг., а также произведены оценки ВВП муниципалитетов Бразилии. Собранные сведения необходимы для понимания динамики распределения населения по территории Бразилии, определения уровня средних доходов населения, а также показателей экономической динамики муниципалитетов. Данные о доходах населения корректировались с учетом паритета покупательной способности, путем соотнесения с относительной стоимостью базовой продовольственной корзины в столице соответствующего штата Бразилии. Данные агрегировались по микрорегионам, поскольку такой масштаб оказался наиболее подходящим для целей анализа. Из-за большого размера муниципалитетов в Амазонии данные по этому штату собирались на муниципальной, а не на микрорегиональной основе¹.

Подготовленные базы данных и карты позволили сделать вывод о том, что наибольшая плотность населения в Бразилии наблюдается вдоль Атлан-

¹ Национальная политика регионального развития – Отчетное резюме Министерства национальной интеграции Бразилии. = Política Nacional de Desenvolvimento Regional (PNDR) – Sumário Executivo // Ministério da Integração Nacional da República Federativa do Brasil. – 2007. – Порт. яз. – URL: https://catalogo.ipea.gov.br/uploads/37_2.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

тического побережья и вокруг городских агломераций. Данные показатели резко контрастируют с плотностью населения в Амазонии, Центральном-Западном регионе Бразилии, а также на засушливых землях северо-востока страны. На юге и юго-востоке Бразилии, за исключением нескольких микрорегионов, плотность населения сохраняется в пределах средних и высоких значений. Специалисты Бразильского института географии и статистики отметили, что в 1980–2000-е годы происходило постепенное переселение населения с побережья в глубинные районы страны².

На основании собранных данных было сделано заключение о заметном контрасте между севером и югом Бразилии, что особенно заметно в Северо-Восточном регионе. Полученные показатели свидетельствуют о низком образовательном уровне и крайне низком среднем доходе домохозяйств жителей этого региона Бразилии.

Темпы роста ВВП в 1990–2000 гг. свидетельствовали о том, что отдельные сельские районы Бразилии переживали период ускоренного развития, особенно в тех зонах серраду, где развивалось высокотехнологичное сельское хозяйство. В то же время промышленно развитые районы находились в состоянии стагнации.

По итогам анализа, проведенного IBGE в начале 2000-х годов, были выбраны приоритетные регионы для реализации Национальной политики регионального развития³.

Основными переменными для выявления приоритетных регионов являются средний доход домохозяйств и рост ВВП на душу населения. Первая переменная имеет статический характер и отражает относительное благосо-

стояние населения, вторая переменная имеет динамический характер и демонстрирует относительный потенциал роста в изучаемый период. Посредством пересечения двух этих переменных микрорегионы Бразилии были разделены на четыре группы.

1. Микрорегионы с высоким уровнем дохода на одного жителя вне зависимости от наблюдаемой экономической динамики. Преимущественно расположены на юге и юго-востоке Бразилии, а также в штатах, расположенных в центральной части страны. Данные участки в подавляющем большинстве случаев связаны с микрорегионами столиц штатов Бразилии. На них приходится порядка 76% ВВП Бразилии, хотя на их территории проживает лишь 53,7% населения страны. Данные регионы не являются приоритетными при реализации Национальной политики регионального развития, поскольку обладают достаточными ресурсами для дальнейшего стабильного развития экономики.

2. Динамичные микрорегионы со средними и низкими доходами, но со значительной экономической динамикой. Занимают обширные территории в Центральном-Западном и Северо-Восточном регионах Бразилии. Отличаются низкой степенью урбанизации (57,9%). На их территории проживает около 9% населения страны, на их долю приходится порядка 4% ВВП Бразилии.

3. Микрорегионы в состоянии стагнации, отличающиеся средним уровнем доходов населения и низким экономическим ростом. В данных микрорегионах сконцентрированы устаревшие (малоэффективные) промышленные предприятия. При этом в микрорегионах данной группы со-

2 Ibid.

3 Ibid.

храняются устойчивая социально-экономическая структура и значительные трудовые ресурсы. В данных регионах проживает порядка 29% граждан Бразилии. Для них характерна высокая степень урбанизации (75,3%). Данные микрорегионы обеспечивают около 18% ВВП страны. Они расположены по всей Бразилии, хотя их основная часть сосредоточена на юге и юго-востоке страны⁴.

4. Микрорегионы с низким уровнем дохода домохозяйств и низкой экономической динамикой сконцентрированы на севере и северо-востоке Бразилии. Данные микрорегионы обладают слабой экономической базой, для них характерны низкие доходы населения. Степень урбанизации составляет всего 50,4%. Уровень образования крайне низок – около 60% населения микрорегионов данной группы имеют менее 4 лет школьного образования. На долю данных микрорегионов приходится всего 1,7% ВВП, хотя в них проживает 8,4% населения Бразилии. Средний доход домохозяйств составляет 27% общенационального среднего показателя. Данные микрорегионы являются основной целью приложения усилий в рамках Национальной политики регионального развития⁵.

На основании ежегодных статистических отчетов, подготавливаемых IBGE, Министерство интеграции и регионального развития Бразилии⁶ определяет приоритетные направления по сокращению внутри- и межрегионального неравенства. Правительство Бразилии использует особые макро-региональные органы для разработки стратегических планов развития Север-

ного, Северо-Восточного и Централь-но-Западного регионов. Непосредственная операционная деятельность в рамках Национальной политики регионального развития осуществляется региональными консультационными форумами. В качестве приоритетных выделены два направления: преодоление социально-экономического кризиса в засушливых штатах северо-востока Бразилии и экономическое развитие так называемой приграничной полосы (западные районы штатов Мату-Гросу и Мату-Гросу-ду-Сул, на границе с Боливией и Парагваем). Приграничная полоса представляет особый интерес, так как ее развитие способствует масштабной цели экономической интеграции стран Южной Америки. В программы действий по развитию регионов в основном входят создание необходимой инфраструктуры, поддержка инноваций, укрепление местных производственных цепочек, подготовка квалифицированных кадров, расширение связей с сопредельными регионами, предоставление кредитов отдельным перспективным предприятиям и компаниям.

Национальная политика регионального развития Бразилии на современном этапе: вызовы и перспективы

Национальная политика регионального развития Бразилии начала применяться в соответствии с указом президента Л. Лулы № 6047 от 22 февраля 2007 г. Основной целью Национальной политики регионального развития провозглашалось «сокращение неравен-

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Воссоздано в структуре федеральных органов исполнительной власти Бразилии правительством президента Л. Лулы да Силвы в 2023 г. При правительстве президента Ж. Болсонаро в 2019–2023 гг. вместе с бывшим Министерством городов входило в состав единого укрупненного Министерства регионального развития. До этого с 1999 г. носило название Министерства национальной интеграции.

ства в уровне жизни в различных регионах Бразилии и содействие равному доступу к возможностям развития»⁷.

В период пребывания у власти Л. Лулы (2003–2010) в Бразилии наблюдался рост потребительского спроса, особенно среди граждан с низкими доходами, и развитие структуры сфер производства и услуг, направленных на удовлетворение этого спроса. Реализация масштабных социальных проектов, особенно в инфраструктурном секторе, привела к росту доходов и повышению уровня занятости населения в периферийных районах страны [Алвес, Козльо, 2023].

Однако, по мнению известного отечественного экономиста, специалиста по Бразилии В.А. Красильщикова, опыт осуществления Программы ускорения роста (2007–2010) и Плана Большой Бразилии (2011–2014) оказался не слишком удачным. Экономических мер оказалось недостаточно для проведения полномасштабной технологической модернизации, повышения производительности и выхода на внешние рынки с товарами, которые содержат высокую долю добавленной стоимости. В.А. Красильщиков отмечал, что одним из ключевых недостатков социальной политики левоцентристских правительств стала так называемая преждевременная деиндустриализация, приведшая к возрастанию значимости поставок сырьевых товаров для экономики Бразилии и возрастанию зависимости от китайского спроса на сырьевые товары [Krasilshchikov, 2022]. Термин «незрелая деиндустриализация», или «преждевременная деиндустриализация», по мнению В.А. Красильщикова, может использоваться применительно

к данному процессу в развивающихся странах, «поскольку деиндустриализация начинается раньше, чем в полной мере созрели ее внутренние предпосылки, включая индустриализацию аграрного сектора и переход к интенсивному росту экономики за счет технологических новаций и увеличения производительности» [Красильщиков, 2016].

Бразильские экономисты также отмечают, что инвестиции в рамках Программы ускорения роста для Северного и Северо-Восточного регионов превышали их долю в общенациональной структуре ВВП, что отражает попытку правительства Л. Лулы обеспечить более равномерное распределение производственных мощностей по территории страны, опираясь на государственные и частные инвестиции [Алвес, Козльо, 2023].

Благодаря государственным инвестициям, строительству плотин, водопроводов и ирригационных систем, осуществляемых компанией по развитию долины реки Сан-Франциско (Codevasf), а также научным исследованиям Бразильского агентства сельскохозяйственных исследований (Embrapa), наряду с совершенствованием региональной энергетической и транспортной инфраструктур были созданы условия для возникновения одного из крупнейших в Бразилии центров экспорта фруктов. В последние десятилетия агропромышленный кластер Петролина-Жуазейро добился успехов в производстве продукции с более высокой добавленной стоимостью (соки и вина) и стал одним из центров научного и делового туризма наряду с прибрежными столицами штатов Северо-Восточного региона.

7 Указ президента Бразилии № 6047 от 22 февраля 2007 г. = Decreto No 6.047, de 22 de fevereiro de 2007 // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2007. – Порт. яз. – URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2007-2010/2007/decreto/d6047.htm (дата обращения: 05.02.2025).

В 2012–2013 гг. проходила первая Конференция по региональному развитию Бразилии под эгидой Министерства национальной интеграции. В ходе данной Конференции были разработаны основные принципы, в соответствии с которыми планировалось обновить Национальную политику регионального развития. Участниками Конференции были определены четыре стратегические цели регионального развития [Алвес, да Роша Нето, 2014].

Первая стратегическая цель обновленной Национальной политики регионального развития Бразилии получила условное название «Конвергенция». Под данным понятием подразумевается не выравнивание уровней развития регионов, а сокращение непомерных различий, которые обрекают значительные слои бразильского общества на отчуждение, оставляя их за рамками процессов развития. Другим аспектом «Конвергенции» выступает признание потенциала и возможностей каждого региона, его природного и культурного наследия, местного и регионального разнообразия как богатства и значимого конкурентного преимущества для всей Бразилии.

Вторая стратегическая цель обновленной Национальной политики регионального развития – повышение конкурентоспособности регионов с сокращающимся населением и снижающейся экономической динамикой. К таким регионам относятся как штаты севера и северо-востока Бразилии, так и отдельные районы развитых штатов юга страны, утратившие потенциал к экономическому росту [Алвес, да Роша Нето, 2014].

Третья цель обновленной Национальной политики регионального развития – диверсификация экономики в регионах со специализацией на производстве минерального сырья, низкой добавленной стоимостью экспорта,

высоким социальным неравенством. Данная цель реализовывалась не только в традиционно депрессивных регионах страны, но и в более засушливых районах Центрально-Западного региона Бразилии. Акцент был сделан на повышении эффективности агропромышленных цепочек за счет цифровых систем, применения новейших достижений машиностроительной отрасли, биотехнологий, информационных и коммуникационных технологий.

Четвертая цель обновленной Национальной политики регионального развития связана с перераспределением экономического влияния между большими и средними городами. В качестве основной задачи авторы концепции рассматривали преодоление сверхконцентрации промышленных и агропромышленных мощностей вокруг крупнейших городских агломераций Бразилии с целью создания более гармоничной полицентричной сетевой структуры [Алвес, да Роша Нето, 2014].

Исследования бразильских экспертов подтверждают неутешительные выводы В.А. Красильщикова [Красильщиков, 2017]. Так, по мнению бразильского экономиста А. Монтейро Нето, более высокие темпы роста, наблюдавшиеся в отраслях, связанных с добычей природных ресурсов и интенсивным трудом, не придали динамики различным отраслям промышленности. Снижение плотности производства в обрабатывающей промышленности и увеличение доли сельскохозяйственной и сырьевой продукции в бразильской экономике лишь способствовали сокращению межрегиональных связей и затруднили дальнейшую интеграцию национального рынка [Монтейро Нето, 2021].

Политический и экономический кризис, произошедший во время пребывания у власти президента Д. Роуссефф (2011–2016), затруднил работу

над обновлением общегосударственной политики регионального развития. Лишь при президенте М. Темере было возобновлено обсуждение данной проблематики, а также созданы соответствующие рабочие группы. Согласно докладу первой отраслевой рабочей группы, опубликованному в 2018 г., региональные диспропорции существенно отражаются на бразильской экономике и обществе, нанося последним ущерб по трем основным направлениям [Алвес, Коэльо, 2023].

1. Судьба многих граждан Бразилии определяется местом их рождения. Для граждан, родившихся в менее динамичных регионах, существенно ограничен доступ к образованию, здравоохранению, достойным рабочим местам, предприятиям сферы услуг.

2. Региональное неравенство провоцирует перемещение населения в крупные городские агломерации, что затрудняет развитие больших городов, приводит к возникновению фавел, запускает порочный круг бедности и насилия.

3. Несмотря на меры, принимаемые правительством, Бразилия не использует значительную часть своего производственного потенциала, который мог бы способствовать повышению конкурентоспособности страны, созданию рабочих мест, росту доходов и благосостояния населения, а также эффективной интеграции периферийных районов Бразилии.

Согласно рекомендации, разработанной первой рабочей группой, главные управления регионального развития совместно с правительствами штатов должны разработать и законодательно оформить макрорегиональные планы развития.

При этом штаты Северного и Северо-Восточного регионов сделали акцент на повышении доступа к образовательным и медицинским учреждениям. Штаты Северо-Восточного региона продолжили работу по преодолению нехватки водных ресурсов, постоянно проявляющейся на данных полузасушливых территориях. В штатах Северного и Центрально-Западного регионов был сделан акцент на использовании биоразнообразия в качестве стратегического актива с учетом экологических требований. По всей стране была продолжена деятельность по увеличению числа образовательных учреждений с акцентом на среднее профессиональное образование, необходимое для развития агробизнеса и промышленности [Алвес, Коэльо, 2023].

Данные меры были включены во вторую обновленную редакцию Национальной политики регионального развития, законодательно закреплённую указом президента Ж. Болсонаро № 9810 от 30 мая 2019 г.⁸

В соответствии с положениями нового указа главные региональные управления по развитию Амазонии, Северо-Восточного и Центрально-Западного регионов представили обновленные макрорегиональные планы развития.

Федеральная счетная палата (обладающая в Бразилии статусом суда) начала на ежегодной основе сообщать правительству об итогах наблюдения за процессом реализации Национальной политики регионального развития.

Эксперты Федеральной счетной палаты разделили реализацию Политики регионального развития на шесть макропроцессов: 1) наблюдение и оценка результатов реализации Политики и ее инструментов; 2) разработка регио-

⁸ Указ президента Бразилии № 9810 от 30 мая 2019 г. = Decreto No 9.810, de 30 de maio de 2019 // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2019. – Порт. яз. – URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2019/decreto/d9810.htm (дата обращения: 08.02.2025).

Таблица 1. Специализации Национальных интеграционных маршрутов, предложенные компанией *RedeSist*

Table 1. Specializations of National Integration Routes proposed by RedeSist

Регионы	Северный	Северо-Восточный	Центрально-Западный	Юго-Восточный	Южный
Специализация	асаи и амазонские культуры	мед и продукты пчеловодства	молоко и молочные продукты	плодоводство	молоко и молочные продукты
	рыбоводство и аквакультура	овцеводство и козоводство	рыбоводство	культура и туризм	одежда
	биоразнообразие	культура и туризм	древесина и мебель	мода	информационные технологии

нальных планов развития и определение стратегических целей; 3) разработка планов развития отдельных районов; 4) предоставление финансирования из федерального бюджета; 5) предоставление финансирования из отраслевых фондов развития; 6) применение инноваций и технологий в производстве. По каждому макропроцессу были проведены SWOT-анализ и анализ рисков [Алвес, Коэльо, 2023].

На основании проведенного исследования Федеральная счетная палата высказала свои предложения по систематическому отслеживанию и оценке использования средств федерального бюджета. В 2023 г. Министерство интеграции и регионального развития совместно с Федеральной счетной палатой провели общественные консультации по проблематике обновления Национальной политики регионального развития. По итогам консультаций был сделан вывод о необходимости создания Национальной информационной системы регионального развития, продолжения работы по выработке макрорегиональных, региональных

и субрегиональных планов развития, а также сохранения практики аудита использованных средств федерального бюджета. Данные изменения были отражены в указе президента Л. Лулы № 11962 от 25 марта 2024 г.⁹

Другим важным достижением Конференции по региональному развитию 2013 г. стала разработка программы «Национальные интеграционные маршруты». Данная инициатива направлена на создание стратегических производственных цепочек для экономической интеграции менее развитых регионов страны и продвижения их продукции на бразильские и зарубежные рынки [Алвес, Коэльо, 2023]. В 2014 г. Министерство национальной интеграции заключило контракт с компанией *RedeSist* на проведение масштабного исследования для выявления стратегических производственных цепочек. Результаты исследования в краткой форме приводятся в таблице 1.

Первым национальным интеграционным маршрутом¹⁰ стал *Rota do Cordeiro*, направленный на структурирование производственной цепочки

9 Указ президента Бразилии № 11962 от 25 марта 2024 г. = Decreto No 11.962, de 25 de março de 2024 // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2024. – Порт. яз. – URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2023-2026/2024/decreto/D11962.htm#:~:text=1%20Este%20Decreto%20dispõe%20sobre,geração%20de%20renda%20e%20melhoria (дата обращения: 08.02.2025).

10 Постановление Министерства национальной интеграции Бразилии № 80 от 28 февраля 2018 г. = Portaria No 80, de 28 de fevereiro de 2018 // Ministério da Integração Nacional da República Federativa do Brasil. – 2018. – Порт. яз. – URL: https://antigo.mdr.gov.br/images/stories/ArquivosSDRU/ArquivosPDF/PORTARIA_80_2018.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

в овцеводстве и козоводстве – секторе, обладающем значимостью для районов с низким уровнем доходов на северо-востоке и юге Бразилии. Впоследствии аналогичные маршруты были созданы для пчеловодства («Медовый путь»), выращивания асаи и других традиционных культур бразильской Амазонии («Маршрут асаи»), производства молока и молочных продуктов, производства фруктов, аквакультуры («Рыбный путь»), производства какао и шоколада.

На втором этапе развития программы совместно с Фондом Освальдо Круза (научно-исследовательский центр бактериологии и эпидемиологии в г. Рио-де-Жанейро) был разработан «маршрут Биоразнообразия», структурировавший производство фитотерапевтических средств и фитокосметики, а также «маршрут Информационно-коммуникационных технологий».

На третьем этапе был запущен «маршрут циклической экономики», в рамках которого были структурированы усилия по переработке твердых отходов, использованию возобновляемых источников энергии и оптимизации использования водных ресурсов. По аналогии с маршрутами в настоящее время реализуется программа по увеличению числа учебных заведений в регионах страны с целью децентрации инновационной и научно-технической деятельности.

С идейно-ценностной точки зрения бразильские исследователи считают региональное развитие значимым для процветания бразильской цивилизации. Продуктивное использование регионального разнообразия рассматривается в качестве одного из веду-

щих проектов общенационального развития [Алвес, Коэльо, 2023].

Действующая с января 2023 г. администрация президента Л. Лулы проводит активную внутреннюю политику, одной из целей которой является реализация масштабных экономических реформ, направленных в том числе на преодоление неравномерности регионального развития. Рассмотрим ее основные усилия на этом направлении.

В августе 2023 г. правительство Бразилии объявило о запуске очередной (третьей в истории) версии Программы ускорения роста (РАС), предполагающей масштабные вложения в стратегические инфраструктурные проекты по девяти магистральным направлениям (транспорт, социальная инфраструктура, повышение качества жизни в городах, улучшение доступа к воде, расширение коммуникационных сетей, энергетическая безопасность, инновации в оборонной промышленности, здравоохранение, образование, наука и технологии).

Во второй половине 2023 – начале 2024 г. Министерство по делам городов провело консультации с правительствами штатов, Федерального округа и муниципалитетов Бразилии с целью выявления наиболее перспективных инфраструктурных проектов для выделения финансирования в рамках РАС. В мае 2024 г. министерством был представлен тематический доклад, согласно которому 18,3 млрд реалов (порядка 3,1 млрд долл. США) будут направлены на реализацию нескольких сотен проектов по улучшению водоснабжения в сельской местности, урбанизации трущоб, предотвращению стихийных бедствий. Запланированы также масштабные геодезические работы¹¹.

11 В рамках новой Программы ускорения роста 18,3 млрд реалов будут вложены в улучшение качества жизни в городах и сельской местности = Novo PAC Seleções vai investir R\$ 18,3 bilhões para melhoria da qualidade de vida nas cidades e no campo // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2024. – 8 de maio. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/casacivil/pt-br/assuntos/noticias/2024/maio/novo-pac> (дата обращения: 02.03.2025).

Приоритетной целью этих проектов является повышение качества жизни в сельской местности и в малых городах, что позволит им лучше противостоять чрезвычайным ситуациям и обеспечит лучшие условия жизни для населения, способствуя сокращению регионального неравенства.

Правительство Л. Лулы также стремится обратить вспять начавшуюся деиндустриализацию Бразилии. С января 2024 г. действует Новая промышленная политика, предусматривающая использование различных государственных инструментов, таких как специальные кредитные линии, безвозвратные ресурсы, меры по регулированию и защите интеллектуальной собственности, а также стимулирование производственного сектора в интересах развития страны. Новая промышленная политика направлена на непосредственное улучшение повседневной жизни людей, стимулирование производственного и технологического развития, повышение конкурентоспособности бразильской промышленности, привлечение инвестиций и создание новых рабочих мест¹².

На финансирование Новой промышленной политики до 2026 г. будет выделено свыше 300 млрд реалов (около 51,3 млрд долл. США). План реализации Новой промышленной политики до 2033 г. подразумевает работу по шести основным направлениям¹³.

1. Укрепление агропромышленных цепочек для обеспечения продовольственной безопасности бразильцев. В следующем десятилетии доля механизированных семейных фермерских хозяйств должна вырасти с 18 до 70%. Предполагается расширение производ-

ства оборудования для точного земледелия, сельскохозяйственной техники для крупномасштабного производства и разработка новых технологий.

2. Здравоохранение. Доля бразильской продукции от национальной потребности в лекарствах, вакцинах, медицинском оборудовании и приборах должна возрасти с 42 до 70%.

3. Рост благосостояния людей в городах. В числе приоритетных задач – улучшение транспортной взаимосвязанности городских районов и пригородов, рост производства электробусов бразильскими производителями.

4. Цифровизация промышленности. 90% всех бразильских промышленных предприятий должны подвергнуться цифровому преобразованию и внедрению новых технологий.

5. Биоэкономика, декарбонизация и энергетический переход. Правительство Л. Лулы стремится к увеличению доли биотоплива в транспортной энергетической структуре, а также к сокращению выбросов углерода на 30%.

6. Оборонная и стратегическая промышленность. Предполагается дальнейшее развитие ядерной энергетики, производства современных средств связи, автономных и дистанционно управляемых летательных аппаратов.

16 января 2025 г. Л. Лула одобрил и подписал Дополнительный закон № 214, регламентирующий особенности проведения налоговой реформы. На смену налогу на оборот товаров и услуг (ICMS), налогу на услуги (ISS) и ряду других налогов на потребление придет единый налог на товары и услуги (IBS), представляющий собой бразильскую адаптацию концепции налога

12 В Бразилии разработана Новая промышленная политика с задачами и планами развития до 2033 г. = Brasil ganha nova política industrial com metas e ações para o desenvolvimento até 2033 // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2024. – 22 de janeiro. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/noticias/2024/01/brasil-ganha-nova-politica-industrial-com-metas-e-acoes-para-o-desenvolvimento-ate-2033> (дата обращения: 03.03.2025).

13 Ibid.

на добавленную стоимость, существующую во многих странах мира¹⁴.

Актуальность налоговой реформы высока, поскольку существовавшая ранее налоговая система обладала рядом серьезных недостатков. Согласно статье 156-А пятого раздела Конституции Бразилии 1988 г. субъекты Федерации (штаты и федеральный округ) наделялись правом устанавливать ставки *ICMS* и предоставлять отдельным компаниям налоговые льготы¹⁵. В целом данный налог служил одним из ключевых источников доходов штатов Бразилии.

Практика показала, что региональные правительства злоупотребляли своими правами в области сбора налогов с целью привлечения максимальных инвестиций. В итоге частные инвесторы при выборе места для размещения своих предприятий или вложения денежных средств исходили не из экономической и логистической эффективности, а из того, какой штат предоставляет наибольшие льготы. Как следствие, менее экономически развитые штаты, ограниченные в искусственном занижении ставок, собирали всё меньше налогов, что лишь усугубляло неравномерность регионального развития. Противостояние штатов между собой, а также борьба штатов и федерального центра вошли в современную историю Бразилии под названием «налоговые войны».

Цель введения единого налога на товары и услуги – упрощение налоговой системы, уменьшение неравномерности экономического развития и дальнейшая национальная интеграция.

За сбор нового налога и распределение собранных средств будет отвечать федеральное правительство. Предполагается, что будут учтены потребности менее экономически развитых штатов.

Реализация положений нового закона только началась, поэтому было бы преждевременным делать какие-либо выводы. Однако следует отметить, что внедрение *IBS* потребует качественной координации между федеральными и региональными властями. Переход к новой системе налогообложения также невозможен без внесения изменений в законодательство штатов и муниципалитетов. Налоговая гармонизация положительно скажется на бразильской экономике только в том случае, если действующая администрация найдет и удержит баланс между централизацией и автономией в налоговой сфере.

Также в рамках налоговой реформы был учрежден Национальный фонд регионального развития (*FNDR*), целью которого является сокращение регионального и социального неравенства путем предоставления федеральным правительством денежных средств штатам и федеральному округу. Средства будут направлены на поощрение производственной деятельности с высоким потенциалом для создания рабочих мест, направленной на научно-технологическое развитие и инновации. Объем вложений федерального правительства в 2029 г. составит 8 млрд реалов (около 1,4 млрд долл. США) и будет постепенно увеличен до 40 млрд реалов к 2033 г. (порядка 6,8 млрд долл. США)¹⁶.

14 Дополнительный закон № 214 от 16 января 2025 г. = Lei Complementar No 214, de 16 de janeiro de 2025 // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2025. – Порт. яз. – URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/lcp/lcp214.htm (дата обращения: 03.03.2025).

15 Конституция Федеративной Республики Бразилии 1988 г. = Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2023. – 14 de agosto. – Порт. яз. – URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Constituicao/Constituicao.htm#art156a (дата обращения: 04.03.2025).

16 Информация о Национальном фонде регионального развития. = O que é o Fundo de Desenvolvimento Regional? // Ministério da Fazenda da República Federativa do Brasil. – 2023. – 14 de agosto. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/reforma-tributaria/perguntas-e-respostas/o-que-e-o-fundo-1> (дата обращения: 04.03.2025).

Оценка эффективности Национальной политики регионального развития Бразилии

Оценка эффективности Национальной политики регионального развития представляет собой комплексную задачу, поскольку требует обобщения большого объема статистических сведений относительно социально-экономического развития и благосостояния различных регионов Бразилии.

В ноябре 2024 г. IBGE, опираясь на так называемую систему региональных счетов, опубликовал сведения о валовом внутреннем продукте на душу населения регионов Бразилии с 2002 по 2022 г. Система региональных счетов представляет собой базу данных о составе и динамике ВВП каждого штата Бразилии, которые рассчитываются на основе сведений о годовой стоимости производства, промежуточного потребления и валовой добавленной стоимости по каждому виду экономической деятельности¹⁷.

В рейтинге десяти субъектов федерации самым высоким ВВП на душу населения представлены только штаты Юго-Восточного, Южного и Центрально-Западного регионов Бразилии. Следует отметить значительное продвижение штата Мату-Гросу, который в период с 2002 по 2022 г. переместился с 11-го на 4-е место в рейтинге. Штат Мату-Гросу-ду-Сул за двадцать лет поднялся с 8-го на 6-е место. Данные изменения носят структурный характер

и демонстрируют успехи бразильской аграрной промышленности вкупе с положительными результатами Национальной политики регионального развития на «приграничном» направлении.

С 2002 по 2022 г. наибольший относительный прирост доли ВВП Бразилии зафиксирован в Центрально-Западном и Северном регионах – на 2% и 1% соответственно. Единственным регионом, вклад которого в экономику Бразилии снизился, стал Юго-Восточный (–4,1%), при этом сократился вес экономик штатов Сан-Паулу (–3,8%) и Рио-де-Жанейро (–0,9%). Наибольший рост за двадцать лет продемонстрировали штаты Мату-Гросу (+1,2%), Санта-Катарина (+0,9%) и Минас-Жерайс (+0,7%).

С 2002 по 2022 г. ВВП Бразилии рос в среднем на 2,2% ежегодно. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в штатах севера (+3,2% в год), в то время как прирост ВВП в Северо-Восточном регионе страны был близок к среднему общенациональному показателю (+2,3%)¹⁸.

Среди штатов наибольший прирост показали Мату-Гросу (Центрально-Западный регион) и Токантинс (Северный регион), где среднее изменение составило +4,8% в год. Относительно высокий прирост наблюдался в штатах Рорайма (Северный регион, +4% в год), Пиауи (Северо-Восточный регион, +3,7% в год) и Мараньян (Северо-Восточный регион, +3,4% в год)¹⁹.

Данные показатели свидетельствуют об отдельных успехах Национальной политики регионального разви-

17 Gomes I. B 2022 г. показатели ВВП выросли в 24 субъектах федерации = Gomes I. Em 2022, PIB cresce em 24 unidades da Federação // Agência IBGE Notícias. – 2024. – 14 de novembro. – URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-noticias/2012-agencia-de-noticias/noticias/41893-em-2022-pib-cresce-em-24-unidades-da-federacao#:~:text=Entre%20as%207%20unidades%20da,os%20unicos%20estados%20em%20queda> (дата обращения: 17.01.2025).

18 Gomes I. B 2022 г. показатели ВВП выросли в 24 субъектах федерации = Gomes I. Em 2022, PIB cresce em 24 unidades da Federação // Agência IBGE Notícias. – 2024. – 14 de novembro. – URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-noticias/2012-agencia-de-noticias/noticias/41893-em-2022-pib-cresce-em-24-unidades-da-federacao#:~:text=Entre%20as%207%20unidades%20da,os%20unicos%20estados%20em%20queda> (дата обращения: 17.01.2025).

19 Ibid.

Таблица 2. Доля регионов и субъектов Федерации в валовом внутреннем продукте Бразилии с 2002 по 2022 г., %

Table 2. Share of large regions and federal entities in Brazil's gross domestic product from 2002 to 2022

Регионы и субъекты Федерации	Доля в валовом внутреннем продукте		
	2002 г.	2021 г.	2022 г.
Бразилия	100	100	100
Северный регион	4,7	6,3	5,7
Рондония	0,5	0,6	0,7
Акри	0,2	0,2	0,2
Амазонас	1,5	1,5	1,4
Рорайма	0,2	0,2	0,2
Пара	1,8	2,9	2,3
Амапа	0,2	0,2	0,2
Токантинс	0,4	0,6	0,6
Северо-Восточный регион	13,1	13,8	13,8
Мараньян	1,1	1,4	1,4
Пиауи	0,5	0,7	0,7
Сеара	1,9	2,2	2,1
Риу-Гранди-ду-Норти	0,9	0,9	0,9
Параиба	0,9	0,9	0,9
Пернамбуку	2,4	2,5	2,4
Алагоас	0,8	0,8	0,8
Сержипи	0,7	0,6	0,6
Баия	4,0	3,9	4,0
Юго-Восточный регион	57,4	52,3	53,3
Минас-Жерайс	8,3	9,5	9,0
Эспириту-Санту	1,8	2,1	1,8
Рио-де-Жанейро	12,4	10,5	11,4
Сан-Паулу	34,9	30,2	31,1
Южный регион	16,2	17,3	16,6
Парана	5,9	6,1	6,1
Санта-Катарина	3,7	4,8	4,6
Риу-Гранди-ду-Сул	6,6	6,5	5,9
Центрально-Западный регион	8,6	10,3	10,6
Мату-Гросу-ду-Сул	1,1	1,6	1,7
Мату-Гросу	1,3	2,6	2,5
Гояс	2,6	3,0	3,2
Федеральный округ	3,6	3,2	3,3

Источник: Бразильский институт географии и статистики (IBGE). – URL: <https://www.ibge.gov.br/> (дата обращения: 17.01.2025).

Таблица 3. Индекс человеческого развития регионов Бразилии с 2012 по 2021 г.
Table 3. Human Development Index of Brazilian regions from 2012 to 2021

Регионы и субъекты Федерации	2012 г.	2021 г.
Бразилия	0,746	0,766
Северный регион		
Рондония	0,694	0,700
Акри	0,701	0,710
Амазонас	0,691	0,700
Рорайма	0,738	0,699
Пара	0,666	0,690
Амапа	0,707	0,688
Токантинс	0,710	0,731
Северо-Восточный регион		
Мараньян	0,648	0,676
Пиауи	0,660	0,690
Сеара	0,701	0,734
Риу-Гранди-ду-Норти	0,695	0,728
Параиба	0,673	0,698
Пернамбуку	0,688	0,719
Алагоас	0,651	0,684
Сержипи	0,684	0,702
Баия	0,678	0,691
Юго-Восточный регион		
Минас-Жерайс	0,750	0,774
Эспириту-Санту	0,758	0,771
Рио-де-Жанейро	0,762	0,762
Сан-Паулу	0,812	0,806
Южный регион		
Парана	0,772	0,769
Санта-Катарина	0,792	0,792
Риу-Гранди-ду-Сул	0,763	0,771
Центрально-Западный регион		
Мату-Гросу-ду-Сул	0,733	0,742
Мату-Гросу	0,742	0,736
Гояс	0,744	0,737
Федеральный округ	0,825	0,814
<i>Средний показатель</i>	<i>0,720</i>	<i>0,730</i>

Источник: Программа развития ООН (ПРООН). – URL: <http://www.atlasbrasil.org.br/> (дата обращения: 17.01.2025).

тия Бразилии и на наиболее сложном северо-восточном направлении. Наименьший средний годовой прирост ВВП продемонстрировали штаты Риу-Гранди-ду-Сул (Южный регион) и Рио-де-Жанейро (Юго-Восточный регион) – по 1,4% в год.

Министерство развития, промышленности, торговли и услуг Бразилии совместно с Бразильским национальным институтом промышленной собственности в 2024 г. опубликовали первое издание Индекса инноваций и развития Бразилии (*IBID*) [Индекс..., 2024]. Данный индекс методологически организован таким же образом, как и Глобальный индекс инноваций (*GII*) Всемирной организации интеллектуальной собственности. Планируется, что данный индекс позволит оценить положение в области институционального развития, человеческого капитала, инфраструктуры, экономики, предпринимательской деятельности, а также образования в больших регионах Бразилии.

Авторы Индекса инноваций и развития Бразилии приводят результаты собственного анализа по большим регионам Бразилии. В отчете отмечается, что северные регионы страны сильно отстают с точки зрения образования и инноваций. Ведущий штат севера Бразилии – Токантинс. По данным авторов Индекса, в штате наблюдается относительно неплохое институциональное и экономическое развитие. Аналогичная ситуация наблюдается и в северо-восточных штатах. Наиболее инновационные штаты северо-востока Бразилии – Риу-Гранди-ду-Норти и Пернамбуку.

Юго-Восточный регион Бразилии сохраняет общенациональное лидерство во многом благодаря Сан-Паулу, занявшему безоговорочное первое место по семи основным направлениям инноваций. Авторы Индекса отмечают,

что штат Рио-де-Жанейро выделяется по направлению «человеческий капитал». В свою очередь, штат Минас-Жерайс имеет лучший относительный показатель по уровню знаний и технологий.

Штаты юга Бразилии предсказуемо заняли 3 места среди 5 самых инновационных субъектов Федерации. Штаты Санта-Катарина и Парана продемонстрировали высокие показатели по направлениям «институты» и «знания и технологии» [Индекс..., 2024].

По большинству показателей штаты Центрально-Западного региона Бразилии занимают условные «средние позиции». Федеральный округ и штат Мату-Гросу-ду-Сул продемонстрировали сравнительно высокие результаты по показателю «инфраструктура» [Индекс..., 2024].

Индекс инноваций и развития Бразилии позволяет более комплексно взглянуть на отдельные аспекты диспропорций регионального развития страны. Следует отметить, что высокие показатели экономического роста в отдельных регионах Бразилии далеко не всегда свидетельствуют об улучшении их общего благосостояния и о преодолении социально-экономических проблем. Наличие обширного статистического инструментария и пристальное внимание правительства Бразилии к неравномерному региональному развитию позволяет проводить регулярную оценку положения в регионах страны, а также принимать меры по улучшению социально-экономической обстановки в наиболее проблемных штатах северо-востока и севера Бразилии. Однако данные меры зачастую могут лишь смягчить наиболее негативные проявления тех тенденций, которые сформировались в меру географических и геоэкономических особенностей.

Список литературы

Красильщиков В.А. Бразилия: от успехов – к системному кризису // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 114–129. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-114-129.

Красильщиков В.А. Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, – № 8. – С. 34–43. – DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-34-43.

Krasilshchikov V. Brazil – Emerging Forever? A Case Study of the Mid-Level Development Trap – Cham : Springer, 2022. – 213 p.

Алвес А., да Роша Нето Ж. Новая политика регионального развития Бразилии = Alves A., da Rocha Neto J. A nova Política de Desenvolvimento Regional: PNDR II // *Revista Política e Planejamento Regional*. – 2014. – Vol. 1, N 2. – P. 311–338. – Порт. яз.

Алвес А., Коэльо В. Национальная политика регионального развития и ее современное состояние: стратегические программы, планы регионального развития и Национальные интеграционные маршруты = Alves A., Coêlho V. A PNDR e seu momento atual: agendas estratégicas, planos regionais de desenvolvimento e rotas de integração nacional // *Desenvolvimento Regional no Brasil: Políticas, estratégias e perspectivas* / Ed. por A. Monteiro Neto, L. Colombo, J. da Rocha Neto. – Brasília : IPEA, 2023. – 404 p. – Порт. яз.

Гонсалвес М., Галвао К., Карлос А. Регионы и города, города в регионах: вызов, который города ставят перед регионами = Gonçalves M., Galvão C., Carlos A. Regiões e cidades, cidades nas regiões: o desafio urbano regional. – São Paulo : Anpur, 2003. – 728 p. – Порт. яз.

Индекс инноваций и развития Бразилии = Índice Brasil de Inovação e Desen-

volvimento. Rio de Janeiro: Instituto Nacional da Propriedade Industrial (INPI), 2024. – 60 p. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/inpi/pt-br/inpi-data/indice-brasil-de-inovacao-e-desenvolvimento-ibid> (дата обращения: 17.01.2025).

Кардозу Жуниор Ж. Попранная конституция: 1988–2018 = Cardoso Júnior J. A Constituição golpeada: 1988–2018. – São Paulo: Fundação Perseu Abramo, 2018. – 400 p. – Порт. яз.

Монтейро Нето А. География и промышленность в Бразилии: пересмотр недавнего прошлого, взгляд в будущее – выводы и ориентиры для региональной политики = Monteiro Neto A. Território e indústria no Brasil: revisitando o passado recente, mirando o futuro – conclusões e apontamentos para políticas regionais // *Brasil, Brasis: reconfigurações territoriais da indústria no século XXI* / Ed. por A. Monteiro Neto, R. Silva, D. Severian. – Brasília : IPEA, 2021. – 541 p. – Порт. яз.

Морейра Р. Пространственное формирование Бразилии: критический взгляд на пространственные основы бразильской географии = Moreira R. A formação espacial brasileira: contribuição crítica aos fundamentos espaciais da geografia do Brasil. – Rio de Janeiro : Consequência, 2020. – 3ª edição. – 428 p. – Порт. яз.

Пике Р., Рибейро А. Времена, идеи и места. Преподавание городского и регионального планирования в Бразилии = Piquet R., Ribeiro A. Tempos, idéias e lugares. O ensino do planejamento urbano e regional no Brasil // *Revista Brasileira de Estudos Urbanos e Regionais*. – 2008. – Vol. 10, N 1. – P. 49–59. – Порт. яз. – DOI: 10.22296/2317-1529.2008v10n1p49.

Политика регионального развития в Бразилии: анализ Национальной политики регионального развития и Национальной политики пространственного планирования / Депонти С.,

Травассос Л., Тартаруга И., Перафан М., Рамбо А. = Políticas de desenvolvimento regional no Brasil: uma análise da PNDR e da PNOT / Deponti C., Travassos L., Tartaruga I., Perafan M., Rambo A. // Desenvolvimento em Questão. – 2024. – Ano 22, N 61. – P. 1–15. – Порт. яз. – DOI: 10.21527/2237-6453.2024.61.16124.

Португал Р., да Силва, С. История региональной политики в Бразилии = Portugal R., da Silva S. História das Políticas Regionais no Brasil. – Brasília : IPEA, 2020. – 130 p. – Порт. яз.

Региональная и городская экономика: использование теорий и методов в бразильских реалиях / Круз Б., Фуртадо Б., Монастерио Л., Родригес Жуниор В. = Economia Regional e Urbana: Teorias e métodos com ênfase no Brasil /

Cruz B., Furtado B., Monasterio L., Rodrigues Júnior W. – Brasília : IPEA, 2011. – 406 p. – Порт. яз.

Региональное деление Бразилии на непосредственные и промежуточные географические регионы = Divisão regional do Brasil em regiões geográficas imediatas e regiões geográficas intermediárias. – Rio de Janeiro : Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, 2017. – 80 p. – Порт.яз. – URL: <https://biblioteca.ibge.gov.br/index.php/biblioteca-catalogo?view=detalhes&id=2100600> (дата обращения: 14.01.2025).

Фуртаду С. Экономическое становление Бразилии = Furtado C. Formação econômica do Brasil. – São Paulo : Companhia das Letras, 2007. – 352 p. – Порт.яз.

National Peculiarities

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.08

Regional Economic Policy of Brazil: The Experiences of Peripheral Regions' Economic Uplift

Ivan D. GLUKHOV

Researcher at the Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ivguerirodapaz@gmail.com
ORCID: 0009-0001-2252-533X

CITATION: Glukhov I.D. (2025). Regional Economic Policy of Brazil: The Experiences of Peripheral Regions' Economic Uplift. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 124–145 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.08

Received: 13.02.2025.

Revised: 05.03.2025.

ABSTRACT. *This article examines the structure and substance of Brazil's regional economic policy, providing a historical overview of governmental approaches to regional development from the mid-19th century to the early 21st century. It critically engages with discussions by leading Brazilian scholars regarding the factors contributing to the country's uneven regional development. The study analyzes the key characteristics and outcomes of Brazil's National Policy for Regional Development, implemented in 2007 and subsequently undergoing significant qualitative transformations in 2019 and 2024. It concludes that extensive analytical research and statistical observations conducted by the Brazilian Institute of Geography and Statistics (IBGE) – in conjunction with the coordinated efforts of regional and federal authorities and substantial public and private investments – have facilitated notable advancements in the development of certain states in Brazil's Central-West-*

ern region. Additionally, these initiatives have contributed to alleviating the severe socio-economic challenges faced by the northeastern states and those within the Brazilian Amazon. From an ideological and strategic standpoint, Brazilian scholars and policymakers perceive the effective utilization of regional diversity as a cornerstone of national development, positioning it as a central component of Brazil's broader economic agenda.

KEYWORDS: *regional development, uneven economic development, Brazil, socio-economic conditions, Global South.*

References

Alves A., Coêlho V.A (2023). The National Policy for Regional Development (PNDR) and its Current State: Strategic Agendas, Regional Development Plans and National Integration Routes. PNDR e

seu momento atual: agendas estratégicas, planos regionais de desenvolvimento e rotas de integração nacional. In: Monteiro Neto A., Colombo L., da Rocha Neto J. (eds.). *Desenvolvimento Regional no Brasil: Políticas, estratégias e perspectivas*. Brasília: IPEA, 404 pp. (in Portuguese).

Alves A., da Rocha Neto J. (2014). The New National Policy for Regional Development – PNDR II: Between the Prospect of Innovation and the Persistence of Challenges. *Revista Política e Planejamento Regional*. Vol. 1, no. 2, pp. 311–338. (In Portuguese).

Cardoso Júnior J. (2018). *The Constitution Under Attack: 1988–2018*. São Paulo: Fundação Perseu Abramo, 400 pp. (in Portuguese).

Furtado C. (2007). *The Economic Formation of Brazil*. São Paulo: Companhia das Letras, 352 pp. (in Portuguese).

Gonçalves M., Galvão C., Carlos A. (2003). *Regions and Cities, Cities in Regions: The Regional Urban Challenge*. São Paulo: Anpur, 728 pp. (in Portuguese).

Index... (2024). *Brazil Innovation and Development Index*. Rio de Janeiro: Instituto Nacional da Propriedade Industrial (INPI), 60 pp. (in Portuguese). Available at: <https://www.gov.br/inpi/pt-br/inpi-data/indice-brasil-de-inovacao-e-desenvolvimento-ibid>, accessed 17.01.2025.

Krasilshchikov V.A. (2016). Deindustrialisation, Reindustrialisation and Development. *World Economy and International Relations*. Vol. 60, no. 8, pp. 34–43 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-34-43.

Krasilshchikov V.A. (2017). Brazil: From Successes to the Systemic Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 10, no. 4, pp. 114–129 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-114-129.

Krasilshchikov V. (2022). *Brazil – Emerging Forever? A Case Study of the*

Mid-Level Development Trap. Cham: Springer, 213 pp.

Monteiro Neto A. (2021). Territory and Industry in Brazil: Revisiting the Recent Past, Looking to the Future – Conclusions and Ideas for Regional Policies. In: Monteiro Neto A., Silva R., Severian D. (eds.). *Brasil, Brasis: reconfigurações territoriais da indústria no século XXI*. Brasília: IPEA, 541 pp. (in Portuguese).

Moreira R. (2020). *Brazilian Territorial Formation: A Critical Contribution to the Spatial Foundations of Brazilian Geography*. Rio de Janeiro: Consequência, 428 pp. (in Portuguese).

Piquet R., Ribeiro A. (2008). Times, Ideas and Places. The Study of Urban and Regional Planning in Brazil. *Revista Brasileira de Estudos Urbanos e Regionais*. Vol. 10, no. 1, pp. 49–59 (in Portuguese). DOI: 10.22296/2317-1529.2008v10n1p49.

Politika... (2024). Deponti C. et al. Regional Development Policies in Brazil: An Analysis of the National Policy for Regional Development (PNDR) and the National Territorial Planning Policy (PNOT). *Desenvolvimento em Questão*. Vol. 22, no. 61, pp. 1–15. (in Portuguese). DOI: 10.21527/2237-6453.2024.61.16124.

Portugal R., da Silva S. (2020). *The History of Regional Policies in Brazil*. Brasília: IPEA, 130 pp. (in Portuguese).

Regional'naya... (2011). Cruz B., Furtado B., Monasterio L., Rodrigues Júnior W. *Regional and Urban Economics: Theories and Methods with an Emphasis on Brazil*. Brasília: IPEA, 406 pp. (in Portuguese).

Regional'noye... (2017). *Regional Division of Brazil into Immediate Geographical Regions and Intermediate Geographical Regions*. Rio de Janeiro: Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, 80 pp. (in Portuguese). Available at: <https://biblioteca.ibge.gov.br/index.php/biblioteca-catalogo?view=detalhes&id=2100600>, accessed 13.02.2025.

УДК 338+339(1*КР)
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.09

Проблема источников статистической информации об экономике КНДР

Варвара Ильинична КИСЕЛЁВА

старший лаборант Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: var.kiseleva000@gmail.com
ORCID: 0009-0000-2007-0071

ЦИТИРОВАНИЕ: Киселёва В.И. Проблема источников статистической информации об экономике КНДР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 146–162.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.09.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025.
Исправленный текст предоставлен 05.03.2025.

АННОТАЦИЯ. Популярно мнение, что Северная Корея не представляет интереса для исследователей-экономистов по причине того, что количество объектов, доступных для изучения, очень мало. Экономика страны мало изучена: ведь данные, которые обычно составляют основу серьезного анализа социально-экономических показателей, практически недоступны. И препятствием является не только достоверность данных, которые зачастую вызывают сомнения, но и их наличие в принципе. Конечно, там, где есть спрос, в конечном итоге появится и предложение: многие организации по всему миру начали публиковать собственные оценочные данные северокорейской экономики. Однако, зная, как может быть трудно найти надежную статистику даже в развитой, прозрачной экономике, возникает вопрос, насколько точны данные о государстве, которое рассматривает даже малую часть информации о себе как государственную тайну. Цель данной статьи – раскрыть исторический контекст существования и

доступности статистической информации о Северной Корее и проанализировать источники северокорейской статистики, существующие в настоящее время. В работе используются исторический, сравнительный, статистический методы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНДР, статистика, зеркальная статистика, спутниковые снимки.

Одной из традиционных проблем при анализе экономики Северной Кореи является малый объем доступных официальных статистических данных, в результате чего большая часть экономических исследований Северной Кореи, как правило, проводится без использования статистических показателей. Широко распространена точка зрения о том, что социально-экономической статистики КНДР и вовсе не существует, либо же доступ к ней невозможен, что, однако, является в корне неверным. Специалисты, занимающиеся изучением Северной Ко-

реи, сходятся во мнении, что наиболее точным ответом на вопрос «существует ли информация об экономических показателях КНДР?» является ответ «иногда». Другими словами, ее существование и доступ к ней не являются «стабильными», а сами данные могут быть изменчивыми, беспорядочными и во многом зависят от времени и внутренних и внешних обстоятельств.

Периоды развития статистики в КНДР

Для более комплексного представления следует условно разделить историю возникновения и развития статистики Северной Кореи на 4 периода [Lee Suk, Cho Byungkoo, 2021]:

1) 1945–1960 гг., период после окончания японской оккупации и становления Северной Кореи как самостоятельного государства;

2) 1961 г. – конец 1980-х, период полного прекращения обнародования правительством каких-либо данных;

3) 1990–1995 гг., время, когда статистика страны частично и постепенно вновь становилась публичной;

4) с 1996 г. по настоящее время.

Провозглашение в 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики заложило основы для строительства государства на принципах социализма (которые затем эволюционировали в идеологию «чучхе»), главенствовавшие в экономике, политике и многих других областях. Особенностью данного периода является то, что статистика публиковалась регулярно и ежегодно [Eberstadt, 2000]. Например, в приложении к Центральному корейскому ежегоднику¹ можно было найти статистические данные, пускай и неде-

тализированные, по широкому кругу областей, включая демографию и промышленность. Позже, в 1961 г., эти данные были составлены и опубликованы отдельно в виде документа под названием «Сборник статистических данных КНДР о развитии народного хозяйства (1946–1960 гг.)»². Другим важным аспектом того времени является тот факт, что статистика была неотъемлемой частью всех официальных заявлений правительства, в частности, постановлений Кабинета министров [Lee Suk, 2006]. Таким образом, в Северной Корее с 1945 по 1960 г. статистика публиковалась регулярно, а доступность и публичность этих данных позволяли зарубежным специалистам, по крайней мере до определенной степени, проводить собственные исследования северо-корейской экономики.

В 1960–1980 гг. представители власти отказывались обнародовать какую-либо информацию, касающуюся статистических показателей всех сфер хозяйственной деятельности страны, считая это необходимой мерой для поддержания национальной безопасности страны. Очевидно, что отсутствие какой-либо официальной статистики создало серьезные препятствия на пути изучения и анализа экономики Северной Кореи и именно в этот период зародилось всеобщее мнение о том, что статистики КНДР не существует вовсе. Впрочем, благодаря усилиям зарубежных ученых и экспертов, трудившихся в то время, сейчас мы имеем доступ к различным статистическим данным, охватывающим 1960–1980 гг. Существовало три способа получения информации, которые легли в основу исследовательских работ зарубежных ученых-экономистов. Во-первых, так

¹ Центральный корейский ежегодник – 조선중앙년감. – Пхеньян: ЦТАК (выпуски за разные годы).

² Статистические данные о развитии народного хозяйства КНДР в 1946–1960 гг. // Центральное статистическое бюро Северной Кореи. – Пхеньян: Государственный издательский дом, 1961. – 187 с., 21 л. илл., карт.

как КНДР всё еще находилась в состоянии идеологической войны с Республикой Корея, южнокорейское правительство настаивало на продолжении сбора информации о Северной Корее для оценки ее экономических возможностей [Nam Sung Woo, 2023]. Работа по сбору и анализу статистических данных велась достаточно обширным кругом южнокорейских организаций, в первую очередь Национальным советом объединения, предшественником нынешнего Министерства объединения Республики Корея, который занимался организацией статистики, полученной из сообщений СМИ Северной Кореи и других доступных источников.

Во-вторых, данные о внешнеторговой деятельности Северной Кореи возможно было получить с помощью зеркальной статистики [Анализ..., 2008]. Ученым также были доступны данные, собранные международными организациями, такими как Международный валютный фонд (МВФ). Несмотря на то, что Северная Корея не является членом МВФ, информацию о ее внешней торговле можно найти в базе данных МВФ под названием *Direction of Trade Statistics (DOTS)*.

И в-третьих, неким исключением можно считать данные, касающиеся области здравоохранения и демографии. Для того, чтобы провести первую всеобщую перепись населения, Северная Корея запросила финансовую и техническую помощь у Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА). ЮНФПА обязало правительство страны передать Фонду имеющуюся демографическую статистику и данные в области здравоохранения за 1945–1987 гг. для проведения переписи, что является первым зафиксированным случаем, когда Северная Корея предостави-

ла официальные данные в подобном формате международной организации. В результате переписи 1993 г. миру стали доступны агрегированные данные о населении КНДР. Помимо ЮНФПА, сбор и анализ данных КНДР начали вести Продовольственная и сельскохозяйственная организация Организации Объединенных Наций (ФАО), членом которой КНДР является с 1977 г., и ЦРУ, составляющее и выпускающее справочник «Всемирная книга фактов ЦРУ», где представлены факты не только о Северной Корее, но и о других странах по всему миру³.

В 1990–1995 гг. (условно выделяемый третий период) ситуация вокруг объема и качества доступной статистики кардинально меняется. Например, с 1990 г. Банк Кореи публикует статистику по динамике темпа роста валового национального дохода Северной Кореи. Появляется множество других организаций и специализированных учреждений Южной Кореи, которые также начинают вести статистический анализ КНДР. Кроме того, в 1991 г. КНДР и Республика Корея одновременно вступают в ООН; с этого момента Статистический отдел ООН, который занимается сбором, обработкой и распространением статистической информации государств – членов ООН, начал вести учет статистических данных Северной Кореи и публиковать их.

В 1995 г. в сфере статистики Северной Кореи произошли фундаментальные изменения, катализатором которых стал голод, разразившийся в стране в 1995 г. и длившийся до 1999 г., вынудивший ее обратиться за помощью к международным организациям. Северная Корея была обязана предоставить различные статистические данные (о ВВП, населении, здравоохранении

3 The World Factbook. North Korea // Central Intelligence Agency. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html> (дата обращения: 05.03.2025).

и т.д.), что является одним из основных требований для стран, являющихся потенциальными реципиентами гуманитарной помощи [Eberstadt, 2000]. Таким образом, реализация программ гуманитарной помощи, «приоткрыв» страну и дав ряду международных организаций возможность вести деятельность на территории КНДР, послужила еще одной возможностью для систематического сбора и составления статистики Северной Кореи.

С 1995 г. в эволюции статистики Северной Кореи произошел резкий скачок по причине усиления связи между КНДР и внешним миром. Следовательно, объем, качество и доступность северо-корейской статистики также заметно улучшились; это касалось и официальной статистики, обнародованной правительством, и статистики, публикуемой международными организациями.

Современные источники статистических показателей экономики КНДР

Проследив за историей развития статистической деятельности в Северной Корее, можно сделать вывод, что на современном этапе развития вся статистическая информация о КНДР подразделяется на следующие подвиды: официальная статистика, публикуемая властями Северной Кореи либо передаваемая ими международным организациям; статистические оценки правительственных органов и учреждений Республики Корея, а также независимых южнокорейских организаций; данные, предоставляемые международными организациями, в частности подразделениями ООН; информация, добытая с помощью высокотехнологичных спутниковых устройств.

Что касается официальной статистики, то на данный момент ее главным источником является «Отчет о вы-

полнении государственного бюджета КНДР за прошедший год и утверждение государственного бюджета на текущий год», который предоставляется министром финансов на ежегодных сессиях Верховного народного собрания [Захарова, 2014]. Также определенная часть статистики публикуется в северо-корейских СМИ, а кроме этого, существует возможность почерпнуть сведения из официальных сообщений из Северной Кореи, однако их количество ничтожно мало.

Определенный интерес представляет собой доклад «О подведении итогов исполнения партийной и государственной политики в 2023 году», зачитанный Ким Чен Ыном на расширенном заседании IX Пленума Центрального комитета Трудовой партии КНДР 8-го созыва, проходившем с 26 по 30 декабря 2023 г. На этом заседании были оценены итоги и достижения 2023 г., а также определены цели и задачи на 2024 г., и, нехарактерно для себя, правительство КНДР частично раскрыло информацию о ключевых показателях экономического развития страны. Стоит уточнить, что, в отличие от большей части мировой статистики, отраженной в натуральном выражении, правительство Северной Кореи в своих отчетах и заявлениях в основном оперирует коэффициентами и указанием отдельных процентных соотношений, что в определенной степени затрудняет статистические исследования (например, не всегда может быть известно значение базового показателя, в отношении которого указано то или иное изменение).

В докладе Ким Чен Ына было объявлено, что были достигнуты все главные цели, в частности, ВВП страны увеличился в 1,4 раза по сравнению с 2020 г., в основном за счет роста производства зерновых на 103%, железа и станков, производство которых увеличилось в 3,5 и 5,1 раза. В остальных сферах

промышленности рост также составил свыше 100%. Кроме того, были отмечены достижения в сфере строительства: в 40 городах и уездах было построено 58 тыс. жилых домов, что в 2 раза больше, чем в 2022 г., и планируется завершение строительства новых объектов в других городах и районах к весне 2024 г. Особое внимание было уделено достижениям в военном секторе экономики, в частности, успешному запуску межконтинентальных баллистических ракет «Хвасон-17» и «Хвасон-18»⁴.

Впрочем, южнокорейские эксперты ставят под сомнение тот факт, что экономика Северной Кореи смогла восстановиться за один год после трех лет застоя, за время которого стране пришлось столкнуться с кризисом в сфере здравоохранения в связи с пандемией COVID-19 и жестким санкционным давлением⁵. Например, всё еще является актуальным вопрос продовольственной безопасности страны. На заседании было объявлено, что государству удалось достигнуть и даже превысить свой целевой показатель по производству зерна. Администрация сельского развития Южной Кореи (RDA) оценивает производство зерновых в Северной Корее в 4,82 млн тонн, но, по оценкам ФАО, этого недостаточно для преодоления дефицита продовольствия в стране.

Помимо того, что недоверие к объявленным данным вызывает факт существующей пропаганды КНДР, следует также помнить, что экономика Северной Кореи – это плановая экономика социалистического государства, и по своей сути она строится на взаимо-

отношениях типа «принципал – агент», а значит, возникновение асимметрии полномочий звеньев управленческой цепочки и асимметрии информации неизбежно [Грегори, 2008]. Из-за фактора асимметрии в отчетах, исходящих от исполнителей нижнего звена, статистика зачастую может не соответствовать реальности и содержать избыточные либо, наоборот, неполные данные. Конечно, теория принципал – агента изначально была создана вовсе не для описания социалистических экономик, а для выявления проблем рыночной экономики. Однако в странах со свободным рынком существуют механизмы по борьбе с асимметрией информации, и в долгосрочной перспективе риск технических ошибок из-за предоставленной неверной информации мал.

Еще одна причина возможной недоверности официальной статистики заключается в карточной системе распределения продуктов питания, которая до сих пор сохранилась в КНДР. Например, когда в семье рождается ребенок, его родители уведомляют об этом на месте работы, работодатель в свою очередь передает эту информацию в местный центр, отвечающий за распределение продуктов, где она проверяется и подтверждается, а затем новорожденного вносят в список получателей продовольственных пайков. Однако именно по этой же причине жители Северной Кореи могут скрывать смерть одного из членов семьи, ведь пока факт смерти остается незарегистрированным, оставшиеся члены семьи продолжат получать продовольственные пайки, предназначавшиеся

4 Отчет о расширенном заседании 9-го пленума ЦК ТПК 8-го созыва – в присутствии председателя государственных дел Ким Чен Ына = 조선로동당 제8기 제9차전원회의 확대회의에 관한 보도-김정은총비서 참석// ЦТАК. – 2023. – URL : <http://www.kcna.co.jp/calendar/2023/12/12-31/2023-1231-001.html> (дата обращения: 05.03.2025).

5 Чха Ду Хён, Хан Ги Бом. Анализ 9-го пленума ЦК ТПК 8-го созыва: Акцент на «выдающихся достижениях» и враждебной политике по отношению к Южной Корее = 차두현, 한기범 북한 노동당 제8기 9차 전원회의 분석: 획기적인 성과와 대남 적 대노선의 강조. – 2024. – URL: <https://www.asaninst.org/contents/북한-노동당-제8기-9차-전원회의-분석-획기적인-성과/> (дата обращения: 05.03.2025).

умершему. Несомненно, подобная тенденция ведет к ошибкам в демографической статистике.

Неофициальные статистические источники

Так как официальная статистика, доступная широкому кругу исследователей, очень ограничена и зачастую вызывает сомнения в достоверности, в настоящее время основными источниками данных о КНДР являются корейские и международные организации. Например, Корейское агентство содействия торговле и инвестициям (KOTRA) проводит работу по сбору и систематизации зеркальной статистики, полученной от торговых партнеров Северной Кореи. Администрация сельского развития Южной Кореи (RDA) и другие организации начали собирать данные о производстве и поставках зерна, которые используются для оценки годового производства зерна в Северной Корее. Помимо названных организаций, к южнокорейским учреждениям, ведущим учет статистики Северной Кореи, можно отнести Корейский информационный статистический сервис (KOSIS), Корейскую ассоциацию международной торговли (KITA), Министерство объединения Республики Корея, Государственный институт развития (KDI), *Hyundai Research Institute*, *Samsung Economic Research Institute* и т.д. [Ким Сок Чин, 2019].

Среди международных организаций можно выделить ООН и ее подразделения, МВФ. Помимо международных организаций, которые стали давать собственные оценки экономи-

ки Северной Кореи в рамках компетенций, собственную статистику также стали выпускать государственные органы и научные организации отдельных стран. Выше уже было упомянуто ЦРУ США, однако также ярким примером может послужить Министерство сельского хозяйства США, публикующее статистику о производстве зерна и посевных площадях в Северной Корее⁶.

Источники демографической статистики КНДР

Статистика населения Северной Кореи, несомненно, играет большое значение в изучении экономики страны: население является одной из фундаментальных переменных, которая объясняет форму и структуру общества. Демографическая статистика КНДР является относительно доступной широкому кругу исследователей. Всеобщая перепись населения 1993 г., проведенная при поддержке ООН и опубликованная непосредственно властями Северной Кореи, использовалась как основной источник статистических данных для понимания демографических тенденций вплоть до проведения второй всеобщей переписи населения в 2008 г., данные которой были опубликованы в 2010 г.

Известно, что власти КНДР собирались провести третью перепись населения в 2018 г., впервые за 10 лет, при тесном сотрудничестве с Фондом ООН в области народонаселения⁷. Первые предварительные исследования должны были начаться в октябре 2017 г., также при технической и финансовой поддержке ЮНФПА. Одна-

6 North Korea Production // Foreign Agricultural Service, U.S. Department of Agriculture. – URL: <https://ipad.fas.usda.gov/countrysummary/default.aspx?id=KN> (дата обращения: 05.03.2025).

7 Census to Be Held in DPRK // KCNA WATCH. – 2017. – March 24. – URL: <https://kcnowatch.org/newstream/1490353412-924768818/census-to-be-held-in-dprk/> (дата обращения: 05.03.2025).

ко это не произошло, а в 2019 г. власти КНДР заявили о том, что всеобщая перепись населения будет проведена ими самостоятельно, без содействия ООН⁸. Возможная причина состоит в том, что ООН не удалось привлечь страны выделить финансы для проведения переписи в КНДР, в результате чего необходимый объем средств не был собран: многие государства опасались последствий такого «сотрудничества» с государством-изгоем, находящимся под усиленным давлением экономических санкций. До сих пор неизвестно, была ли в итоге проведена третья всеобщая перепись населения КНДР.

Так как в официальной демографической статистике есть «пробелы», для их заполнения разумно было бы обратиться к оценочным данным корейских и международных организаций: KOSIS и Статистического подразделения ООН. Так как со второй половины 1990-х годов Северная Корея получала гуманитарную продовольственную помощь от международного сообщества, страна предоставляет необходимые данные, непосредственно связанные с гуманитарной помощью. Эта статистика включает в себя данные об общей численности населения КНДР и ее регионов, основные показатели смертности и рождаемости, а также ряд других демографических показателей, таких как ожидаемая продолжительность жизни. В таблице 1 представлены данные о численности населения Северной Кореи, предоставленные властями КНДР, Корейской национальной статистической службой KOSIS и Статистическим отделом ООН.

Официальные данные от правительства КНДР за 2014 г. были взя-

ты автором из отчета *Socio-economic, demographic and health survey 2014 (SDHS 2014)* – документа, который является результатом исследования населения, жилищных условий, образования, экономической деятельности домохозяйств и т. д. Исследование было проведено Центральным статистическим бюро Северной Кореи при технической поддержке ЮНФПА. Данные за 2019 г. были взяты из Добровольного национального обзора КНДР по реализации Повестки 2030, опубликованного в 2021 г. В докладе были определены 17 ЦУР, 95 задач и 132 показателя, связанные с достижением ЦУР. Как можно заметить, данные о численности населения, предоставляемые правительством КНДР, всегда немного превышают оценки KOSIS и UNSD.

Известно, что KOSIS и Статистический отдел ООН используют данные переписей населения 1993 г. и 2008 г. как основу, применяя собственные допущения и оценки и создавая новые сценарии демографических изменений в стране, тем самым предоставляя возможность для анализа демографической ситуации даже при условии отсутствия официальных публикаций статистики от правительства [Обзор..., 2014]. Кроме того, можно заметить, что различия между данными KOSIS и ООН минимальны (см. таблицу 1).

Также эти данные собирают различные государственные агентства США, в частности ЦРУ и *U.S. Census Bureau*, и международные организации, членом которых является Северная Корея. Однако их количество и доступность ограничены, ведь чаще всего они используются в частных целях этих организаций и не всегда полностью доступны общественности.

8 White E. North Korea to hold census without UN funding support // Financial Times. – 2019. – June 17. – URL: <https://www.ft.com/content/9ec94514-90cc-11e9-aea1-2b1d33ac3271> (дата обращения: 05.03.2025).

Таблица 1. Численность населения КНДР, тыс. чел.**Table 1.** Population of the DPRK, in thousands of people

Год	Официальные данные, опубликованные КНДР	Данные, опубликованные <i>KOSIS</i>	Данные, опубликованные <i>UNSD</i>
1993	21 213	21 123	21 350
1994	21 514	21 353	21 607
1995	21 819	21 543	21 819
1996	22 114	21 684	22 114
1997	22 355	21 810	22 355
1998	22 554	21 942	22 554
1999	22 754	22 082	22 754
2000	22 963	22 175	22 963
2001	23 149	22 253	23 149
2002	–	22 369	23 313
2003	–	22 522	23 464
2004	23 612	22 709	23 612
2005	–	22 928	23 750
2006	–	23 079	23 874
2007	–	23 200	23 993
2008	24 052	23 934	24 108
2009	–	24 105	24 219
2010	–	24 245	24 325
2011	–	24 386	24 433
2012	–	24 525	24 543
2013	–	24 660	24 658
2014	24 895	24 796	24 777
2015	–	24 931	24 897
2016	–	25 063	25 017
2017	–	25 194	25 133
2018	–	25 314	25 244
2019	25 448	25 418	25 347
2020	–	25 513	25 443
2021	–	25 607	25 537
2022	–	25 697	25 631
2023	–	25 784	25 718

Источники: Socio-economic, Demographic and Health Survey 2014. – Pyongyang : Central Bureau of Statistics, 2015. – 142 p.; Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review on the Implementation of the 2030 Agenda // Government of the Democratic People's Republic of Korea. – 2021. – URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (дата обращения: 05.03.2025); Korean Statistical Information Service. – URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 05.03.2025); The United Nations Statistical Division. – URL: <https://unstats.un.org/UNSDWebsite/> (дата обращения: 05.03.2025).

Таблица 2. Темпы роста реального ВВП Северной Кореи, %

Table 2. Real GDP growth rate of North Korea, %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Темпы роста реального ВВП Северной Кореи, %	1,3	1,1	1	-1,1	3,9	-3,5	-4,1	0,4	-4,5	-0,1	-0,2	3,1

Источник: Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2023 // Bank of Korea. – URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttld=10086116&menuNo=400423&relate=Y&depth=400423&programType=newsDataEng> (дата обращения: 05.03.2025).

Источники данных о ВВП Северной Кореи

Не менее важным, чем демографические показатели, индикатором состояния государства является ВВП. В настоящее время исследователям доступны 4 источника показателей ВВП Северной Кореи: 1) официальные заявления правительства, 2) оценочные данные Банка Кореи и 3) статистика, опубликованная *UNSD*; 4) другие национальные и международные организации также публикуют информацию касательно ВВП Северной Кореи, например Всемирный Банк и ЦРУ США; однако большинство из них либо напрямую ссылаются на официальную статистику страны и данные, опубликованные Банком Кореи и *UNSD*, либо, как в случае с ЦРУ, сами агентства подчеркивают возможную неточность данных [Ли Сок, 2014].

С 1991 г. Банк Кореи ежегодно публикует показатели ВВП и ВВП Северной Кореи, а также динамику изменения показателей отдельных секторов экономики страны. Банк Кореи рассчитывает эти показатели в соответствии с Системой национальных счетов 2008, используя показатели объема производства в Северной Корее и данные о ценах и добавленной стоимости в Южной Корее. *UNSD* при расчете собственных показателей также использует данные Банка Кореи о темпах роста ВВП КНДР, но в отличие от Банка Кореи рассчитывает

ВВП и ВВП в долларах США и в северокорейских вонах, получая информацию об обменном курсе северокорейской воны к доллару США от Центрального статистического бюро Северной Кореи.

Несмотря на то, что эти показатели считаются достаточно точными, эксперты не рекомендуют использовать эти данные для международного сравнения ввиду специфики ценообразования в Северной Корее и обменных курсов. Также в пресс-релизах Банка Кореи напрямую говорится о том, что так как показатели оцениваются на основе южнокорейских цен и добавленной стоимости, то их не следует сравнивать с показателями других стран.

Согласно пресс-релизу Банка Кореи, в 2023 г. ВВП Северной Кореи составил 32 320,1 млрд корейских вон, что на 3,1% больше, чем в 2022 г.: в таблице 2 представлены показатели темпов роста реального ВВП Северной Кореи за 2012–2023 гг.

В этом документе говорится о том, что в 2023 г. в главных секторах экономики Северной Кореи также наблюдался положительный рост. В частности, по сравнению с 2022 г. производство в секторе сельского, лесного и рыболовного хозяйства увеличилось на 1%, объемы добычи полезных ископаемых увеличились на 2,6% (в основном за счет увеличения добычи угля). Промышленный сектор вырос на 5,9%, строительный сектор – на 8,2%, а сектор услуг – на 1,7%.

Особенности зеркальной статистики КНДР

Что касается торговой статистики, собранной зарубежными организациями и агентствами, то здесь также существует несколько особенностей, которые стоит принимать во внимание, работая со статистикой, и прежде всего со статистикой по внешнеторговой деятельности КНДР. Анализ торговли страны на основе зеркальной статистики сопряжен с различными техническими проблемами. К их числу относят различия в данных, связанные с прохождением товаров импорта и экспорта через третьи страны (включая посредническую торговлю) и их дальнейшим учетом; разные критерии определения страны происхождения товара; разные стандарты классификации товаров; разные методы агрегирования суммы экспорта и импорта (МВФ учитывает экспорт по *FOB*, а импорт – по *CIF*, в результате чего показатели импорта всегда немного завышены, а экспорта – занижены) [Анализ..., 2008].

Помимо подробной таможенной статистики, публикуемой отдельными торговыми партнерами Северной Кореи, существует также агрегированная зеркальная статистика, предоставляемая различными организациями, из которых наиболее цитируемыми являются *KOTRA*, МВФ и ООН. Однако можно заметить существенные различия в данных, представленных этими организациями, в первую очередь из-за разницы в методиках сбора и подсчета статистики, вследствие чего могут быть расхождения по количеству торговых партнеров и объему торговли в целом.

Например, разные организации по-разному учитывают торговлю Северной Кореи с развивающимися странами Африки, Латинской Америки и Ближ-

него Востока. *KOTRA*, как правило, исключает (либо корректирует данные) из своего анализа достаточно широкий список стран, статистика которых вызывает недоверие, так как может содержать неточности. Известно немало примеров, когда страны-партнеры Северной Кореи, составляя собственную внешнеторговую статистику, путали показатели торговли с Республикой Корея и КНДР (к примеру, Индия и некоторые другие страны публиковали данные, согласно которым из КНДР были импортированы медицинское оборудование и высокотехнологичные электронные приборы, что очевидно невозможно). Наиболее распространенными статьями экспорта, которые подвержены ошибкам, являются машины и транспортное оборудование, а в случае импорта – органические химикаты, железная руда и цветные металлы [Ким Мин Чон, Ким Да Уль, 2023].

Впрочем, если раньше *KOTRA* рассматривало от 50 до 70 стран, в последние года их список расширяется, и в 2023 г. в годовом отчете «Тенденции внешней торговли Северной Кореи» было рассмотрено 100 стран. МВФ и ООН, с другой стороны, обычно охватывают большее количество стран-партнеров Северной Кореи, включая даже те страны, данные которых могут быть ошибочны, что может привести к завышению оценок внешнеторгового оборота КНДР. Например, за 2005 г. МВФ приводит данные о торговле с Северной Кореей от 136 стран, за 2015 г. – от 130 стран, за 2020 г. – от 116 стран, за 2023 г. – 100 стран. Тем временем, если просмотреть отчеты *KOTRA* за эти же периоды, то можно заметить, что количество рассматриваемых стран гораздо меньше: за 2005 г. были собраны данные 64 стран, за 2015 г. – 77 стран, 2020 г. – 97 стран, в 2023 г. – 100 стран⁹.

9 Тенденции внешней торговли Северной Кореи = 북한대외무역동향 // *KOTRA* official website. – URL: <https://www.kotra.or.kr/kp/index.do> (дата обращения: 05.03.2025).

Соответственно, разница между данными бывает достаточно велика. Так, по данным KOTRA за 2000 и 2022 гг. объем торговли Северной Кореи составлял 1,9 млрд и 1,58 млрд долл. соответственно, по данным ООН – 2,8 млрд и 1,59 млрд долл., по

данным МВФ – 3 млрд и 2,1 млрд долл. Можно заметить, что разница между данными бывает достаточно велика, особенно выделяется различие между результатами подсчета данных МВФ и статистикой KOTRA и ООН (таблица 3).

Таблица 3. Торговый оборот КНДР за 2000–2023 гг., млн долл. США

Table 3. Trade turnover of the DPRK for 2000–2023, million US dollars

Годы	ООН	KOTRA	МВФ
2000	2394	1969	3099,207
2001	2673	2270	4208,344
2002	2902	2260	3087,683
2003	3115	2391	2887,44
2004	3557	2857	3691,769
2005	4056	3001	4970,709
2006	4345	2995,8	5273,488
2007	4740	2941,1	6022,277
2008	5640	3815,7	6592,377
2009	5090	3413,8	4598,03
2010	6085	4174,4	6015,516
2011	8075	6357,1	7859,897
2012	8780	6811,3	7656,915
2013	8485	7344,8	8581,491
2014	9950	7610,9	8580,295
2015	9034	6251,8	7371,611
2016	6863	6531,7	7585,544
2017	5551	5550	5743,659
2018	2872	2843,5	3620,543
2019	3257	3245	3890,257
2020	864	863	1213,276
2021	711	713,4	894,3582
2022	1590	1585,6	2064,446
2023	2980	2769,1	–

Источники: UNCTADstat Data centre // UNCTAD website. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 05.03.2025); Тенденции внешней торговли Северной Кореи = 북한대외무역동향 // KOTRA official website. – URL: <https://www.kotra.or.kr/kp/index.do> (дата обращения: 05.03.2025); Direction of Trade Statistics // International Monetary Fund website. – URL: <https://data.imf.org/?sk=9d6028d4-f14a-464c-a2f2-59b2cd424b85> (дата обращения: 05.03.2025).

Экспорт КНДР, в млн долл. США

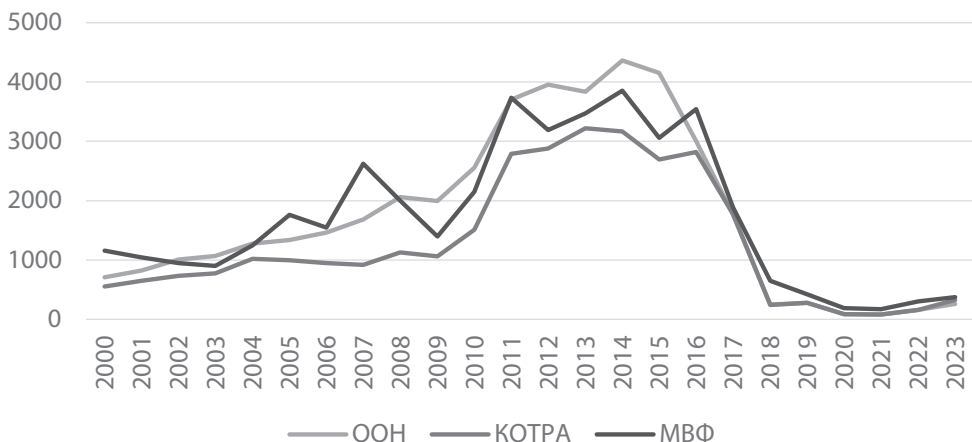

Рисунок 1. Динамика экспорта КНДР (по разным данным)

Figure 1. Dynamics of the DPRK exports (according to various sources)

Еще одним важным аспектом при работе с агрегированной статистикой, предоставленной международными организациями, является факт учета межкорейской торговли как внешней. Торговля между КНДР и Республикой Корея в этих странах официально считается «внутригосударственным обменом», и, соответственно, КОТРА не учитывает эти данные при оценке внешней торговли Северной Кореи.

График динамики экспорта КНДР, представленный ниже, иллюстрирует, что данные разных организаций не только различны по величине, но и не всегда одинаково отражают тенденции изменений торговых показателей.

Эксперты сходятся во мнении, что оптимальный способ работы с зеркальной статистикой торговли Северной Кореи заключается в том, что, беря за основу статистику, публикуемую КОТРА, необходимо добавлять к ней статистику отдельных стран из отчетов ООН

и МВФ, обязательно также учитывая межкорейскую торговлю (то есть потоки между КНДР и Республикой Корея).

Согласно годовому отчету организации КОТРА, в связи с окончанием пандемии COVID-19 и смягчением ограничительных торговых мер экспорт по статье «обработанные перья и пух и изделия из них» вырос на 1332,5%, тем самым став крупнейшей статьей экспорта Северной Кореи в 2023 г. Экспорт минеральных продуктов, которые были основными экспортными товарами КНДР до санкций ООН 2016 г. (Резолюция ООН 2371, Резолюция ООН 2375), сократился на 15,2% и составил 17% общего объема экспорта Северной Кореи. В 2023 г. импорт Северной Кореи увеличился на 71,3%, в основном за счет более интенсивной торговли с Китаем. Основными статьями импорта являются текстильные материалы и изделия, готовые пищевые продукты и химические продукты¹⁰.

10 Тенденции внешней торговли Северной Кореи = 북한대외무역동향 // KOTRA official website. – URL: <https://www.kotra.or.kr/kp/index.do> (дата обращения: 05.03.2025).

Если до 1990 г. главными партнерами КНДР были страны социалистического лагеря, в особенности СССР, то в настоящее время, согласно данным КОТРА, основными торговыми партнерами Северной Кореи являются Китай, Вьетнам, Индия, Мозамбик и Австрия. На торговлю с Китаем приходится 98,27% (в 2022 г. – 96,7%) всей внешней торговли КНДР, в то время как доля остальных четырех стран составляет 0,57; 0,17; 0,11 и 0,11% соответственно.

Спутниковые снимки как способ оценки экономики КНДР

Другим неофициальным источником информации являются спутниковые снимки. Они представляют особый интерес как относительно новый способ получения информации об экономике развивающихся стран, исследования и анализ которых затруднены за неимением достаточного количества подтвержденных данных. За последнее десятилетие ученые стали всё чаще применять снимки со спутников, позволяющих собрать и проверить данные о тех аспектах экономики Северной Кореи, которые ранее оставались неизвестны, так как информация, полученная при использовании снимков, может помочь в заполнении некоторых информационных пробелов, которые так или иначе появляются при оценке хозяйственной деятельности и экономических отношений, более традиционными, устоявшимися методами [Melvin, 2016].

Например, спутниковые снимки можно использовать для наблюдения за теми частями страны, которые остаются недоступными для иностранных ученых, приезжающих в Северную Корею, представителей международных организаций и филиалов иностранных агентств. Они позволяют определить, как продвигается выполнение новых

строительных проектов, о которых было объявлено в официальных СМИ; подтвердить информацию, опубликованную правительством Северной Кореи, например, об ущербе от стихийных бедствий; фиксировать события и происшествия, о которых не было объявлено в официальных СМИ (например, рост числа новых официальных и неофициальных рынков); подтвердить или, наоборот, опровергнуть слухи и непроверенную информацию, исходящую из северокорейских источников. Кроме того, спутниковые снимки широко используются для получения данных об уровне ночной освещенности [Kim Dawool, 2022]. Многие исследования доказывают связь между ночным освещением и социально-экономическими показателями, такими как уровень урбанизации, ВВП, плотность застройки, потребление электроэнергии и т.д.

В настоящее время главной целью исследователей является усовершенствование способности комплексной интерпретации спутниковых снимков (например, с помощью искусственного интеллекта). Так, посмотрев на конкретный спутниковый снимок, можно определить, отображены ли на нем логистические центры, сельскохозяйственные угодья, фабрики и т.д., и на основе этой информации сделать выводы об экономических, отраслевых характеристиках конкретного региона [Ём Чон Мин, 2024].

Показания северокорейских перебежчиков

Отдельно стоит отметить показания беженцев (перебежчиков) из Северной Кореи как еще один способ понять природу режима КНДР и ситуацию внутри страны. Рассказы перебежчиков служат ценным источником информации, предоставляют возможность понять и оценить экономическое положение

страны, условия жизни ее граждан и структурные политические и экономические изменения.

С 2010 г. Министерство объединения Республики Корея занимается проектом по сбору информации об экономике и обществе Северной Кореи и опросило за последнее десятилетие более 6000 перебежчиков. В 2024 г. Министерство объединения выпустило отчет «Отчет об экономике и обществе Северной Кореи глазами 6351 перебежчика» [Report..., 2024]. Данный документ представляет собой уникальную работу, в которой собраны и обработаны показания перебежчиков, а также аналитика экспертов, специализирующихся в изучении Северной Кореи. В отчете рассмотрен период с 2013 по 2020 г. (так как число перебежчиков, сумевших попасть в Южную Корею после закрытия границ в связи с пандемией, слишком мало для включения их показаний в отчет) и охватывается широкий диапазон вопросов: в области демографии (статистика по возрасту и полу, месту проживания, а также уровня доходов, образования и т.д.), в области экономики (включая личное отношение населения к экономической системе страны и рыночной системе как таковой), в области социальной сферы (здравоохранения, образования, социального обеспечения, доступности продовольствия, жилья и т.д.).

Тем не менее к любым показаниям перебежчиков стоит относиться скептически. В монографии «Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021)» [Асмолов, Захарова, 2022] авторы подробно объясняют, что свидетельства беженцев не всегда являются правдивым отражением реальности и работа с ними осложняется несколькими факторами. Например, риск влияния индивидуальных особенностей интервьюера (его пол, возраст, национальность) на ответы перебежчика; способность опрашивающе-

го критически относиться к показаниям отвечающего. Кроме того, в Южной Корее перебежчики находятся под контролем спецслужб, и излишне положительные высказывания о режиме и жизни в Северной Корее могут стать причиной для обвинения в шпионаже.

Заключение

Сегодня множество исследователей прилагают усилия для достижения прогресса в области северокорейской статистики. Ведь статистика – это важная часть любого экономического анализа страны, так как она является средством, помогающим в эффективном сборе и анализе данных. Несомненно, статистический «блэкаут» в 1960–1980 гг., во время которого власти Северной Кореи отказывались публиковать статистику из соображений национальной безопасности, заметно повлиял на качество официальной статистики КНДР, что побудило зарубежных ученых самостоятельно искать пути для самостоятельного сбора и организации статистической информации.

В настоящее время не существует полностью достоверной статистики по КНДР, однако доступны оценочные данные государственных организаций и исследовательских институтов Республики Корея, которые предоставляют достаточно широкий перечень статистических показателей. Внешняя торговля КНДР отражена с помощью агрегированной зеркальной статистики, собранной KOTRA, а также такими международными организациями, как МВФ и ООН, несмотря на то, что в методах подсчета этих организаций есть различия, и порой существенные, начиная с 2016 г. (периода, когда против КНДР были введены санкции) количество расхождений заметно уменьшается. Кроме того, всё большую популярность набирает способ оценки состояния экономики страны путем из-

учения спутниковых снимков, а постоянное совершенствование технологий анализа снимков обеспечивает надежность оценок экономического и социального положения Северной Кореи. Таким образом, прикладывается много усилий для улучшения условий по изучению экономики Северной Кореи, однако стоит помнить, что, работая со статистикой Северной Кореи, следует учитывать специфику ее источников и методологий сбора и подсчета.

Список литературы

- Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). – Москва : ИКСА РАН. – 2022. – 440 с.
- Грегори П. Политическая экономика сталинизма. – Москва : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 398 с.
- Захарова Л.В. Экономическая статистика КНДР: проблема поиска данных и их использования // Россия и Корея в меняющемся мире. – Москва : ИДВ РАН. – 2014. – С. 153–162.
- Eberstadt N. Our Own Style of Statistics: Availability and Reliability of Official Quantitative Data for the Democratic People's Republic of Korea // The Economics of Korean Reunification. – 2000. – Vol. 5, N 1. – P. 68–93.
- Kim Dawool. Assessing regional economy in North Korea using nighttime light // Asia and the Global Economy. – 2022. – Vol. 2, N 3. – Article 100046. – DOI: 10.1016/j.aglobe.2022.100046.
- Lee Suk. Reliability and Usability of the DPRK Statistics: Case of Grain Statistics in 1946–2000 // International Journal of Korean Unification. – 2006. – Vol. 15, N 1. – P. 132–172.
- Lee Suk, Cho Byungkoo. North Korean Statistics and Research on the North Korean Economy // Dialogue on the North Korea Economy (Korea Development Institute). – 2021. – April. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/234188/1/1758248637.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).
- Melvin C. Can Satellite Imagery Help Us Evaluate the Kim Jong-un Economy? // KDI 북한경제리뷰 = KDI North Korea Economic Review. – 2016. – N 12. – P. 77–83.
- Nam Sung Woo. A Study on the Evaluation of North Korean Statistical Services by Statistics Korea and Quality Improvement Directions // Journal of Peace and Unification. – 2023. – Vol. 13, N 1. – P. 35–61.
- Report on North Korea's Economy and Society as Perceived by 6,351 Defectors / Lee Wooyoung [et al.]. – 2024. – 376 p. – URL: [https://www.unikorea.go.kr/cms/getFile.do?file=202501221547264624.pdf&orgname=Report%20on%20North%20Korea%E2%80%99s%20Economy%20and%20Society%20as%20Perceived%20by%206%20351%20Defectors\(2025-01-22\).pdf&mgmtId=MGMT_0000005057&siteId=SITE_00003&filePath=eng_unikorea/common/file/&count=Y](https://www.unikorea.go.kr/cms/getFile.do?file=202501221547264624.pdf&orgname=Report%20on%20North%20Korea%E2%80%99s%20Economy%20and%20Society%20as%20Perceived%20by%206%20351%20Defectors(2025-01-22).pdf&mgmtId=MGMT_0000005057&siteId=SITE_00003&filePath=eng_unikorea/common/file/&count=Y) (дата обращения: 05.03.2025).
- Анализ структуры торговли Северной Кореи и ее влияние на межкорейскую торговлю / Ко Иль Дон, Ли Сок, Ким Сан Ки, Ли Чжэ Хо = 북한의 무역구조 분석과 남북경협에 대한 시사점 / 고일동, 이석, 김상기, 이재호. – Сеул : Корейский институт развития, 2008. – 358 с. – Кор. яз.
- Ём Чон Мин. Изучение возможности исследования экономики Северной Кореи с использованием спутников и искусственного интеллекта = 염종민. 인공위성과 인공지능을 이용한 북한경제 연구 가능성 모색 // KDI 북한경제리뷰 = Обзор экономики Северной Кореи, Корейский институт развития. – 2024. – № 12. – С. 20–31. – Кор. яз.
- Ким Мин Чон, Ким Да Уль. Реконструкция и анализ долгосрочных данных по экспорту и импорту Северной Кореи: 1962–2018 гг. = 김민정, 김다울.

북한 장기 수출입 데이터 재구축 및 분석 : 1962–2018년. – 서울 : Банк Кореи, 2023. – 89 с. – Кор. яз.

Ким Сок Чин. Последние исследования экономики Северной Кореи = 김석진. 최근 북한경제 연구 현황과 과제 // Журнал исследования мира и объединения = 통일과 평화. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 33–78. – Кор. яз.

Ли Сок. Анализ и реконструкция социально-экономической статистики

Северной Кореи = 이석. 북한의 사회경제통계 분석과 재구축. – 서울 : Корейский институт развития, 2014. – 185 с. – Кор. яз.

Обзор экономических исследований Северной Кореи и их влияния на политику в отношении КНДР / Ли Сок [и др.] = 북한경제의 분야별 현안 분석과 대북정책에의 시사점 / 이석 et al. – 서울 : Корейский институт развития, 2014. – 360 с. – Кор. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.09

The Problem of Economic Data Sources on the DPRK

Varvara I. KISELEVA

Senior Laboratory Assistant of the Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: var.kiseleva000@gmail.com

ORCID: 0009-0000-2007-0071

CITATION: Kiseleva V.I. (2025). The Problem of Economic Data Sources on the DPRK. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 146–162 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.09

Received: 18.02.2025.

Revised: 05.03.2025.

ABSTRACT. *It is widely acknowledged that North Korea has attracted limited interest among economists, primarily due to the scarcity of reliable data available for comprehensive analysis. The country's economy remains underexplored, as the statistical indicators that typically serve as the foundation for rigorous socio-economic assessments are largely inaccessible. The challenge is not only the questionable reliability of existing data but also the broader issue of its availability. Nevertheless, as demand for insights into North Korea's economic conditions increases, various orga-*

nizations worldwide have begun publishing independent estimates. However, considering the difficulties associated with obtaining reliable statistics even in transparent, well-documented economies, the accuracy of data concerning a state that treats even minimal economic information as a matter of national security remains highly uncertain. This article seeks to examine the historical context surrounding the existence and accessibility of statistical data on North Korea while analyzing the sources currently available. Employing historical, comparative, and statistical methodologies, the study

critically evaluates the reliability and implications of existing economic assessments.

KEYWORDS: DPRK, statistics, mirror statistics, satellite images.

References

- Analiz... (2008). Go Il-dong, Lee Seok, Kim Sang-ki, Lee Jae-ho. *Analysis of North Korea's Trade Structure and Implications for Inter-Korean Economic Cooperation*. Seoul: KDI, 358 pp. (in Korean).
- Asmolov K.V., Zakharova L.V. (2022). Contemporary North Korea: the First Decade of the Kim Jong Un Era (2012–2021). Moscow, ICCA RAS. 440 pp. (in Russian).
- Eberstadt N. (2000). Our Own Style of Statistics: Availability and Reliability of Official Quantitative Data For The Democratic People's Republic of Korea. *The Economics of Korean Reunification*. Vol. 5, no. 1, pp. 68–93.
- Gregory P. (2008). *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives*. Moscow: ROSSPEN, 398 pp. (in Russian).
- Kim Dawool (2022). Assessing regional economy in North Korea using nighttime light. *Asia and the Global Economy*. Vol. 2, no. 3. DOI: 10.1016/j.aglobe.2022.100046.
- Kim Min-Jeong, Kim Da-Wool (2023). *Reconstruction and Analysis of Long-term Export and Import Data in North Korea: 1962–2018*. Seoul, Bank of Korea, 89 pp. (in Korean).
- Kim Seok-jin (2019). Current status and tasks of research on the North Korean economy. *Journal of Peace and Unification Studies*. Vol. 11, no. 1, pp. 33–78 (in Korean).
- Lee Seok (2014). Analysis and Reconstruction of Socio-economic Statistics of North Korea. Seoul: KDI, 185 pp. (in Korean).
- Lee Suk (2006). Reliability and Usability of the DPRK Statistics: Case of Grain Statistics in 1946–2000. *International Journal of Korean Unification*. Vol. 15, no. 1, pp. 132–172.
- Lee Suk, Cho Byungkoo (2021). North Korean Statistics and Research on the North Korean Economy. *Dialogue on the North Korea Economy* (Korea Development Institute), April. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/234188/1/1758248637.pdf>, accessed 05.03.2025.
- Melvin C. (2016). Can Satellite Imagery Help Us Evaluate the Kim Jong-un Economy? *KDI North Korea Economic Review*. No. 12, pp. 77–83.
- Nam Sung Woo (2023). A Study on the Evaluation of North Korean Statistical Services by Statistics Korea and Quality Improvement Directions. *Journal of Peace and Unification*. Vol. 13, no. 1, pp. 36–61.
- Obzor... (2014). Lee Seok et al. *Analysis of Current Issues in Each Sector of the North Korean Economy and Implications for North Korea Policy*. Seoul: KDI, 360 pp. (in Korean).
- Report... (2024). Lee Wooyoung et al. Report on North Korea's Economy and Society as Perceived by 6,351 Defectors. 376 pp. Available at: [https://www.unikorea.go.kr/cms/getFile.do?file=202501221547264624.pdf&orgname=Report%20on%20North%20Korea%E2%80%99s%20Economy%20and%20Society%20as%20Perceived%20by%206%20351%20Defectors\(2025-01-22\).pdf&mgmtId=MG-MT_0000005057&siteId=SITE_00003&filePath=eng_unikorea/common/file/&count=Y](https://www.unikorea.go.kr/cms/getFile.do?file=202501221547264624.pdf&orgname=Report%20on%20North%20Korea%E2%80%99s%20Economy%20and%20Society%20as%20Perceived%20by%206%20351%20Defectors(2025-01-22).pdf&mgmtId=MG-MT_0000005057&siteId=SITE_00003&filePath=eng_unikorea/common/file/&count=Y), accessed 05.03.2025.
- Zakharova L.V. (2014). Economic statistics of the DPRK: the problem of searching for data and their use. In: *Russia and Korea in a Changing World*. Moscow: IFES RAS, pp. 153–162 (in Russian).
- Yeom Jong-min (2024). Exploring the Possibility of Researching the North Korean Economy Using Satellites and Artificial Intelligence. *KDI North Korea Economic Review*. No. 12, pp. 20–31 (in Korean).

Актуальные вопросы безопасности

УДК 323(7/8)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.10

Милитаризация преступных организаций как фактор криминального мятежа (на примере латиноамериканских банд и картелей)

Константин Сергеевич СТРИГУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Автономная некоммерческая организация дополнительного
профессионального образования «Академия политических наук ALTER»
ул. Свободы, д. 91, к. 2, пом. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125481
E-mail: sks6891@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6202-7493

ЦИТИРОВАНИЕ: Стригунов К.С. Милитаризация преступных организаций как фактор криминального мятежа (на примере латиноамериканских банд и картелей) // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 163–182.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.10

Статья поступила в редакцию 01.11.2024.
Исправленный текст представлен 27.12.2024.

АННОТАЦИЯ. За последние три десятилетия некоторые банды и картели в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ) достигли новых эволюционных уровней, создав угрозу территориальной целостности государств. Эти преступные организации (ПО) непрерывно внедряют организационные и технологические инновации, что способствует их милитаризации. Цель данной работы – на примере ряда латиноамериканских банд и картелей показать милитаризацию этих ПО как фактор их трансформации в де-факто политические субъекты криминального мятежа и участников внутреннего вооруженного конфликта.

Установлено, что влияние милитаризации на эволюцию преступных организаций в условиях криминального мятежа коренным образом отличается от влияния на организованную преступность кооптации ею сотрудников силовых ведомств и получения преступниками доступа к вооружению в тех странах, где отсутствуют условия для криминального мятежа. Данный вывод основывается на том, что в криминальном мятеже милитаризация преступных организаций делает возможным прямое противодействие государству со стороны преступников вплоть до создания прямой угрозы его территориальной целостности. Вследствие этого пре-

ступные организации способны выступать в качестве де-факто политических субъектов, чем создаются условия для возникновения внутреннего вооруженного конфликта. Также выявлены основные типы милитаризации преступных организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступные организации, Латинская Америка и Карибский бассейн, милитаризация, криминальный мятеж, террористы, повстанцы, национальная безопасность, внутренний вооруженный конфликт.

Введение

В течение последних десятилетий преступные организации с экономической мотивацией¹ прошли длительный эволюционный путь, достигнув потенциала, представляющего угрозу территориальной целостности государства, тем самым приобретая признаки субъектов с де-факто политическими целями. Как отмечает В.Н. Лунин в работе [Современная..., 2017, с. 79], «наркобизнес как органическая составная часть современных объединенных преступных группировок постоянно тяготеет к политизации своей деятельности и структур, стремясь в перспективе к созданию некоего наркотеррористического квазигосударства». В то же время Д.В. Морозов скептически относится к такой возможности, поскольку, по его мнению, «практика показывает, что наркоструктуры предпочитают осуществлять территориальный контроль опосредованно – через легально действующие властные структуры. Это позволяет наркокартелям править, оставаясь в тени» [Морозов, 2018]. С другой стороны, как показал автор на примере Мекси-

ки и Бразилии в работах [Стригунов, 2024а; Стригунов, 2024б], при достижении достаточно высокого уровня развития ПО способны осуществлять силовой контроль территорий, без чего они не в состоянии достигать экономических целей, в том числе для достаточного обеспечения себя ресурсами. Поскольку территориальный контроль означает угрозу национальной безопасности, территориальной целостности и суверенитету государства, то в этом случае экономические и де-факто политические цели ПО неразличимы и неразделимы друг от друга. Следовательно, криминальная группировка, например, банда или картель, выступает в качестве криминального повстанца, являющегося участником криминального мятежа, отличающегося от обычного терроризма и мятежа. Данное отличие состоит в том, что единственным политическим мотивом криминальных повстанцев является получение автономии и экономического контроля над территорией. Как отмечает А. Бустаманте в работе [Bustamante, 2020], преступные повстанческие движения являются негосударственными субъектами с высоким уровнем иерархической организации, основанной на сетях или узлах, чьи боевые возможности позволяют им совершать резкие изменения внутри структур государства. Цель этого – паразитирование на неуправляемых территориях и поддержание территориального контроля над населенным пунктом, имеющим стратегическое значение для продолжения их незаконных операций. Отметим, что криминальный мятеж иногда рассматривается как разновидность коммерческого мятежа [Metz, 1993].

1 Далее под преступными организациями понимаются криминальные структуры, чья цель состоит в извлечении прибыли незаконным путем, если не оговорено иное.

К сторонникам подхода, согласно которому высокоразвитые ПО следует рассматривать в качестве криминальных повстанцев, относятся, в частности, Дж. Салливан, Р. Банкер и М. Мэнваринг. Так, развитые мексиканские картели типа *Los Zetas*² и *Los Caballeros Templarios* Р. Банкер рассматривал как новые военные образования, которые используют «криминальных солдат», став прямой угрозой целостности мексиканского государства там, где они действуют [Bunker, 2013]. Исследователь отмечает, что в то время, как первоначальная основа криминального мятежа имеет экономическое происхождение³, сами картели, создавшие сотни «зон безнаказанности» (то есть свободных от государственного влияния), рассматриваются как фактически политизированные субъекты. Этого же подхода придерживаются М. Мэнваринг и Дж. Салливан [Manwaring, 2005; Sullivan, 2014]. Другой исследователь, Х. Мендисабаль, в работе [Mendizábal, 2023] отмечает, что криминальный мятеж не направлен на свержение правительства или навязывание какой-либо идеологии. Напротив, его цель состоит в том, чтобы вызвать крайне жестокую борьбу против государства за получение автономии и экономической выгоды от своей преступной деятельности в условиях полной безнаказанности, освобождая себя от всех видов государственного контроля.

Таким образом, криминальный мятеж – это организованное насильственное действие преступных организаций с корыстной мотивацией, которые в процессе своей эволюции достигают такого организационного, кадрового и ресурсного потенциала, при котором они способны де-факто достигать политических целей через силовой терри-

ториальный контроль и инфильтрацию в госаппарат, демонополизируя право государства на социально санкционированное применение силы, тем самым создавая угрозу его суверенитету и территориальной целостности.

Существует целый ряд факторов, способствующих возникновению криминального мятежа, начиная от контроля наркопроизводства и наркотрафика, что дает колоссальные ресурсы ПО, и заканчивая фрагментацией преступных группировок, порой приводящей к их организационному усложнению. Так произошло в Колумбии после ликвидации Медельинского картеля и картеля Кали, что показано в работе М. Кенни [Kenney, 2007], и в Мексике, где, как отмечают исследователи ИЛА РАН в коллективной монографии [Политические..., 2017, с. 208], процесс фрагментации сопровождался переделом территории и собственности между картелями. На этот процесс влияла милитаризация ПО. Основная идея данного исследования состоит в том, что милитаризация ПО способствует радикальному организационному усложнению и росту их интегрального потенциала, вследствие чего эти акторы уже могут принимать участие в криминальном мятеже, выйдя из-под государственного контроля и замещая собой государство на его отдельных территориях. В работе показано, что, хотя милитаризация преступности сама по себе – явление не новое и достаточно распространенное, поскольку воспользоваться навыками и знаниями людей, имеющих военный и полицейский опыт или опыт работы в спецслужбах, желают главари многих ПО, далеко не всегда подобная кооптация приводит к организационным преобразованиям группировок, позволяю-

2 Распавшись на несколько фрагментов, ныне как единая организация не существует.

3 Извлечение прибыли преступными методами.

щим им оспаривать власть государства на определенных территориях и выступать в качестве субъекта криминального мятежа. Например, в традиционных преступных сообществах привлечение лиц с военным и оперативным опытом позволяет проводить более изощренные операции в наркоторговле, контрабанде, финансовых преступлениях и др. Так, в США, Европе, в странах бывшего Советского Союза известны примеры привлечения главарями ОПГ экс-военных и выходцев из других силовых структур для участия в преступной деятельности. Однако эти группировки не представляют угрозы для территориальной целостности государств.

Ситуация кардинально меняется, когда милитаризация ПО становится повальной, как это происходит в некоторых странах Латинской Америки и Карибского бассейна в условиях ослабления государственных институтов. В подобных случаях ПО не просто обучаются более сложным операциям и схемам, но и оказываются в состоянии бросить вызов государственной власти на определенной территории, вынуждая правительства отвечать не только полицейскими силами, но и войсками. Следовательно, создаются все предпосылки для внутреннего вооруженного конфликта (ВВК) в форме криминального мятежа, когда милитаризация ПО выступает в качестве части комплекса факторов организационных преобразований группировок, благодаря которым эти насильственные акторы в состоянии подрывать государственный суверенитет и нарушать его территориальную целостность. ПО

в таком ВВК выступают в качестве де-факто политических субъектов.

Ключевыми признаками ВВК являются 1) достижение необходимого уровня интенсивности насилия и 2) наличие организованности сторон конфликта. Уровень интенсивности насилия мы определяем на основе классификации Уппсальской программы данных о конфликтах (англ. *The Uppsala Conflict Data Program, UCDP*), согласно которой при количестве смертей от 25 до 1000 человек в год конфликт считается незначительным, а свыше 1000 – соответствует войне⁴. Порог организованности представляет набор ряда показателей, при этом сторона ВВК может соответствовать только части из них, включая наличие командной структуры и дисциплинарных правил, контроль территории, доступ к оружию или военной технике, вербовку рекрутов⁵. Цель данной работы – на примере ряда латиноамериканских банд и картелей показать милитаризацию этих ПО как фактор их трансформации в де-факто политические субъекты криминального мятежа и участников ВВК.

Кооптация бойцов силовых ведомств и экс-комбатантов повстанческих формирований в преступные группировки

Одной из важнейших причин, приводящих к милитаризации ПО, является включение ими в свою организацию действующих или бывших сотрудников силовых ведомств, а также экс-боевиков военизированных формирований, имеющих опыт иррегулярной войны. Эти лица, обладающие военными зна-

4 UCDP/PRIO armed conflict dataset codebook. Version 19.1 // Uppsala Conflict Data Program. – 2019. – URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdprio/ucdp-prio-acd-191.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

5 How is the term «armed conflict» defined in international humanitarian law? // International Committee of the Red Cross Opinion Paper. – 2024. – April. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document_new/file_list/armed_conflict_defined_in_ihl.pdf (дата обращения: 14.12.2024).

ниями и навыками, повышают военный потенциал ПО, которые получают двойную выгоду от их привлечения. Во-первых, экс-сотрудники силовых ведомств и бывшие участники повстанческих/террористических организаций выступают в роли инструкторов рядовых членов ПО. Во-вторых, они сами задействуются в операциях группировок, чем повышают вероятность их успеха.

Среди примеров подобного симбиоза можно выделить участие бывших военных в подготовке боевиков банд в бразильских фавелах⁶. Вследствие такого взаимодействия участники банд получали навыки, обучаясь тактике мелких групп в городских условиях, преодолению препятствий, применению камуфляжа, координации и пр. Следовательно, обученные подобным образом участники ПО увеличивают свои шансы на выживание в столкновениях с бразильскими силовыми структурами. Например, крупнейшая бразильская банда *Primeiro Comando da Capital* (PCC) принимает к себе на «работу» диссидентов «Революционных вооруженных сил Колумбии»⁷ (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC*). Цель – получение тяжелого вооружения и военной подготовки, которые необходимы PCC для борьбы с силовыми структурами Бразилии, а также для расширения своей деятельности в сопредельных странах, включая Колумбию.

Еще одним примером милитаризации является включение в свою структуру вплоть до командных должностей боевиков из повстанческих/террори-

стических организаций. В частности, ранее с PCC установил контакт партизан чилийского происхождения Маурисио Эрнандес Норамбуэна, бывший участник леворадикальной организации «Патриотический фронт Мануэля Родригеса» (*Frente Patriótico Manuel Rodríguez*). Исследователи М. Кристино и К. Тоньоли в своей работе [Christino, Tognolli, 2017] отмечают усложнение структуры PCC в течение времени, когда с ней взаимодействовал М. Норамбуэна. Подобная кооптация способствовала увеличению интегрального потенциала этой ПО, совершенствованию ее способности планировать свои акции, включая противодействие силовым структурам и осуществление масштабных грабежей.

Ярким примером милитаризации ПО являются и мексиканские картели. Одним из первых и наиболее знаковых случаев с участием профессиональных солдат-дезертиров, присоединившихся к крупным картелям, является переход бойцов элитного отряда «Аэромобильная группа специального назначения» (*Grupo Aeromóvil de Fuerzas Especiales, GAFES*) в *Cártel del Golfo*. Впоследствии они от него откололись и создали картель *Los Zetas*, известный своим крайним насилием. Являясь преступной группировкой, состоящей из бывших солдат, *Los Zetas* продемонстрировал преимущество перед другими картелями в силу профессиональной подготовки, выстроенной иерархии, идентичности, знаниям и способности к территориальному контролю, полученного признания среди гражданских лиц, наконец, будучи

6 Например: Бывшие военнотружующие обучают преступные группировки Рио тактике партизанской войны = Ex-militares ensinam táticas de guerrilha para facções criminosas no Rio // Diário do Poder. – 2018. – 4 de março. – Порт. яз. – URL: <https://diariodopoder.com.br/uncategorized/ex-militares-ensinam-taticas-de-guerrilha-para-faccoes-criminosas-no-rio> (дата обращения: 03.09.2024); Conteúdo E. В Рио бывшие военнотружующие обучают фракции армейской тактике = No Rio, ex-militares ensinam táticas do Exército a facções // Veja. – 2024. – 4 de junho. – Порт. яз. – URL: <https://veja.abril.com.br/brasil/no-rio-ex-militares-ensinam-taticas-do-exercito-a-faccoes> (дата обращения: 03.09.2024).

7 Jelmayer R., Vyas K., Pearson S. Brazilian Gang Enlists FARC Rebels for Drug Trade // The Wall Street Journal. – 2017. – January 31. – URL: <https://www.wsj.com/articles/brazilian-gang-enlists-farc-rebels-for-drug-trade-1485858609> (дата обращения: 04.09.2024).

автономной в своей деятельности и гибкой по своей структуре организацией [Echavarría, 2019, p. 16].

Другая мексиканская ПО, кооптировавшая военных, – *Cártel de Jalisco Nueva Generación (CJNG)*. Инновационный подход этого картеля, включавший вербовку военных, позволил ему распространить свою активность в 40 странах мира⁸ всего за 15 лет (считается, что картель образовался в 2009 г.). Например, Отто Фернандо Годой Кордон, полковник вооруженных сил Гватемалы, оказывал логистическую поддержку *CJNG* в торговле кокаином⁹. Имеется информация о вербовке картелем десятков бывших колумбийских солдат и американских морских пехотинцев, имеющих опыт боевых действий, для улучшения тактических возможностей своих вооруженных формирований.

Особенно сильно выражен криминальный мятеж на Гаити, где государство, по сути, претерпело коллапс, что подробно исследовалось в работе О. Джемса [Djems, 2021]. Кризис на Гаити критически обострился в 2023 г., когда уровень убийств составил 40,9 смертей на 100 тыс. чел., что более чем вдвое превышает уровень 2022 г.¹⁰ После оккупации США в 1994 г. на Гаити были расформированы вооруженные силы и лишь значительно позже, в 2017 г., они

были частично восстановлены (численность оценивается в 2 тыс. чел.). Также в стране есть Национальная полиция. Анализ структуры гаитянских ПО указывает на то, что силовые ведомства выступают «донорами» местных банд, которые ведут тотальную войну между собой и тем, что осталось от государства. Так, 13 октября 2023 г. в районе Ла-Салин в центре столицы Порт-о-Пренса (на 90% контролируется ПО) возобновились столкновения между бандами, входящими в коалицию *G-9 famille et alliés* (далее *G-9*)¹¹, связанную с правящей гаитянской партией Тет Кале (фр. *Parti Haïtien Tèt Kale*), начавшиеся в сентябре из-за распределения «доходов» от угонов грузовиков. Главарем *G-9* является бывший полицейский Джимми Шеризье (известен под прозвищем «Барбекю»), из чего следует, что представители силовых структур на Гаити не просто используются ПО, но и занимают ключевые «посты» в иерархии местных банд. Данный альянс банд под руководством экс-полицейского попытался устранить главаря союзной «токийской» банды, который бросил вызов его власти. Коалиция разделилась на два лагеря: с одной стороны, банды *Carrefour Drouillard*, *Chen Mechan*, *Tokyo* и *Wharf Jérémie*; с другой – банды *Belekou*, *Boston*, *Fort Dimanche*, *La Saline* и банда Д. Шеризье *Delmas*¹².

8 National Drug Threat Assessment 2024 // Drug Enforcement Administration. – 2024. – May. – URL: <https://www.dea.gov/sites/default/files/2024-05/5.23.2024%20NTA-updated.pdf> (дата обращения: 08.09.2024).

9 См. расследование гватемальского новостного издания Plaza Pública: Del cuartel al cártel: el coronel que ayudó a Jalisco Nueva Generación a trasegar cocaína // Plaza Pública. – 2023. – 17 de mayo. – Исп. яз. – URL: <https://www.plazapublica.com.gt/content/del-cuartel-al-cartel-el-coronel-que-ayudo-jalisco-nueva-generacion-trasegar-cocaina> (дата обращения: 08.09.2024).

10 Le Cour Grandmaison R., Oliveira A., Herbert M. A critical moment. Haiti's gang crisis and international responses // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. – 2024. – February. – URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2024/02/Romain-Le-Cour-Grandmaison-Ana-Paula-Oliveira-and-Matt-Herbert-A-critical-moment-Haitis-gang-crisis-and-international-responses-GI-TOC-February-2024.pdf> (дата обращения: 08.09.2024). Также анализ ситуации на Гаити в отчете ООН: Quarterly report on the human rights situation in Haiti // United Nations integrated office in Haiti. – 2023. – October – December – URL: https://binuh.unmissions.org/sites/default/files/quarterly_report_on_the_human_rights_situation_in_haiti_oct_-_dec_2023.pdf (дата обращения: 08.09.2024).

11 См.: Quarterly report on the human rights situation in Haiti // United Nations integrated office in Haiti. – 2023. – October – December. – URL: https://binuh.unmissions.org/sites/default/files/quarterly_report_on_the_human_rights_situation_in_haiti_oct_-_dec_2023.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

12 Ibid. P. 4.

Боевые действия, которые длились четыре дня, ослабили G-9, поскольку банды из первого лагеря покинули коалицию. На внутренний конфликт в G-9 накладывается вооруженное противостояние с криминальным альянсом *G-rèp*, который поддерживается политическими противниками Тет Кале и возглавляется Жаном Пьером Габриэлем (прозвище *Ti Gabriel*). В то же время в ответ на образование гражданско-го ополчения *Bwa Kale* конгломераты банд смогли объединиться для скоординированного наступления. В феврале 2024 г. G9 и *G-rèp* совместными силами (известны как *Viv Ansanm*) напали на критически важную гражданскую инфраструктуру в г. Порт-о-Пренсе¹³.

Другим примером участия в ПО представителей силовых структур является Димитри Херард – бывший глава службы безопасности убитого в 2021 г. президента Гаити Жовенеля Моиса. Согласно данным СМИ, ссылающихся на разведслужбы и дипломатические источники, Д. Херард работает с Джонсоном Андре, известным как Изо, главварем мощной банды *5 Segonn*¹⁴, которую относят к криминальному альянсу *G-rèp*. Отметим, что именно после убийства Жовенеля Моиса, ПО, использовавшиеся местными политическими и бизнес-элитами для подавления явки избирателей, антиправительственных протестов и захвата земель, фактически вышли из-под контроля, став во многом автономной силой и участниками криминального мятежа.

Вербовка бандами военных фиксируется и в Эквадоре. В частности, ПО *Los Chone Killers* вербовала военных моряков из числа эквадорского ВМФ, которые не только выступали в роли сикарио (наемных убийц) группировки, но и были причастны к хищениям боеприпасов и оружия из различных подразделений ВМФ, согласно полученным разведданным¹⁵.

Процессу милитаризации ПО особенно способствует соседство с государством, на территории которого идет длительный внутренний вооруженный конфликт. Например, такого рода ситуация наблюдается в Венесуэле, где местные группировки, вырастая количеством свыше 100 чел. (так называемые мегабанды), перенимают организационные структуры, логистические системы и даже стратегии повстанческих (партизанских) организаций, которые активно действуют в Колумбии, а также в самой Венесуэле. Как отмечают исследователи, партизаны колумбийского происхождения стали «школой» для некоторых венесуэльских банд¹⁶. Одна из крупнейших венесуэльских ПО, *Tren de Aragua*, переняла организационную структуру и практику *FARC* и «Армии национального освобождения» (*Ejército de Liberación Nacional, ELN*) в период интенсификации миграции из Венесуэлы с 2014 г. (подробное исследование данной ПО проведено в работе [Rísquez, 2023]). Такая мимикрия под инсургентов является важным этапом эволюционной трансфор-

13 Подробнее см.: The Global Centre for the Responsibility to Protect. – 2024. – December 2. – URL: <https://www.globalr2p.org/countries/haiti/> (дата обращения: 15.12.2024).

14 Triebert C., Abi-Habib M., Ismay J. How a Haitian Gang Is Trying to Turn Itself Into a Militia // The New York Times. – 2024. – May 21. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/05/21/world/americas/haiti-gangs-segonn-5.html> (дата обращения: 16.12.2024).

15 Torres A. Delincuentes reclutan a Marinos para robo de armas y municiones // Primicias. – 2023. – 11 de diciembre. – Исп. яз. – URL: <https://www.primicias.ec/noticias/en-exclusiva/corrupcion-delincuentes-reclutan-marinos-robo-armas/> (дата обращения: 10.09.2024).

16 См.: Boletín41. Bandas criminales adoptan estructuras de la guerrilla y exhiben identidad corporative // FundaRedes. – 2022. – 5 de julio. – Исп. яз. – URL: <https://www.fundaredes.org/2022/07/05/boletin41-bandas-criminales-adoptan-estructuras-de-la-guerrilla-y-exhiben-identidad-corporativa/> (дата обращения: 10.09.2024).

мации этой группировки. Более того, само по себе подражание партизанским группам с огромным боевым опытом является весьма опасным явлением. Фактически ПО перенимают модель, тактику, методы и процедуры организаций, максимально адаптированных к асимметричной войне против правительственных сил, что способствует установлению территориального контроля этими ПО.

Приведенные примеры подтверждают выдвинутую в начале работы гипотезу о милитаризации ПО в странах ЛАКБ через кооптацию лиц с военным и оперативным опытом, что в условиях данного региона способствует возникновению ВВК в форме криминального мятежа. В таких условиях банды и картели выступают в роли криминальных повстанцев, что отличает их от традиционной организованной преступности, поскольку в данном случае эти насильственные акторы выступают в качестве де-факто политических субъектов. Отметим, что ситуация в Бразилии, Мексике, Колумбии, Эквадоре, Венесуэле и Гаити характеризуется экстремальным уровнем насилия. Так, в 2023 г. в этих странах количество насильственных смертей составило

46328¹⁷, 31062¹⁸, 13432¹⁹, 7878²⁰, 6973²¹ и 4789²² случаев соответственно. Такая интенсивность насилия при наличии организованных, устойчивых, ресурсообеспеченных и хорошо вооруженных ПО дает основание сделать вывод о наличии в этих странах признаков ВВК.

Использование преступными организациями вооружения военного класса

В борьбе за ресурсы, особенно при фрагментации ПО вследствие действий силовых ведомств, эти насильственные акторы вынуждены адаптироваться к контрмерам государства, которые могут включать в себя контрпартизанскую тактику и использование тяжелого вооружения, поскольку в процессе милитаризации борьбы с преступностью задействуются войска. Следовательно, ПО автоматически подстраиваются под данную ситуацию, используя для противодействия войскам не только организационные изменения и подготовку боевиков, но и соответствующее вооружение и военную технику.

На примере мексиканских картелей профессор Р. Банкер показал, что

17 Martins A. Число насильственных смертей снизилось на 3,4% в 2023 году, но Бразилия по-прежнему остается одной из самых жестоких стран в мире = Mortes violentas caem 3,4% em 2023, mas Brasil ainda é um dos países mais violentos do mundo // Exame. – 2024. – 18 de julho. – Порт. яз. – URL: <https://exame.com/brasil/no-de-mortes-violentas-cai-34-em-2023-mas-brasil-ainda-e-um-dos-paises-mais-violentos-do-mundo/> (дата обращения: 18.12.2024).

18 Defunciones por homicidio // El Instituto Nacional de Estadística y Geografía (INEGI). – 2024. – 1 de agosto. – Исп. яз. – URL: https://www.inegi.org.mx/contenidos/saladeprensa/boletines/2024/DH/DH2023_Ene-dic.pdf (дата обращения: 19.12.2024).

19 Estadística delictiva // Policía Nacional de Colombia. – 2024. – Исп. яз. – URL: <https://www.policia.gov.co/estadistica-delictiva> (дата обращения: 19.12.2024).

20 Homicidios Intencionales // Catálogo de Datos Abiertos. – 2024. – Исп. яз. – URL: <https://datosabiertos.gob.ec/dataset/homicidios-intencionales> (дата обращения: 19.12.2024).

21 Annual Report Violence 2023 // Observatorio Venezolano de Violencia. – 2023. – December 12. – URL: <https://observatoriodeviolencia.org.ve/news/annual-report-violence-2023/> (дата обращения: 19.12.2024). О соответствии ВВК ситуации в Венесуэле указывали исследователи Центра справедливости и мира (Centro de Justicia y Paz, Cepaz): Is there an armed conflict in Venezuela? // Centro de Justicia y Paz. – 2021. – Mayo 8. – Исп. яз. – URL: <https://cepaz.org/is-there-an-armed-conflict-in-venezuela/> (дата обращения: 19.12.2024).

22 Le Cour Grandmaison R., Oliveira A., Herbert M. A critical moment. Haiti's gang crisis and international responses // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. – 2024. – February. – URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2024/02/Romain-Le-Cour-Grandmaison-Ana-Paula-Oliveira-and-Matt-Herbert-A-critical-moment-Haitis-gang-crisis-and-international-responses-GI-TOC-February-2024.pdf> (дата обращения: 08.09.2024).

у ПО существуют три основных источника незаконного оружия²³. Первый – оружие было приобретено фиктивными покупателями в США, а затем контрабандой ввезено в Мексику. Среди типов оружия – полуавтоматические винтовки *Barrett*, а также *AR-15* и автоматы *AK-47*. Кроме того, среди оружия числятся пистолеты *Browning M2* и ракетные установки (см. об этом в работе [Hernandez, Lopez Sandoval, Orozco Reynoso, 2023, p. 40]).

Второй источник – разграбленные центральноамериканские военные склады вооружений, а также поставки оружия со всего мира. Сюда входит вооружение типа РПГ²⁴ и другое противотанковое оружие, ручные гранаты, средние и тяжелые пулеметы. Это представляет собой пехотное вооружение военного класса.

Третий источник расположен в самой Мексике, это коррумпированные гражданские и военные чиновники. Речь идет об оружии, вывезенном контрабандой с баз мексиканской армии и Национальной гвардии, а также захваченном картелями оружия, которое по разным причинам не уничтожается и попадает обратно им в руки.

Другим примером увеличения военного потенциала преступных группировок вследствие завладения ими оружия военного класса является Бразилия, где банды получают значительное количество пулеметов калибра .50 (или 12.7 × 99 мм НАТО), а также калибра 7.62 мм, чему активно способствовали бразиль-

ские военные²⁵. Как отмечается в отчете Государственного секретариата военной полиции (*Secretaria de Estado da Polícia Militar, SEPM*) правительства штата Рио-де-Жанейро²⁶, преступные группировки всё чаще используют повстанческие методы асимметричного характера и их огромный арсенал оружия разных калибров представляет реальную угрозу для сотрудников военной полиции. Согласно исследованиям Комиссии *SEPM* по смертям и ранениям, вероятность получить ранение в регионе штата Рио-де-Жанейро была в 806,57 раза выше, чем во время службы во время войны в Персидском заливе (Кувейт)²⁷.

Использование террористической или квазитеррористической тактики подготовленными и прекрасно вооруженными бандами особенно проявляется при грабежах банков, когда преступники устраивают продуманные операции вплоть до того, что временно захватывают (осаждают) целые города, например, г. Сурубим, штат Пернамбуко, Бразилия [Diógenes de Aquino, 2020]. Как отмечает Я. Диогенес де Акино, данный тип ограблений банков стал повторяться по всей Бразилии и включает кратковременное господство над районами или целыми городами бандами грабителей, чьи действия привлекают внимание из-за жестоких подходов и откровенности применяемого насилия, что является в настоящее время основным типом нападения на государственную собственность

23 См. интервью с Дж. Салливаном и Р. Банкером для *InSight Crime: Dalby C. How Mexico's Cartels Have Learned Military Tactics* // *InSight Crime*. – 2021. – September 2. – URL: <https://insightcrime.org/news/interview/how-mexicos-cartel-have-learned-military-tactics/> (дата обращения: 12.09.2024).

24 Ручной противотанковый гранатомет.

25 Uchôa R. Арифметика организованной преступности: 47 винтовок и 13 пулеметов = *Aritmética do crime organizado: 47 fuzis e 13 metralhadoras depois* // *Fonte Segura*. – 2023. – 18 de outubro. – Порт. яз. – URL: <https://fontesegura.forumseguranca.org.br/aritmetica-do-crime-organizado-47-fuzis-e-13-metralhadoras-depois/> (дата обращения: 12.09.2024).

26 См.: Приобретение бронетехники для перевозки личного состава = *Aquisição de veículos blindados para transporte de pessoal* // *Governo do Estado do Rio de Janeiro. Secretaria de Estado da Polícia Militar*. – 2020. – Julho. – Порт. яз. – URL: <https://sepm.rj.gov.br/wp-content/uploads/2020/07/TR-BLINDADOS.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

27 Ibid. P. 8.

в этой стране [*Diógenes de Aquino*, 2023]. Группы численностью от двух до пяти десятков вооруженных людей с крупнокалиберным оружием захватывают полицейские участки и казармы, нападают на банковскую инфраструктуру, берут мирных жителей в заложники и скрываются, забрав крупные суммы денег. Исходя из этого, мы делаем вывод, что подобные масштабные и продуманные акции также являются свидетельством милитаризации бразильских ПО, поскольку для планирования и реализации подобных операций требуются соответствующие подготовка и оснащение.

Милитаризация ПО вследствие получения доступа к оружию наблюдается и на Гаити. За последние 5 лет банды претерпели радикальную эволюцию, пройдя путь от довольно неструктурированных субъектов, зависящих от ресурсов, предоставляемых государственным или частным покровительством, до жестоких предпринимателей, которые смогли преобразовать свою территориальную власть в возможности управления²⁸. Следует отметить, что этот сдвиг был вызван беспрецедентным доступом банд к огнестрельному оружию и неспособностью гаитянского государства остановить их экспансию, профессионализацией и склонностью банд навязывать свое правление всё более обширным территориям, а также их продолжающимся сговором с элементами политической

и экономической элиты страны. Оружие гаитянским ПО поступает из США и стран ЛАКБ, предположительно с армейских складов в Колумбии, а также от картелей.

В Эквадоре также наблюдается постепенная милитаризация ПО, что особенно ярко проявилось в последние годы. Дело дошло до того, что в начале 2024 г. власти Эквадора объявили ряд ПО террористическими организациями, а ситуацию в стране – ВВК²⁹. Оружие в руки эквадорских ПО попадает из Перу и Колумбии [*Асиña*, 2021]. Примечательно и то, что часть из попадающего в Мексику оружия американского происхождения появляется в Эквадоре, что связывают с установленными контактами эквадорских ПО с CDS и CJNG, а также балканской мафией³⁰.

Венесуэльские банды не отстают от своих «коллег» по региону. Так, согласно данным из открытых источников, ссылающихся на документы Секретариата общественной безопасности штата Рорайма (Бразилия), члены банды *Tren de Aragua*, действующей на границе с Бразилией, хорошо вооружены пулеметами и штурмовыми винтовками³¹. Авторы К. Бентес де Магальяйнс и С. Арруда ду Карму отмечают доминирование в кварталах г. Боа-Виста (Бразилия) членов венесуэльских ПО. Во второй половине 2022 г. присутствие хорошо вооруженных участников венесуэльских преступ-

28 Le Cour Grandmaison R, Oliveira A, Herbert M. A critical moment. Haiti's gang crisis and international responses // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. – 2024. – February. – URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2024/02/Romain-Le-Cour-Grandmaison-Ana-Paula-Oliveira-and-Matt-Herbert-A-critical-moment-Haitis-gang-crisis-and-international-responses-GI-TOC-February-2024.pdf> (дата обращения: 08.09.2024).

29 Речь идет о документе «Указ 111» (Decreto 111): Decreto Ejecutivo № 111 // Secretaría General de Comunicación de la Presidencia. – 2024. – 9 de enero. – Исп. яз. – URL: <https://www.comunicacion.gob.ec/decreto-ejecutivo-n-111/> (дата обращения: 14.09.2024).

30 Ibid.

31 La meteórica expansión del Tren de Aragua, la megabanda venezolana que deja una estela de destrucción y Muerte // Organized Crime and Corruption Reporting Project. – 2023. – 9 de noviembre. – Исп. яз. – URL: <https://www.occrp.org/es/proyecto/narcotrafico-el-nuevo-orden-criminal/la-meteorica-expansion-del-tren-de-aragua-la-megabanda-venezolana-que-deja-una-estela-de-destruccion-y-muerte> (дата обращения: 16.09.2024).

ных группировок *Tren de Aragua*, *Tren de Guayana* и *Sindicato* было подтверждено как минимум в 4 кварталах г. Боа-Виста, где расположены крупнейшие приюты для венесуэльских беженцев [Bentes de Magalhães, Arruda do Carmo, 2022].

Колумбийские ПО, в том числе те, в которые выродились партизанские группировки типа *FARC*-диссидентов, а также фрагменты бывших «Объединенных сил самообороны Колумбии» (*Autodefensas Unidas de Colombia*, *AUC*) типа *Clan del Golfo* аналогично применяют тяжелое вооружение. Здесь ситуация отличается от многих других стран Латинской Америки и Карибского бассейна тем, что ПО получили оружие военного класса в «наследство» от своих прародителей: герильи и парамилитарес. Разница состоит в том, что нынешние формы негосударственных насильственных акторов Колумбии в подавляющем большинстве деидеологизированы и представляют собой высокопрофессиональные ПО с военной подготовкой, обученные методам конспирации, логистике и пр. Поэтому говорить о нарастании милитаризации этих группировок было бы не совсем корректно, поскольку они уже были милитаризованы изначально.

Важно отметить, что множество каналов для приобретения вооружения и военной техники в условиях стран ЛАКБ действует на местные ПО совсем не так, как это имеет место в случае традиционной организованной преступности вне условий для криминального мятежа. Повышение боевого потенциала ПО за счет получения крупнокалиберного оружия, противопехотных мин, гранат, БПЛА и военной техники при наличии массового привлечения выходцев из различных

силовых ведомств и экс-комбатантов (партизан) делает возможным прямое противодействие государству вплоть до создания так называемых зон беззакония (англ. *lawless zones*) – микроквазигосударств, находящихся вне контроля государства. Поэтому милитаризация ПО за счет приобретения вооружения и военной техники, являющаяся фактором криминального мятежа, совсем неравнозначна насыщению криминального рынка оружием там, где противостояние организованной преступности и государства (и между группировками) не представляет угрозы его суверенитету и территориальной целостности. В этом случае повышение боевого потенциала ПО несет угрозу только общественной безопасности. В случае же криминального мятежа преступность является угрозой всей национальной безопасности государства, переводя противостояние вплоть до уровня ВВК.

Таким образом, несмотря на внешнюю схожесть, повышение боевого потенциала ПО за счет поставок вооружения и военной техники, выступающих фактором криминального мятежа, коренным образом отличается от ситуаций, когда организованная преступность даже при получении большого объема поставок оружия не в состоянии бросить вызов государству хотя бы на части его территории. В этих случаях государство неспособно эффективно противодействовать росту боевого потенциала ПО, усложнению и увеличению их возможностей для осуществления преступных операций, а значит, сдерживающий эволюцию ПО механизм работает неэффективно или отсутствует. Как следствие, группировки в состоянии радикально увеличиться в размерах³², кардиналь-

32 Некоторые марас (банды) и картели состоят из десятков тысяч (!) человек. Примеры: *MS-13*, *CDS*, *PCC*.

но повысить свою организационную сложность и расширить масштаб преступной деятельности (вплоть до глобального уровня), чего они не были бы в состоянии достигнуть в государствах с работающими институтами и отсутствием условий для криминального мятежа.

Типы милитаризации преступных группировок как фактора криминального мятежа

Усиление ПО через их милитаризацию является неотъемлемой частью криминального мятежа, поскольку при слабых государственных институтах и секьюритизации правительствами стран ЛАКБ борьбы с преступностью высокой интенсивности группировки стремятся максимально усилиться через кадровые и военно-технические ресурсы. Это становится возможным при наличии стабильного и мощного источника (источников) незаконного дохода. Собственно, имеют место два взаимообуславливающих аспекта. С одной стороны, для сохранения доступа к ресурсам, позволяющим не только поддерживать функционирование всей организации, но и увеличивать ее потенциал и ареал, необходимы кадры с соответствующей компетенцией и вооружение, достаточные для длительного и системного противодействия государству и группировкам-конкурентам. С другой стороны, для привлечения в свои структуры квалифицированных кадров, начиная от военных и экс-партизан и заканчивая инженерами либо врачами, а также для контрабанды оружия военного класса требуются существенные ресурсы и возможности для обеспечения их непрерывного поступления. Поэтому группировки, которые сумели сохранить свою структурную целостность и привлечь новые

кадры по мере роста доходов от наркоторговли, рэкеты, контроля проституции, незаконной добычи полезных ископаемых и другого криминального бизнеса, с большей вероятностью способны устанавливать силовой территориальный контроль и противодействовать уже не только полиции, но и войскам.

Анализ преступных группировок стран ЛАКБ показывает, что процесс их милитаризации неодинаков. В зависимости от среды возникновения ПО, конкретных условий и факторов, способствующих их эволюции, отличается и тип их милитаризации. Это позволило выделить несколько основных типов милитаризации ряда латиноамериканских преступных групп, которые представлены в таблице 1.

Следует отметить, что зачастую отсутствует четкая разграничительная линия между типами милитаризации ПО. Так, кооптация ПО экс-сотрудников полиции, вооруженных сил и других силовых структур не противоречит возможности создания ПО экс-сотрудниками силовых ведомств. Например, картель *Los Zetas* продолжал вербовку сотрудников силовых структур и после своего образования. С другой стороны, далеко не все ПО, осуществляющие вербовку сотрудников силовых ведомств, изначально создавались военными, полицейскими или бойцами спецподразделений. Также возможны смешанные типы милитаризации группировок.

Специфика милитаризации ПО связана с историческими, внутриполитическими, географическими, экономическими и культурными особенностями конкретного государства, где эти акторы образовались. Например, наличие повстанческих движений влияет на специфику криминализации комбатантов. Распад государственно-сти, как на Гаити, ведет к сложному

Таблица 1. Основные типы милитаризации преступных организаций на примере группировок Бразилии, Венесуэлы, Гаити, Колумбии, Мексики и Эквадора

Table 1. The main types of militarization of criminal organizations using the example of groups in Brazil, Venezuela, Haiti, Colombia, Mexico and Ecuador

Типы милитаризации	Специфика милитаризации	Примеры ПО
Кооптация ПО экс-сотрудников полиции, вооруженных сил и других силовых структур	Усиление боевого потенциала преступной группировки за счет привлечения специалистов, обладающих личными связями в силовых ведомствах, знаниями и навыками боевых действий, а также имеющих оперативную подготовку	Мексиканские картели <i>CDS, CJNG</i> ; бразильские банды типа <i>PCC</i> ; эквадорские банды <i>Los Choneros, Los Chone Killers</i> ; гаитянские криминальные альянсы <i>G9</i> и <i>G-per</i>
Создание ПО экс-сотрудниками силовых ведомств, включая спецподразделения	Фактически группировка создается как военизированная организация с криминальными целями; ее изначальный организационный потенциал, как правило, выше, чем у ПО типа уличных и/или тюремных банд	Бывший мексиканский картель <i>Los Zetas</i> ; «милиции» (порт. <i>milicias</i>) в Бразилии, состоящие из представителей силовых ведомств
Перенимание организации, тактики и методов у инсургентов (повстанцев/террористов)	Взаимодействие с инсургентами, обладающими значительным опытом асимметричной войны, повышает организационный потенциал ПО, ее дисциплинированность, систему конспирации, что положительно сказывается на ее выживаемости в борьбе с силовыми ведомствами государства и группировками-конкурентами	Венесуэльские ПО, особенно мегабанда <i>Tren de Aragua</i>
Трансформация инсургентов в ПО с криминально-экономическими целями	Фактически выродившиеся в ПО с криминально-экономическими целями повстанческие/террористические организации, которые принципиально не отличаются от банд или картелей, даже если декларируют идеологические и политические цели, которые в действительности выступают прикрытием криминальных интересов группировки; по сравнению с большинством других ПО подобные группировки изначально обладают значительным боевым потенциалом, более высоким уровнем боевой и оперативной подготовки	Колумбийские группировки <i>FARC</i> -диссидентов, <i>Clan del Golfo</i>

процессу взаимодействия между политическими элитами и бандами вплоть до неразличимости, когда процесс взаимопроникновения политических и криминальных структур достигает экстремальных форм. Во всех случаях имеются условия возникновения квазигосударственных криминальных организаций, обладающих огромным источником боевиков-новобранцев, командной структурой, специфическими дисциплинарными правилами, способных вести военную подготовку и осуществлять территориальный

контроль, имеющих доступ к оружию и военной технике, а также обладающих возможностями и компетенциями разрабатывать единую стратегию и использовать военную тактику. Кроме того, мощные высокоразвитые ПО, являющиеся участниками криминального мятежа, в состоянии планировать, координировать и проводить военные операции, включая логистику, а также выступать единым фронтом, вести переговоры и даже заключать неофициальные соглашения с правительствами (как, например, в Сальвадоре).

Вне условий криминального мятежа милитаризация не является фактором возникновения группировок, способных выступать сторонами ВВК и быть де-факто политическими субъектами.

Поскольку усиление боевого потенциала ПО является прямой угрозой национальной безопасности для целого ряда стран ЛАКБ, исследование данного феномена имеет как научный, так и конкретный практический интерес. Это связано с тем, что милитаризация ПО обусловлена рядом взаимосвязанных факторов, часть из которых имеет прямое отношение к действиям правительств. Следовательно, понимание глубинных причин процесса милитаризации преступных группировок способно помочь в оценке мер, которые должны быть предприняты (или, напротив, которые ни в коем случае нельзя предпринимать) властями стран, где фиксируется чрезвычайно высокий уровень преступности.

Заключение

Угроза национальной безопасности со стороны ПО привела к тому, что в ряде стран ЛАКБ некоторые из них признаются террористическими организациями (например, Сальвадор³³ и Эквадор³⁴). Это обусловлено не только спецификой эволюции ПО, стремящихся к постоянному притоку ресурсов, для чего им необходим физический (силовой) контроль территорий, где, например, расположено производство наркотиков или пролегал маршрут поставок нелегального товара, но и действиями самих государств. Последние часто стремятся секьюритизировать проблему борьбы с преступностью и прибегают к плохо

просчитанным действиям, что отчетливо проявляется в ряде стран ЛАКБ, например, в Мексике [Мексика..., 2013, с. 155]. Это приводит к необходимости использования войск против организованной преступности, что повышает вероятность гибели преступников, самих сотрудников силовых ведомств и мирного населения, поскольку возрастает интенсивность боевых действий. Возникают все предпосылки к развитию ВВК, что подтверждает ранее высказанную основную идею данной работы.

Фактически среда возникновения высокоразвитых ПО (банд, картелей) и слабость/несовершенство государственных институтов побуждают группировки к применению всё более смертоносного вооружения и привлечению кадров, обладающих боевым опытом и соответствующей военной и оперативной подготовкой. В результате возникает эффект двойной милитаризации в противостоянии государства и ПО, который переходит в самоподдерживающуюся фазу. Такой процесс остановить чрезвычайно трудно, поскольку, как правило, ни государство не желает или не может вернуться к тому состоянию, которое было до использования войск в полицейских операциях, ни тем более ПО не откажутся от полученных возможностей, связанных с перенятыми организационными инновациями военных или военизированных структур и получения вооружения военного класса. Государство реагирует на рост криминальной угрозы через использование контрпартизанской тактики, тяжелого вооружения и военной техники (вплоть до боевой авиации). Банды и картели реагируют на действия властей методами, применяемыми инсургентами при противодействии пра-

33 См.: Decreto № 350 // La Asamblea Legislativa de la República de El Salvador. – 2022. – 5 de abril. – Исп. яз. – URL: <https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/A79FF372-D786-4E56-84DC-A6475EB2B294.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).

34 См. «Указ 111».

вительственным силам, для чего используют завербованных представителей силовых структур и полученное вооружение, порой превосходя по огневой мощи противостоящие преступникам полицию и даже войска. Как следствие, противостояние переходит в фазу, не свойственную традиционной преступности, противодействие которой, как правило, осуществляется усилиями полиции и спецслужб. Речь идет о военном конфликте низкой или средней интенсивности, в котором организационные преобразования ПО ускоряются даже в условиях больших потерь среди преступников вследствие их ликвидации или арестов. Милитаризация ПО в подобных случаях выступает не просто фактором совершенствования преступной деятельности группировок, но, что главное, способствует трансформации ПО в де-факто политические субъекты, когда группировки стремятся взять на себя осуществление полномочий, принадлежащих сфере государственного суверенитета, включая территориальный контроль и монополию на законное применение силы. Это же ведет к состоянию ВВК в форме криминального мятежа.

Отметим, что эффект двойной и взаимообуславливающей милитаризации государства и ПО вызывает организационные мутации в среде группировок и государственных ведомств, включая вооруженные силы, вынужденных адаптироваться к инновациям, демонстрируемым организованной преступностью. Речь может идти, например, о создании новых структур

типа Национальной гвардии в Мексике, что следует рассматривать как адаптацию к изменению тактики и методов, используемых ПО, или об увеличении численности войск, как это произошло в Сальвадоре при Н. Букеле, что требовалось для подавления преступности, готовившейся по лекалам военизированных организаций³⁵. Возникновение подобных «криминальных командос» является общей тенденцией высоко развитых ПО в странах ЛАКБ, и этот феномен возникает в том числе вследствие действий самих государств.

В то же время неверно утверждать, будто страны ЛАКБ никак не реагируют на ситуацию, связанную с возникновением криминальных мятежей. Так, известно о создании так называемого *Alianza para la Seguridad, la Justicia y el Desarrollo* (Альянс за безопасность, законность и развитие), являющегося комплексной инициативой, направленной на поощрение диалога, сотрудничества и коллективных действий для укрепления институтов, предотвращения ущерба обществу и сдерживания быстрого распространения, роста и влияния организованной преступности в ЛАКБ³⁶. Данный Альянс создан в декабре 2024 г. при поддержке Межамериканского банка развития, его членами стали 18 стран, являющихся его заемщиками. Альянс будет работать по трем направлениям: защита уязвимых групп населения, укрепление институтов безопасности и правосудия и сокращение незаконных рынков и финансовых потоков. Кроме того,

35 Cm.: Sullivan J., Bunker R. Third Generation Gangs Strategic Note No. 35: Mara Salvatrucha Training Camp Dismantled by Honduran Police // Small Wars Journal. – 2021. – February 20. – URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/third-generation-gangs-strategic-note-no-35-mara-salvatrucha-training-camp-dismantled> (дата обращения: 24.09.2024); Gobierno del Presidente Nayib Bukele ha desmantelado más de 100 campamentos de pandilleros durante el régimen de excepción // Presidencia de la República de El Salvador. – 2022. – 14 de junio. – Исп. яз. – URL: <https://www.presidencia.gob.sv/gobierno-del-presidente-nayib-bukele-ha-desmantelado-mas-de-100-campamentos-de-pandilleros-durante-el-regimen-de-excepcion/> (дата обращения: 24.09.2024).

36 Alianza para la Seguridad, la Justicia y el Desarrollo // Banco Interamericano de Desarrollo. – 2024. – Diciembre. – Исп. яз. – URL: <https://www.iadb.org/es/quienes-somos/topicos/modernizacion-del-estado/seguridad-cuidadana-y-justicia/alianza-para-la> (дата обращения: 21.12.2024).

в Альянсе также участвуют не менее одиннадцати организаций, в том числе Организация американских государств, Интерпол, Всемирный банк, Банк развития ЛАКБ, Карибский банк развития, МВФ, Панамериканский фонд развития, Региональная система безопасности и Программа развития ООН. Еще одна инициатива – *EL PacCTO* (исп. *Europa Latinoamérica Programa de Asistencia contra el Crimen Transnacional Organizado*, Европейско-латиноамериканская программа помощи против транснациональной организованной преступности) – это программа международного сотрудничества, финансируемая Европейским союзом, которая стремится внести вклад в безопасность в ЛАКБ путем поддержки борьбы с транснациональной организованной преступностью. *EL PacCTO* рассматривает всю преступную цепочку в комплексе, работая в трех компонентах: полиция, правосудие и пенитенциарная система³⁷. Смысл этих действий понятен: необходима существенно большая координация правительств и негосударственных структур для противодействия транснациональной преступности, криминальным сетям, которые в ходе глобализации получили колоссальный импульс в развитии и совместной преступной деятельности. Справиться с этой стратегической угрозой вне эффективного взаимодействия стран региона ЛАКБ и за его пределами невозможно. Это важно, поскольку прямые силовые решения этой острой проблемы не способны дать системный положительный эффект, то есть искоренить преступность высокой интенсивности как таковую. Такими способами возможно снизить уровень насилия на ограниченный период времени, од-

нако без решения фундаментальных причин возникновения данного явления акцент на силовом подавлении ПО не только не даст положительного результата, но и способен привести к эффекту, обратному ожидаемому. В конечном итоге это лишь способствует еще большей милитаризации преступных группировок и росту их мощи и влияния, а также эскалации насилия вплоть до перехода на уровень ВВК в форме криминального мятежа.

Список литературы

Мексика: парадоксы модернизации / под. ред. В.М. Давыдова. – Москва : ИЛА РАН, 2013. – 330 с.

Морозов Д.В. Преступность в Латинской Америке: нестандартные подходы к изучению проблемы // Латинская Америка. – 2018. – № 7. – С. 95–101. – DOI: 10.31857/S0044748X0000027-8.

Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / под. ред. З.В. Ивановского. – Москва : ИЛА РАН, 2017. – 452 с.

Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / под. ред. Б.Ф. Мартынова. – Москва : Издательство «Весь мир», 2017. – 272 с.

Стригунов К.С. Преступные организации Бразилии как субъекты неклассических войн в форме криминального мятежа // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. – 2024b. – Т. 16, № 2. – С. 125–175. – DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-125-175.

Стригунов К.С. Преступные организации как субъекты неклассических войн и угроза государственному суверенитету Мексики // Латинская

37 ¿Qué es EL PacCTO? // EL PacCTO. – 2024. – Исп. яз. – URL: <https://elpaccto.eu/sobre-el-paccto/que-es-el-paccto/> (дата обращения: 25.12.2024).

Америка. – 2024а. – № 2. – С. 21–39. – DOI: 10.31857/S0044748X24020025.

Acuña R. El tráfico ilegal de armas como una amenaza a la seguridad integral del Estado // Revista Academia de Guerra del Ejército Ecuatoriano. – 2021. – Vol. 14, N 1. – P. 56–66. – Исп. яз. – DOI: 10.24133/age.n14.2021.05.

Bentes de Magalhães C., Arruda do Carmo S. Tríplice fronteira: aspectos do crime organizado em Roraima // Boletim de Conjuntura. – 2022. – Vol. 12, N 36. – P. 76–100. – Порт. яз. – DOI: 10.5281/zenodo.7484534.

Bunker R. Introduction: The Mexican cartels – organized crime vs. criminal insurgency // Trends in Organized Crime. – 2013. – Vol. 16. – P. 129–137. – DOI: 10.1007/s12117-013-9194-4.

Bustamante A. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales // Entretextos. – 2020. – Vol. 12, N 35. – P. 1–17. – Исп. яз. – DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.

Christino M., Tognolli C. Laços de sangue: a história secreta do PCC. – São Paulo : Matrix, 2017. – 248 p. – Порт. яз.

Diógenes de Aquino J. Abordagens truculentas e domínio de cidades brasileiras em assaltos contra bancos mediante planejamento minucioso // Sociologias. – 2023. – Vol. 25. – P. 1–34. – Порт. яз. – DOI: 10.1590/18070337-118176.

Diógenes de Aquino J. Violência e performance no chamado ‘novo cangaço’: Cidades sitiadas, uso de explosivos e ataques a polícias em assaltos contra bancos no Brasil // Dilemas: Revista de Estudos de Conflito e Controle Social. – 2020. –

Vol. 13, N 3. – P. 615–643. – Порт. яз. – DOI: 10.17648/dilemas.v13n3.31668.

Djems O. The Political Anatomy of Haiti's Armed Gangs // NACLA Report on the Americas. – 2021. – Vol. 53, N 1. – P. 83–87.

Echavarría K. Los Zetas: la metamorfosis del crimen organizado. – Bogota : Pontificia Universidad Javeriana, 2019. – 82 p. – Исп. яз.

Hernandez Hernandez G., Lopez Sandoval I., Orozco Reynoso Z. Tráfico de armas de fuego y delincuencia organizada en la frontera norte de México. – México : Tirant lo Blanch, 2023. – 126 p. – Исп. яз.

Kenney M. The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian Cocaine Trade // Global Crime. – 2007. – Vol. 8, N 3. – P. 233–259. – DOI: 10.1080/17440570701507794.

Manwaring M. Street gangs: The new urban insurgency. – Carlisle : US Army War College Press, 2005. – 60 p.

Mendizábal J. La insurgencia criminal, un reto a la seguridad de la nación para Guatemala // Revista Científica del Sistema de Estudios de Postgrado. – 2023. – Vol. 6, N 2. – P. 85–99. – Исп. яз. – DOI: 10.36958/sep.v6i2.180.

Metz S. The future of insurgency. – Carlisle : US Army War College Press, 1993. – 29 p.

Rísquez R. El Tren de Aragua: La banda que revolucionó el crimen organizado en América Latina. – Caracas : Cynghular Asesoría 357 C.A., 2023. – 266 p. – Исп. яз.

Sullivan J. States of Change: Power and Counterpower Expressions in Latin America's Criminal Insurgencies // International Journal on Criminology. – 2014. – Vol. 2, N 1. – P. 63–71. – DOI: 10.18278/ijc.1.2.6.

Current Security Issues

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.10

Militarization of Criminal Organizations as a Factor of Criminal Insurgency: The Case of Latin American Gangs and Cartels

Konstantin S. STRIGUNOV

PhD (Political Science), Senior Research Fellow

Autonomous Non-profit Organization of Additional Professional Education "Academy of Political Sciences ALTER"

Svobody Street, 91, building 2, office 9, Moscow, Russian Federation, 125481

E-mail: sks6891@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6202-7493

CITATION: Strigunov K.S. (2025). Militarization of Criminal Organizations as a Factor of Criminal Insurgency: The Case of Latin American Gangs and Cartels. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 163–182 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.10

Received: 01.11.2024.

Revised: 27.12.2024.

ABSTRACT. Over the past three decades, certain gangs and cartels in Latin America and the Caribbean have undergone significant transformations, posing an increasing threat to the territorial integrity of states. These criminal organizations continuously implement organizational and technological innovations, which have contributed to their growing militarization. The aim of this study is to examine the militarization of criminal organizations as a key factor in their evolution into de facto political actors within criminal insurgencies and as participants in internal armed conflicts. Using examples from various Latin American gangs and cartels, the paper analyzes how militarization fundamentally differs from other factors influencing organized crime – such as the co-optation of law enforcement officials and the accessibility of

weapons – in countries where conditions for criminal insurgency do not exist. This study argues that in the context of criminal insurgency, the militarization of criminal organizations enables direct confrontation with the state potentially escalating to a level where these groups pose an immediate threat to national territorial integrity. Consequently, these organizations can function acting as de facto political entities, creating conditions conducive to the outbreak of internal armed conflict. The paper also identifies the principal forms of militarization observed among criminal organizations.

KEYWORDS: criminal organizations, Latin America and the Caribbean, militarization, criminal insurgency, terrorists, insurgency groups, national security, internal armed conflict.

References

- Acuña R. (2021). Illegal arms trafficking as a threat to the overall security of the State. *Revista Academia de Guerra del Ejército Ecuatoriano*. Vol. 14, no. 1, pp. 56–66 (in Spanish). DOI: 10.24133/age.n14.2021.05.
- Bentes de Magalhães C., Arruda do Carmo S. (2022). Triple border: aspects of organized crime in Roraima. *Boletim de Conjuntura*. Vol. 12, no. 36, pp. 76–100 (in Portuguese). DOI: 10.5281/zenodo.7484534.
- Bunker R. (2013). Introduction: The Mexican cartels - organized crime vs. criminal insurgency. *Trends in Organized Crime*. Vol. 16, pp. 129–137. DOI: 10.1007/s12117-013-9194-4.
- Bustamante A. (2020). Criminal insurgencies and urban warfare in Latin America: An approach to the regional urbanization process and its impact on the tactical and operational evolution of transnational criminal organizations. *Entretextos*. Vol. 12, no. 35, pp. 1–17 (in Spanish). DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.
- Christino M., Tognolli C. (2017). *Blood Ties: The Secret History of the PCC*. São Paulo: Matrix, 248 pp. (in Portuguese).
- Diógenes de Aquino J. (2020). Violence and performance in the so-called 'new cangaço': Cities under siege, use of explosives and attacks on police in bank robberies in Brazil. *Dilemas: Revista de Estudos de Conflito e Controle Social*. Vol. 13, no. 3, pp. 615–643 (in Portuguese). DOI: 10.17648/dilemas.v13n3.31668.
- Diógenes de Aquino J. (2023). Brutal approaches and control of Brazilian cities in bank robberies through meticulous planning. *Sociologias*. Vol. 25, pp. 1–34 (in Portuguese). DOI: 10.1590/18070337-118176.
- Djems O. (2021). The Political Anatomy of Haiti's Armed Gangs. *NACLA Report on the Americas*. Vol. 53, no. 1, pp. 83–87. DOI: 10.1080/10714839.2021.1891648.
- Echavarría K. (2019). *Los Zetas: The Metamorphosis of Organized Crime*. Bogotá: Pontificia Universidad Javeriana, 82 pp. (in Spanish).
- Hernandez Hernandez G., Lopez Sandoval I., Orozco Reynoso Z. (2023). *Firearms Trafficking and Organized Crime on Mexico's Northern Border*. México: Tirant lo Blanch, 126 pp. (in Spanish).
- Kenney M. (2007). The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian Cocaine Trade. *Global Crime*. Vol. 8, no. 3, pp. 233–259. DOI: 10.1080/17440570701507794.
- Manwaring M. (2005). *Street Gangs: The New Urban Insurgency*. Carlisle: US Army War College Press, 60 pp.
- Meksika... (2013). Davydov V.M. (ed.). *Mexico: Paradoxes of Modernization*. Moscow: ILA RAN, 330 pp. (in Russian).
- Mendizábal J. (2023). Criminal insurgency, a challenge to national security for Guatemala. *Revista Científica del Sistema de Estudios de Postgrado*. Vol. 6, no. 2, pp. 85–99 (in Spanish). DOI: 10.36958/sep.v6i2.180.
- Metz S. (1993). *The Future of Insurgency*. Carlisle: US Army War College Press, 29 pp.
- Morozov D.V. (2018). Crime in Latin America: Unconventional Approaches to Studying the Problem. *Latinskaya Amerika*. No. 7, pp. 95–101 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0000027-8.
- Politiesheskie... (2017). Ivanovskii Z.V. (ed.). *Political Conflicts in Latin America: Challenges to Stability and New Opportunities*. Moscow: ILA RAN, 452 pp. (in Russian).
- Risquez R. (2023). *The Aragua Train: The gang that revolutionized organized crime in Latin America*. Caracas: Cyngular Asesoría 357 C.A., 266 pp. (in Spanish).
- Sovremennaya... (2017). Martynov B.F. (ed.). *Contemporary Organized Crime in Latin America and the Caribbean*.

Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 272 pp. (in Russian).

Strigunov K.S. (2024a). Criminal Organizations as Subjects of Non-Classical Wars and a Threat to Mexico's State Sovereignty. *Latinskaya Amerika*. No. 2, pp. 21-39 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X24020025.

Strigunov K.S. (2024b). Criminal Organizations of Brazil as subjects of non-classical wars in the form of criminal rebellion.

Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. Vol. 16, no. 2, pp. 125-175 (in Russian). DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-125-175.

Sullivan J. (2014). States of Change: Power and Counterpower Expressions in Latin America's Criminal Insurgencies. *International Journal on Criminology*. Vol. 2, no. 1, pp. 63-71. DOI: 10.18278/ijc.1.2.6.

Вокруг книг

УДК 323+327(1*IL)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.11

Читая книгу Якова Мироновича Рабкина «Израиль: война и міръ»

Мария Вячеславовна КИЧА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства

Ростовский филиал ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

проспект Ленина, д. 66, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344038

E-mail: kichamv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2932-2017

ЦИТИРОВАНИЕ: Кича М.В. Читая книгу Якова Мироновича Рабкина «Израиль: война и міръ» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 183–192.
DOI: 10.31249/kgt/2025.01.11

Статья поступила в редакцию 14.01.2025.

Исправленный текст представлен 16.02.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье представлена рецензия на книгу Я.М. Рабкина «Израиль: война и міръ», вышедшую в Москве в 2024 г. Автор, опираясь на материалы многочисленных (в том числе израильских) исследователей и исходя из иудейской традиции, предлагает оригинальный для русскоязычной аудитории взгляд на сионизм, а также историю и сущность Государства Израиль; взгляд, альтернативный сионистской точке зрения, изложенной в подавляющем большинстве публикаций и доминирующей в русскоязычном сегменте тематической литературы. Особую актуальность данная книга приобретает в контексте нового витка арабо-израильского конфликта и актуальных попыток мирного урегулирования, а также значимых геополитических процессов в регионе Ближнего Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Израиль, сионизм, христианский сионизм, Палестина, иудейская традиция, евреи, арабы, арабо-израильский конфликт, государство.

«Израильский вопрос актуален для всего мира. Отсюда и название, ибо в старом правописании слово «міръ» однозначно понимается как пространство», – замечает в начале своей книги заслуженный профессор Монреальского университета Яков Миронович Рабкин. Эта книга – непредвзятое, спокойное, очень «густое», насыщенное фактами и запоминающимися деталями повествование с обилием подтверждающих цитат, «красными нитями» пронизывающих корпус текста, и плавными переходами между его структурными элементами [Рабкин, 2024].

Нападение на Израиль боевиков ХАМАС 7 октября 2023 г. и после-

дующие израильские бомбардировки сектора Газа в очередной раз ввели арабо-израильский конфликт в международную новостную повестку, вызвав у миллионов людей по всему миру интерес к данному противостоянию, а также к Государству Израиль: его возникновению, развитию, отношениям с арабскими странами и собственными гражданами-арабами.

Эти и другие вопросы освещаются в многочисленных публикациях на десятках языков (особенно на иврите и английском), но русскоязычные читатели не имеют к ним доступа и вынуждены довольствоваться довольно однобокой подборкой источников. Между тем научная и социально-политическая полемика по указанным темам гораздо интереснее, обширнее и сложнее, нежели это продемонстрировано, например, в изданных на русском языке работах Алана Дершовица [Дершовиц, 2011] или в книге Митчелла Барда [Бард, 2007], которые написаны по схеме «миф – опровержение» и, по сути, представляют собой пресловутые «методички для политагитаторов».

К сожалению, на русский язык не переведены труды израильских «новых историков»¹, пересматривающих положения классической сионистской историографии, таких как Симха Флаппан [Flappan, 1979], Барух Киммерлинг [Kimmerling, 2003], Бенни Моррис [Morris, 1988], Ави Шлаим [Shlaim, 1988], Том Сегев [Segev, 1991], Илан Паппе [Pappe, 2006]. В России мало кому известны и научные изыскания «молодого поколения» исследователей (например, Адама Раза [Raz, 2024] и Шая Хазкани [Hazkani, 2021]), и даже труды

признанных корифеев исторической науки, резонирующие с распространенным сионистским нарративом. Так, в 2024 г. в Москве вышла книга профессора Тель-Авивского университета Аниты Шапиры [Шапира, 2023], но вряд ли кто-то из ее российских читателей знаком с гораздо более ранним, используемым Я.М. Рабкиным, трудом Шапиры о применении силы в сионистской колонизации Палестины [Shapira, 1999]. О книгах арабских авторов – Нура Масалхи [Masalha, 1992], Рашида Халиди [Khalidi, 2021], Валида Халиди [Khalidi, 1992], Салмана Абу Ситты [Abu Sitta, 2016] и др. – даже говорить не приходится: если концепции «новых историков» могут быть знакомы какой-то части русскоязычной аудитории хотя бы вкратце и в пересказе (зачастую – и намеренно – не самом добросовестном), то арабских ученых будто и вовсе не существует. Одним из важных достоинств книги профессора Я.М. Рабкина является как раз использование многих источников, которые таким образом вводятся в интеллектуальный оборот в России.

Подавляющее большинство литературы, издаваемой в России и посвященной Израилю, словно предназначено для сионистского патриотического воспитания читателей, причем в ультраправом ключе. Так, на русском языке не выпускались тематические работы одного из самых известных интеллектуалов современности Ноама Хомского [Chomsky, 2015], но зато у букинистов и в Интернете можно легко найти переводы сочинений Мери Кахане (например, [Каханэ, 1999]), который призывал превратить Изра-

1 «Новых историков» («историков-ревизионистов») можно считать «новыми» только благодаря названию. Так именуют израильских исследователей, которые в 1980-е годы получили доступ к закрытым ранее архивам и на основании найденных документов стали писать книги и статьи, отражающие результаты их научной деятельности. «Новые историки» придерживаются разных политических взглядов, это не единая школа. Данных людей объединяет лишь работа с источниками и выводы, идущие вразрез с официальным сионистским нарративом и идеологией. Почти за 40 лет, прошедших с момента появления понятия «новые историки», в России не издана ни одна работа представителей этого направления.

иль в теократическое «государство Галахи», ввести «правила чистоты», подозрительно напоминающие Нюрнбергские расовые законы (с той разницей, что вместо «подданных немецкой и родственной ей крови» и евреев там фигурировали евреи и неевреи), и организовал экстремистское движение «Ках», впоследствии запрещенное в Израиле, США, Канаде и ЕС.

Тем не менее на столь однообразном фоне довольно редко, но всё же публикуются работы, которые не являются безусловно комплиментарными по отношению к Израилю, а то и содержат критику Государства Израиль и его политики. Реакцией на них становится площадная брань и попытки уличить авторов в антисемитизме и необъективности (а если они евреи, то в самоненавистничестве). Такая судьба постигла книги Нормана Финкельштейна [Финкельштейн, 2002] и три книги Шломо Занда [Занд, 2010; Занд, 2012; Занд, 2013]. В итоге Финкельштейна (чьи родители выжили в Варшавском гетто) намеренно ложно обвинили в отрицании Холокоста, а Занда (израильянина, профессора истории Тель-Авивского университета) – в отрицании существования евреев. Как бы абсурдно ни выглядели обвинения, они преследуют четкую цель: скомпрометировать автора, препятствуя тем самым восприятию его идей и отвращая потенциальную аудиторию от знакомства с его сочинениями либо побуждая читателя не воспринимать их всерьез. Действительно, что толкового может написать негодяй, отрицающий Холокост, или глупец, утверждающий, будто евреев не существует?

В данных условиях выход книги, уравновешенно анализирующей Израиль и сионизм, становится незаурядным интеллектуальным событием, особенно если ее автор обогащает исторический анализ современного

Израиля рассмотрением его и с точки зрения иудейской традиции.

Книга «Израиль: война и миръ» представляет собой сборник трудов, состоящий из двух частей. Первая (и большая по количеству страниц) часть включает монографию «Современный Израиль. От замысла к жизни», которая была издана несколько лет тому назад на французском языке [Rabkin, 2014] и теперь переиздана на русском; вторая часть – это блок совсем недавних статей, интервью и рецензий, дополняющих и поясняющих тезисы, изложенные в первой части. Кроме того, в настоящем сборнике автор периодически возвращается к своей предыдущей масштабной работе о сопротивлении сионизму со стороны евреев [Рабкин, 2009], которая позволяет лучше понять глубину и многогранность рассматриваемых тем и вопросов, гораздо более сложных и неоднозначных, чем пытается изобразить традиционная сионистская историография.

Книга «Израиль: война и миръ» не является образчиком популярного жанра «разоблачения мифов». В монографии «Современный Израиль. От замысла к жизни» (первая часть) рассмотрены основные вехи планирования, становления, развития и функционирования еврейского государства. Серьезное внимание уделяется концепциям Земли Израиля, пониманию еврейства и еврейской истории, влиянию на сионизм западных националистических идеологий и колониальных практик, урокам нацистского геноцида, иудейской оппозиции сионизму, а также рассмотрению разных аспектов сионистского государства (военных, политических, социальных и культурных), путей развития израильского общества и еврейских общин и, наконец, положению еврейского государства и отношению к нему на международной арене. Особенно актуален взгляд

автора на Израиль как на «государство без границ» (кстати, итальянское издание этой книги именно так и называли [*Rabkin, 2020*]):

«Территория Израйля постоянно меняется в зависимости от завоеваний, колонизации завоеванных земель, перемирий и мирных договоров с соседними странами. То, что Израиль – государство без границ, выражается не только в идеологическом постулате, что Израиль принадлежит всем евреям мира, даже тем, кто и не думает туда переселяться, но и в политическом подчинении Израйлю еврейских организаций в разных странах. Выражение «еврейское государство» настолько часто употребляют в СМИ, что оно стало частью речевого обихода» [*Rabkin, 2024, с. 222*].

Сам автор это вводящее в заблуждение выражение не использует ни разу. Оно не только не точно, но и опасно: всегда найдутся люди, которые возложат на евреев все грехи сионистского государства и его вооруженных сил.

«Израиль не обращает внимания на границы, когда вмешивается во внутренние дела других стран, в частности США, где израильские официальные лица открыто призывают Конгресс противиться тем или иным мерам, разработанным американским правительством (например, речь премьер-министра Израйля в Конгрессе в марте 2015 г., в которой он призвал не ратифицировать договор с Ираном). Но отсутствие для Израйля границ проявляется и в том, что, пользуясь безнаказанностью, обеспечиваемой ему поддержкой США и подчиненных им стран, он время от времени бомбит соседние государства (Иран, Сирию и Йемен), вводит туда свои вооруженные силы (в Ливан и Сирию) и проводит в них сотни терактов (например, в Иране, Сирии и Ливане). Израиль не обращает внимания не только на границы, установленные международным правом, но

и на нравственные границы еврейской традиции, которую основатели государства умышленно и с презрением отринули» [*Rabkin, 2024, с. 223*].

В статьях, интервью и рецензиях, формирующих вторую часть, преимущественно затрагиваются вопросы противоречий, заложенных в основе Израйля, радикализации израильского общества, тупиковом характере политического насилия и т. д.

При обсуждении книги Я.М. Рабкина следует отметить, что главный парадокс еврейского государства заключается в том, что оно не должно было появиться ни само по себе, ни уж тем более в том регионе, где оно сейчас находится, и дело не только в иудейском сопротивлении сионизму. Евреи-сионисты сформировали единственное в истории национальное движение, которое стремилось построить государство там, где они сами даже не проживали. Сионистское движение, официально учрежденное в 1897 г. в Швейцарии, имело целью создание государства для евреев (*Judens-taat*) в Палестине, где население тогда насчитывало 96% арабов и 4% евреев. В XIX в. около 90% евреев мира жили в Европе. В 1882 г. в Палестине проживало всего 0,3% всех евреев на планете [*McCartney, 1990, p. 10*].

Курды обитают в Курдистане, тибетцы – в Тибете, корсиканцы – на Корсике, ирландцы – в Северной Ирландии, каталонцы – в Каталонии. Ни одно другое национальное движение не упирало на построение государства в далекой стране, населенной другими народами. Достижение главной цели сионизма обязательно должно было происходить в рамках поселенческого колониализма по примеру европейских переселенцев в Америке, Африке и Австралии. Другими словами, за счет палестинских арабов, и это предвещало вечную войну до и после одностороннего про-

возглашения независимости Израиля в 1948 г.

В идеологии сионизма немало проблем. Базу этой идеологии составляют фундаментальные противоречия, на которые британские политики, поддерживавшие сионистов, смотрели сквозь пальцы. Например, эмансипация и секуляризация открыли беспрецедентные возможности для ассимиляции, которыми воспользовались бесчисленные евреи, и это случилось именно тогда, когда сионизм твердил, что они являются и должны оставаться отдельным народом; сионизм, позиционирующий себя как светский политический проект, постулировал право евреев на возвращение на свою «историческую родину» спустя 2000 лет изгнания², оперируя религиозными терминами и представляя Библию не как многослойный литературный памятник или богословское сокровище, а как надежный и достоверный исторический документ (впоследствии достоверность принципиально важных для сионизма библейских событий опровергли многие израильские историки и археологи³) и т. д.

После Первой мировой войны сионистская мифология на Западе не воспринималась всерьез. Тезис о праве на Землю Обетованную многими не воспринимался серьезно. Генерал Уолтер Конгрив, командовавший британскими войсками в Египте и Палестине, писал: «С таким же успехом

мы могли бы заявить, что Англия принадлежит Италии, поскольку когда-то она была занята римлянами»⁴. В отчете, подготовленном комиссией Кинга-Крейна (1919), содержится следующий комментарий: «Первоначальное заявление, часто выдвигаемое представителями сионистов, о том, что они имеют «право» на Палестину, основанное на том, что евреи занимали ее 2000 лет назад, вряд ли можно рассматривать серьезно»⁵. Арабы изложили свою точку зрения в ответе на британскую Белую книгу 1922 г.: «Мы снова и снова доказывали, что якобы историческая связь евреев с Палестиной опирается на очень скудные исторические данные. Исторические права арабов гораздо сильнее прав евреев. В Палестине было коренное население еще до того, как туда пришли евреи, и это население сохранялось на протяжении веков и никогда не ассимилировалось с еврейскими племенами, которые всегда были сами по себе»⁶.

Примечательно, что амбиции сионистов не выражались в светских терминах, и значение Библии для сионизма трудно переоценить. Шимон Перес говорил о социалисте-агностике Давиде Бен-Гурионе: «Его отправной точкой была Библия». Предложенные Бен-Гурионом границы Израиля он оправдывал ссылками на Библию. «Будь я арабским лидером, я бы не искал компромиссов с Израилем, – признался он в 1956 г. президенту Всемирного

2 Сионистская версия еврейской истории закреплена в Декларации независимости Израиля (1948). В преамбуле и основной части сказано, что еврейское государство провозглашено «в силу нашего естественного и исторического права». См. The Declaration of the Establishment of the State of Israel (1948) // Wikisource. – URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Declaration_of_Independence_\(Israel\)](https://en.wikisource.org/wiki/Declaration_of_Independence_(Israel)) (дата обращения: 30.12.2024).

3 См., например: Herzog Z. Deconstructing the Walls of Jericho: Biblical Myth and Archaeological Reality // Haaretz. – 1999. October 29.

4 Цит. по: [Segev, 2001, p. 118].

5 The King-Crane Commission Report, August 28, 1919 // World War I Document Archive. – URL: https://content.ecf.org.il/files/M00708_KingCraneReportTextEnglish.pdf (дата обращения: 30.12.2024).

6 Palestine: Correspondence with the Palestine Arab delegation and the Zionist Organisation. Presented to Parliament by command of His Majesty June, 1922 // United Nations. The Question of Palestine. – URL: <https://www.un.org/unispal/document/au-to-insert-196917/> (дата обращения: 03.01.2025).

еврейского конгресса Нахуму Гольдману. – Ничего удивительного: мы отняли у них страну. <...> Да, эта земля обещана нам Богом, но это не их Бог» [*Goldman*, 1978, p. 99].

Движущей силой сионизма, основанной на политическом толковании библейских текстов, стала вера в то, что Палестина – «историческая родина». В эпоху национализма территориальные претензии приобрели новый облик, но их квазирелигиозное измерение не исчезло. Отсюда и знаменитый афоризм Илана Паппе: «Большинство сионистов не верит в Бога, но верит, что Он обещал им Палестину».

По замечанию британского историка Гарднера Томпсона, «сионизм образовался как гибрид»: «Возникший из необходимости защищать жертв преследований, это был прежде всего колониальный проект приобретения территории и государственности. Светская политическая идеология обеспечила сионизму легитимность. Напротив, идеология, пропитанная религиозным мессианизмом, оказалась бы своеобразной во всё более светскую эпоху и вызывала бы меньше сочувствия за пределами еврейства. Тем не менее сионизм стремился удовлетворить чаяния и интересы еврейских общин, которые на протяжении веков определялись со ссылкой на Библию как религиозные, богобоязненные и уникальные: избранный народ, для которого существовала Земля Обетованная» [*Thompson*, 2019, p. 61]. Это идеологическое построение послужило сионизму хорошей службой. В зависимости от обстоятельств британский истеблишмент мог привлечь как светский аспект сионизма (с его комфортными и современными аргументами в пользу «национального самоопределения» евреев после Первой мировой войны), так и концепция гонимой религиозной общины, которая выполнит свое пред-

назначение, когда вернется в землю, дарованную ей ветхозаветным Богом.

Британские политики, способные определять судьбы целых народов в годы Первой мировой войны и после ее окончания, приняли сионистские утверждения. Сионизм мог остаться маргинальным или кануть в Лету, но был одобрен Лондоном, где правящие круги явно предпочитали, чтобы тысячи бежавших от погромов евреев ехали в Палестину, а не селились бы в Ист-Энде британской столицы. Следует добавить и то, что в правящих кругах Туманного Альбиона преобладали адепты христианского сионизма. Отрывки из Ветхого Завета вроде приведенных выше побудили ряд влиятельных британцев выступить за «возвращение» евреев в Палестину. Христианский сионизм базировался на видении будущего, экстраполированного из ветхозаветных пророчеств, и протосионистской теологии, в основе которой лежало обещание Бога Аврааму всей Земли Ханаанской. Кроме того, любовь Господа по отношению к кому-либо проходила через Его любовь к евреям: Он благословлял тех, кто благословляет евреев, и проклинал тех, кто проклинает их. Итак, еврейский народ имел божественное право владеть Ханааном (Палестиной), – но христианские сионисты молились, чтобы евреи уверовали в Иисуса; в 1809 г. было даже учреждено Лондонское общество пропаганды христианства среди евреев. Идея их обращения являлась краеугольным камнем христианского сионизма, а итогом должно было стать Второе пришествие Иисуса Христа, возвещающее исполнение Божьего замысла и Конец времен.

Интересны истоки христианского (протестантско-евангелического) сионизма. Первыми сионистами, то есть сторонниками собирания евреев в Палестине, были европейцы, верившие,

что данный процесс приведет ко Второму пришествию, причем евреи попадут в ад, если не будут крещены. В XVIII в. движение христианских сионистов стало разрастаться, к нему примкнули многие литераторы, политики и теологи. В викторианскую эпоху христианский сионизм распространился в религиозных, литературных и дипломатических кругах Великобритании и США. В 1807 г. британский колониальный чиновник Джеймс Бичено издал книгу «Восстановление евреев, кризис всех народов». Его взгляды не были уникальными: в XVIII – XIX вв. сотни протестантов в Европе и США придерживались аналогичных убеждений. Провозвестники политического сионизма Иехуда Алкалай (1798–1878), Цви-Гирш Калишер (1795–1874) и Мозес Гесс (1812–1875) написали о переселении в Палестину лишь полвека спустя после Бичено. Христианские сионисты поощряли сионизм задолго до того, как он получил широкое признание в еврейских общинах. Иронично, что сегодня миллионы евреев являются приверженцами идеологии, вдохновленной эсхатологическими фантазиями о том, как они будут гореть в аду.

Такие детали, вытесненные за рамки традиционного сионистского повествования, позволяют понять сущность Израиля, пролить свет на его прошлое, осмыслить (либо переосмыслить) настоящее, осознать предпосылки и глубину его внутренних противоречий. Я.М. Рабкин предлагает читателю увлекательное приключение с большим количеством открытий и отнюдь не самой растиражированной информации. Впрочем, помимо интеллектуального досуга, у книги «Израиль: война и мирь» есть важная историографическая функция: она не позволяет забыть, что происходило на самом деле, ибо, как в 2012 г. выразился постоян-

ный представитель Израиля при ООН Рон Просор, «в пустынях Ближнего Востока хорошо растут только мифы, а факты остаются погребены в песке».

Литература

Бард М. Мифы и факты. Путеводитель по арабо-израильскому конфликту : пер. с англ. – Москва : Текст, 2007. – 480 с.

Дершовиц А. Слово в защиту Израиля : пер. с англ. – Москва : Текст, 2011. – 475 с.

Занд Ш. Как и почему я перестал быть евреем : пер. с иврита. – Москва : Эксмо, 2013. – 192 с.

Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ : пер. с иврита. – Москва : Эксмо, 2010. – 544 с.

Занд Ш. Кто и как изобрел Страну Израиля : пер. с иврита. – Москва : Эксмо, 2012. – 448 с.

Каханэ М. Никогда больше : пер. с англ. – 2-е изд. – Иерусалим, Москва : Гешарим, 1999. – 239 с.

Рабкин Я. Еврей против еврея. Иудейское сопротивление сионизму. – Москва : Текст, 2009. – 540 с.

Рабкин Я.М. Израиль: война и мирь. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – 352 с.

Финкельштейн Н. Индустрия Холокоста. – Москва : Русский вестник, 2002. – 174 с.

Шапира А. История Израиля. От истоков сионистского движения до интифады начала XXI века : пер. с англ. – Москва : КоЛибри, 2023. – 656 с.

Abu Sitta S. Mapping My Return: A Palestinian Memoir. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 352 p.

Chomsky N. On Palestine. – London : Penguin, 2015. – 218 p.

Flapan S. Zionism and the Palestinians. – London : Croom Helm, 1979. – 361 p.

Goldman N. The Jewish Paradox. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1978. – 218 p.

Hazkani S. Dear Palestine: A Social History of the 1948 War. – Stanford,

CA : Stanford University Press, 2021. – 348 p.

Khalidi R. Hundred Years' War on Palestine. – New York : Metropolitan Books, 2021. – 336 p.

Khalidi W. All That Remains: The Palestinian Villages Occupied and Depopulated by Israel in 1948. – Washington, DC : Institute for Palestine Studies, 1992. – 636 p.

Kimmerling B. Politicide: Ariel Sharon's War Against the Palestinians. – London : Verso, 2003. – 234 p.

Masalha N. Expulsion of the Palestinians: The Concept of "Transfer" in Zionist Political Thought, 1882–1948. – Washington, DC : Institute for Palestine Studies, 1992. – 236 p.

McCartney J. The Population of Palestine: Population History and Statistics of the Late Ottoman Period and the Mandate. – New York : Columbia University Press, 1990. – 242 p.

Morris B. The Birth of the Palestinian Refugee Problem, 1947–1949. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 400 p.

Pappe I. The Ethnic Cleansing of Palestine. – London, New York : Oneworld, 2006. – 336 p.

Rabkin Y. Comprendre l'État d'Israël. Idéologie, religion et société. – Montréal : Écosociété, 2014. – 272 p. – Франц. яз.

Rabkin Y.M. Israele: paese senza confini. – Verona : Ornitorinco, 2020. – 200 p. – Итал. яз.

Raz A. Loot: How Israel Stole Palestinian Property. – London : Verso, 2024. – 352 p.

Shlaim A. Collusion across the Jordan: King Abdullah, the Zionist Movement, and the Partition of Palestine. – New York : Columbia University Press, 1988. – 676 p.

Segev T. One Palestine, Complete: Jews and Arabs Under the British Mandate. – New York : Henry Holt & Company, 2001. – 640 p.

Segev T. The Seventh Million: Israelis and the Holocaust. – New York : Hill and Wang, 1991. – 608 p.

Shapira A. Land and Power. The Zionist Resort to Force, 1881–1948. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1999. – 464 p.

Thompson G. Legacy of Empire. Britain, Zionism and the Creation of Israel. – London : Saqi Books, 2019. – 368 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.11

Reading the Book “Israel: The War and the World” by Yakov Mironovich Rabkin

Maria V. KICHA

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State

The Rostov branch of the University of Justice named after V.M. Lebedev
Lenin Avenue, 66, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344038

E-mail: kichamv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2932-2017

CITATION: Kicha M.V. (2025). Reading the Book “Israel: The War and the World” by Yakov Mironovich Rabkin. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 183–192 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.11

Received: 14.01.2025.

Revised: 16.02.2025.

ABSTRACT. *This article presents a review of Ya.M. Rabkin's book, **Israel: The War and the World**, published in Moscow in 2024. Drawing on materials from numerous scholars – including Israeli researchers – and rooted in Jewish tradition, the author offers an original perspective on Zionism for a Russian-speaking audience. His analysis provides an alternative viewpoint that diverges from the Zionist narrative prevalent in the majority of publications and dominant within the Russian-language segment of thematic literature. The book is particularly relevant in light of the ongoing Arab-Israeli conflict, contemporary efforts toward a peaceful resolution, and broader geopolitical developments in the Middle East.*

KEYWORDS: *Israel, Zionism, Christian Zionism, Palestine, Jewish tradition, Jews, Arabs, Arab-Israeli conflict, state.*

References

- Abu Sitta S. (2016). *Mapping My Return: A Palestinian Memoir*. Oxford: Oxford University Press, 352 pp.
- Bard M. (2007). *Myths and Facts. A Guide to the Arab-Israeli Conflict*. Moscow: Tekst, 480 pp. (transl. into Russian).
- Chomsky N. (2015). *On Palestine*. London: Penguin, 218 pp.
- Dershowitz A. (2011). *The Case for Israel*. Moscow: Tekst, 475 pp. (transl. into Russian).
- Finkelstein N. (2002). *The Holocaust Industry*. Moscow: Russkiy vestnik, 174 pp. (in Russian).
- Flapan S. (1979). *Zionism and the Palestinians*. London: Croom Helm, 361 pp.
- Goldman N. (1978). *The Jewish Paradox*. London: Weidenfeld & Nicolson, 218 pp.
- Hazkani S. (2021). *Dear Palestine: A Social History of the 1948 War*. Stanford, CA: Stanford University Press, 348 pp.

- Kahane M. (1999). *Never Again*. 2nd ed. Jerusalem, Moscow: Gesharim, 239 pp. (transl. into Russian).
- Khalidi R. (2021). *Hundred Years' War on Palestine*. New York: Metropolitan Books, 336 pp.
- Khalidi W. (1992). *All That Remains: The Palestinian Villages Occupied and Depopulated by Israel in 1948*. Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 636 pp.
- Kimmerling B. (2003). *Politicide: Ariel Sharon's War Against the Palestinians*. London: Verso, 234 pp.
- Masalha N. (1992). *Expulsion of the Palestinians: The Concept of "Transfer" in Zionist Political Thought, 1882–1948*. Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 236 pp.
- McCartney J. (1990). *The Population of Palestine: Population History and Statistics of the Late Ottoman Period and the Mandate*. New York: Columbia University Press, 242 pp.
- Morris B. (1988). *The Birth of the Palestinian Refugee Problem, 1947–1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 400 pp.
- Pappe I. (2006). *The Ethnic Cleansing of Palestine*. London, New York: Oneworld, 336 pp.
- Rabkin Ya. (2009). *Jew Against Jew. Jewish Resistance to Zionism*. Moscow: Tekst, 540 pp. (in Russian).
- Rabkin Y. (2014). *Understand the State of Israel. Ideology, Religion and Society*. Montréal: Écosociété, 272 pp. (in French).
- Rabkin Y.M. (2020). *Israel: a Country Without Borders*. Verona: Ornitorinco, 200 pp. (in Italian).
- Rabkin Y.M. (2024). *Israel: The War and the World*. Moscow: INION, 352 pp. (in Russian).
- Raz A. (2024). *Loot: How Israel Stole Palestinian Property*. London: Verso, 352 pp.
- Sand Sh. (2010). *Who Invented the Jewish People and How*. Moscow, Eksmo, 544 pp. (transl. into Russian).
- Sand Sh. (2012). *Who Invented the Land of Israel and How*. – Moscow, Eksmo, 448 pp. (transl. into Russian).
- Sand Sh. (2013). *How and Why Did I Stop Being Jewish*. Moscow, Eksmo, 192 pp. (transl. into Russian).
- Shapira A. (1999). *Land and Power. The Zionist Resort to Force, 1881–1948*. Stanford, CA: Stanford University Press, 464 pp.
- Shapira A. (2023). *The History of Israel. From the Origins of the Zionist Movement to the Intifada of the Early 21st Century*. Moscow: CoLibri, 656 pp. (transl. into Russian).
- Shlaim A. (1988). *Collusion across the Jordan: King Abdullah, the Zionist Movement, and the Partition of Palestine*. New York: Columbia University Press, 676 pp.
- Segev T. (1991). *The Seventh Million: Israelis and the Holocaust*. New York: Hill and Wang, 608 pp.
- Segev T. (2001). *One Palestine, Complete: Jews and Arabs Under the British Mandate*. New York: Henry Holt & Company, 640 pp.
- Thompson G. (2019). *Legacy of Empire. Britain, Zionism and the Creation of Israel*. London: Saqi Books, 368 pp.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 18 № 1 – 2025**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 25.03.2025
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,6 Уч.-изд. л. 15,7
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6